

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin Of Nizhnevartovsk State University

Журнал издается с 2008 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, утвержденный ВАК РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н.*
Повстанческое движение на востоке России на начальном этапе Гражданской войны: причины и предпосылки 3
- Кащеев В.И.*
Проблемы классического образования в России в произведениях А.П. Чехова: «Случай с классиком» и «Репетитор» 10
- Конев А.Ю.*
Неизвестный источник о крещении Лобана (Онжина) Алачева: к истории кодских князей и их потомков (XVII – начало XIX вв.) 18
- Корженевский К.Б.*
Разграничение Омского уезда между Омской и Акмолинской губерниями в 1921–1922 гг. 25
- Пислегин Н.В.*
Некоторые вопросы этногенеза и этнической истории кряшен Удмуртского Прикамья в первой половине и середине XVIII в. 33
- Стожко Д.К., Стожко К.П.*
К вопросу о построении рыночной экономики в России: исторические альтернативы (к 130-летию со дня рождения Н.И. Бухарина) 41
- Узрюмова М.В.*
Участие известных деятелей науки и культуры в работе земского самоуправления России второй половины XIX – начала XX вв. 49
- Цысь В.В.*
Деятельность русской православной церкви и светской власти по организации школ для коренного населения Тобольского Севера в 1830–50-х гг. 60
- Цысь О.П.*
Участие духовенства Тобольского Севера в переводе «Устава об управлении инородцев» 1822 г. 67

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Максвелл Ако Овусу-Ампау, Бокерия С.А.*
Отношения между Ганой и Россией: история и перспективы 75
- Вдовченко Е.В., Ли Джи Ын*
Образ мирового древа в погребении хазарского времени в Подонье и на корейских диадемах: проблема культурных контактов на территории Евразии.....82
- Колесов В.И.*
Из «рум-миллет» в российские инородцы: начало процесса группообразования горских греков северо-западного Кавказа (первая половина XIX в.) 92
- Литовченко Е.В., Шилина С.В.*
Патронаж и эвергетизм в позднеантичном обществе (по материалам сочинений авторов V – первой половины VI вв.) 103
- Савельева А.В., Сойкин А.А.*
США и подводная война кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. 114
- Шалак М.Е.*
Выстраивание взаимоотношений Малой Ногайской Орды с Крымским ханством в первые годы ее существования 119
- Якубова Л.А., Бадалов М.Ф.*
Внутренняя миграция в Европейском союзе и ее последствия в 2000–2014 гг. 127

Главный редактор

Горлов С. И., доктор физико-математических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Заместитель главного редактора

Коричко А. В., кандидат педагогических наук, доцент
(г. Нижневартовск)

Ответственный редактор

Солодкин Я. Г., доктор исторических наук, профессор
(г. Нижневартовск)

Члены редакционной коллегии

Аикин В. А., доктор педагогических наук, профессор (г. Омск)

Гбоко С. К., кандидат педагогических наук

(г. Буаке, Республика Кот-д'Ивуар)

Горшков-Кантакузен В. А., доктор медицинских наук, профессор

(г. Москва)

Дайнеко Н. М., кандидат биологических наук, доцент (г. Гомель,
Республика Беларусь)

Еманов А. Г., доктор исторических наук, профессор

(г. Тюмень)

Ибрагимова Л. А., доктор педагогических наук, профессор

(г. Нижневартовск)

Казанский М. М., доктор-хабилитат (г. Париж)

Кулагин А. Ю., доктор биологических наук, профессор (г. Уфа)

Лубышева Л. И., доктор педагогических наук, профессор

(г. Москва)

Нурбеков Б. Ж., доктор педагогических наук, профессор

(г. Астана, Республика Казахстан)

Маймерова Г. Ш., кандидат медицинских наук (г. Бишкек,
Кыргызская Республика)

Медведев С. С., доктор биологических наук, профессор

(г. Санкт-Петербург)

Синявский Н. И., доктор педагогических наук, профессор

(г. Сургут)

Солодкин Я. Г., доктор исторических наук, профессор

(г. Нижневартовск)

Суртаева Н. Н., доктор педагогических наук, профессор

(г. Санкт-Петербург)

Талыбов Т. Г., доктор биологических наук, профессор

(г. Нахчыван, Азербайджанская Республика)

Усманов И. Ю., доктор биологических наук, профессор

(г. Нижневартовск)

Фаткуллаев П. У., доктор философии по аграрным наукам,
доцент (г. Нахчыван, Азербайджанская Республика)

Цысь В. В., доктор исторических наук, доцент

(г. Нижневартовск)

Чорэф М. М., кандидат исторических наук (г. Нижневартовск)

Шаров О. В., доктор исторических наук, ведущий научный

сотрудник (г. Санкт-Петербург)

Editor-in-Chief

Gorlov S. I., Doctor of Physics and Mathematics, Professor
(Nizhnevartovsk)

Deputy Editor

Korichko A. V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Profes-
sor (Nizhnevartovsk)

Executive editor

Solodkin Ya. G., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Editorial Board

Aikin V. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Omsk)

Gboko S.K., Candidate of Pedagogical Sciences (Bouake,
Republic of Côte d'Ivoire)

Gorshkov-Kantakuzen V.A., Doctor of Medical Sciences, Professor

(Moscow)

Daineko N. M. Candidate of Biological Sciences, Professor

(Gomel, Republic of Belarus)

Emanov A. G., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

(Tyumen)

Ibragimova L. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

(Nizhnevartovsk)

Kazansky M. M., doctor Habilitate (Paris)

Kulagin A. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor (Ufa)

Lubysheva L. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

(Moscow)

Nurbekov B. Zh., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

(Astana, Republic of Kazakhstan)

Majorova G. Sh., Candidate of Medical Sciences (Bishkek,
Kyrgyz Republic)

Medvedev S. S., Doctor of Biological Sciences, Professor

(Saint Petersburg)

Sinyavsky N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

(Surgut)

Solodkin Ya. G., Doctor of Historical Sciences, Professor

(Nizhnevartovsk)

Surtaeva N. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

(Saint Petersburg)

Talibov T. G., Doctor of Biological Sciences, Professor

(Nakhchivan, Azerbaijan Republic)

Usmanov I. Yu., Doctor of Biological Sciences, Professor

(Nizhnevartovsk)

Fatullayev P. U., Doctor of Philosophy in agricultural Sciences,
Associate Professor (Nakhchivan, Azerbaijan Republic)

Tsys V. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

(Nizhnevartovsk)

Choref M. M., Candidate of Historical Sciences (Nizhnevartovsk)

Sharov O. V., Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher

(Saint Petersburg)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

Журнал индексируется в следующих научных базах:

- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка (CyberLeninka)
- European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)
- Academic Resource Index Research Bible
- Google Академия
- Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR)
- Scientific Indexing Services (SIS)
- Open Academic Journals Index (OAJI)
- Polska Bibliografia Naukowa (PBN)
- Eurasian Scientific Journal Index (ESJI)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: Россия, 628605, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 17.12.2018
Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12. Тираж 1000 экз.
Заказ 2047

Отпечатано в Издательстве НВГУ
Россия, 628615, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11.
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

ISSN 2311-1402

© Нижневартовский государственный университет, 2018

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.51)«1918»

С.Л. Бехтерев, Л.Н. Бехтерева
Ижевск, Россия

ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема установления причин и предпосылок повстанческого движения в годы Гражданской войны в России. Цель исследования – преодоление краеведческо-очеркового и субъективно-идеологического восприятия этого феномена и получение достоверных научных знаний о начальном периоде постимперской эпохи, ставшем отправной точкой в формировании советской государственности, коренным образом изменившим социальные отношения в стране и оказавшем заметное влияние на развитие мирового сообщества. На основе историографических результатов предыдущих исследователей, опубликованных и вводимых в научный оборот новых, преимущественно архивных, источников установлено, что наиболее крупными и создающими угрозу военно-политическому руководству советской России летом–осенью 1918 г. оказались вооруженные восстания населения Урало-Поволжья, находившегося в полосе боевых действий Восточного фронта Красной армии. В ходе его наступления к февралю 1919 г. протестное движение под флагом «демократической контрреволюции» было подавлено. Однако предпосылки для сопротивления большевизму сохранялись. Заключительным аккордом Гражданской войны в России стали крестьянские выступления 1919–1922 гг., «сентябрьский заговор» в Ижевско-Воткинском районе (1920 г.), Тамбовский, Западно-Сибирский и Кронштадтский мятежи 1920–1921 гг.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения протестных движений, конкретизации официальной позиции политического руководства Российской Федерации по ключевым проблемам отечественной истории и Гражданской войны в частности. Они могут стать документальной доказательной базой для продолжения работы по реабилитации жертв незаконных политических репрессий.

Ключевые слова: повстанческое движение; восток России; Гражданская война; начальный этап; причины; предпосылки; «демократическая контрреволюция».

Сведения об авторах: Сергей Львович Бехтерев¹, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права; Людмила Николаевна Бехтерева², доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора.

Место работы: ¹Удмуртский государственный университет; ²Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН.

Контактная информация: ¹426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1; тел.: 8(951)195-63-68, e-mail: sergbehterev@yandex.ru; ²426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел.: 8(3412)68-26-67, e-mail: behterevaLN@yandex.ru.

Проблема установления причин и предпосылок повстанческого движения Гражданской войны в России относится к важнейшим темам изучения начального периода постимперской эпохи, ставшего отправной точкой в формировании советской государственности, коренным образом изменившим социальные отношения в стране и оказавшего заметное влияние на развитие мирового сообщества.

В связи с этим посылом остро дискуссионным считается содержание понятия «Гражданская война в России». Не углубляясь в историографические детали, отметим, что на сегодняшний день из всего многообразия дефиниций наиболее употребляемым является определение, данное авторским коллективом словаря-справочника по истории России, выпущенного Московским государ-

ственным университетом им. М.В. Ломоносова. В нем Гражданская война характеризуется как «охватившее всю страну вооруженное противоборство всех социально-политических сил, недовольных установившейся после Октябрьской революции 1917 года Советской властью (фактически диктатурой партии большевиков)» (Орлов, Георгиева, Георгиев 2011: 138). Здесь же начальный (первый) этап Гражданской войны трактуется как временной промежуток с января до ноября 1918 г., куда включены такие события, как становление Белого движения, восстание чехословацкого корпуса на Урале и в Сибири, начало интервенции; превращение Советской России в единый «военный лагерь», первые успехи Красной армии на Восточном фронте (Орлов, Георгиева, Георгиев 2011: 139).

Данные формулировки в значительной степени коррелируют с официальной позицией руководства Российской Федерации, изложенной в правительственной Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: «Россия не может в полной мере стать правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих своих граждан, ставших жертвами политических репрессий. Особенно важным в этой связи является осознание трагического опыта России, пережитого страной и ее гражданами после октябрьских событий 1917 года, который характеризуется разрывом традиций, утратой преемственности культурного опыта, разрушением межпоколенческих связей. Вследствие репрессий страна пережила масштабные социальные катаклизмы. Помимо колоссальных потерь, понесенных в период Гражданской и Великой Отечественной войн, Россия пережила целый ряд иных трагедий, в числе которых: гонения на представителей религиозных конфессий; послереволюционная эмиграция наиболее образованной части населения, многолетняя дискриминация тех представителей дореволюционной элиты, кто предпочел остаться в России...» (О концепции государственной политики 2015).

Что же касается регионального охвата, то термином «восток России» в контексте Гражданской войны традиционно обозначаются районы Урало-Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, входившие в полосу боевых действий Восточного фронта Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), образованного 13 июня 1918 г. постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР (Восточный фронт 1983: 116). Кроме того, на данных территориях летом–осенью 1918 г. установились всероссийские антибольшевистские правительства: Комитет членов Учредительного собрания (Самара, с 8 июня 1918 г.), Уфимская директория (с 23 сентября 1918 г.) и др. В свою очередь, наиболее масштабным и создающим угрозу для военно-политического руководства РСФСР оказалось вооруженное выступление жителей Прикамья в центре сосредоточения стратегически важных для противоборствующих в годы Гражданской войны в России правительств Ижевского и Воткинского оборонных заводов в августе–ноябре 1918 г., направленное на восстановление в правах распущенного в январе 1918 г. Учредительного собрания как высшего легального и легитимного общенационального органа государственной власти. В то же время оно считается самым крупным восстанием с участием рабочих против режима «диктатуры пролетариата». В научной литературе оно известно как Ижевско-Воткинское восстание 1918 года.

Очень важно учитывать, что столкнувшись с актами протестного движения, советское руководство сразу же попыталось дать им более или менее объективную оценку. Так, в циркулярной телеграмме «Всем губисполкомам, горисполкомам, уездисполкомам» (конец 1918 г.) Нарком внутренних дел РСФСР Г.И. Петровский отмечал, что «в последнее время целый ряд губерний был охвачен восстанием. Еще не закончено расследование событий, но уже с первых шагов следствия выяснилось, что наряду с работой контрреволюционеров одной из причин восстаний была недостаточная тактичность в действиях представителей местной Советской власти, неумелое исполнение ими заданий центра и непонимание характера своей работы. Особенно это обнаружилось при осуществлении декретов о сборе десятиллиардного налога, наложении контрибуций и конфискации, проведении мобилизации, отделении церкви от государства» (ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 44. Д. 1. Л. 94). Нетрудно заметить, что основную вину за антиправительственные выступления пролетарский центр возложил на советскую периферию.

Говоря о причинах и предпосылках повстанчества, следует принять во внимание их комплексный и межрегиональный характер. Не вдаваясь в подробности анализа социально-экономической и общественно-политической ситуации, отметим наиболее важные факторы, сопутствовавшие восстаниям. Главный из них – это признание легальности и легитимности того или иного правительства, образовавшегося в результате распада Российской империи, а затем Российской Республики. Например, в ноябре 1917 г. Воткинский профсоюз служащих, выражая полное доверие уже низложенному Временному правительству, обратился «с категорическим призывом» в Ставку Верховного главнокомандующего, к фронтовым комитетам, «своим отцам, сынам и братьям, находящимся в армии, принять самые быстрые и решительные меры к подавлению мятежа и тем самым дать возможность собраться Учредительному собранию и спасти родину от анархии» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11247. Л. 101).

Далее, 3 декабря 1917 г. на общем собрании того же Союза служащих в Воткинске жаркие дебаты развернулись по вопросу отчислений в местный Совет рабочих и солдатских депутатов. Высказывались разные мнения: «никому и ничего не давать», «добровольно отчислять», «для чего отчислять, когда эту власть не желают признавать сами солдаты, так как отказываются идти в наряды». После ухода большевиков и части членов с заседания ввиду отсутствия кворума вопрос вообще был снят с повестки (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1.

Д. 11247. Л. 314). При тайном голосовании цехового комитета служащих Управления Воткинского завода 20 декабря 1917 г. за резолюцию № 1 «Вся власть Учредительному собранию» проголосовали 105 человек, а за резолюцию № 2 «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Советам народных комиссаров» – 13 человек (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11247. Л. 48).

По мере развертывания Гражданской войны, особенно с разгоном 6(19) января 1918 г. Учредительного собрания происходила поляризация политических симпатий. Настроение основной массы населения зависело и от первых шагов советской власти, имевших негативные последствия. Так, активизация политики национализации экономики вызвала массовую безработицу. Переход ссудно-сберегательных касс в руки пролетарского государства резко ухудшил финансовое положение трудящихся, имевших свои накопления. Один из первых исследователей Гражданской войны на Урале И. Подшивалов, отметив, что октябрьский переворот произвел резкие изменения в производственной жизни, выделил комплекс причин, способствовавших, по его мнению, изменению экономической и политической ситуации на предприятиях: удаление хозяев и управляющих, введение 8-часового рабочего дня и, как следствие этого, – их ослабление в отношении организации, сырья, денег; уход с уральских заводов наиболее активных рабочих в связи с мобилизацией для борьбы с атаманом Оренбургского казачества А.И. Дутовым и крестьянскими восстаниями; проявившийся в резкой форме продовольственный голод. «Под влиянием всех этих причин, – заключил автор, – заводы 1918 г. отличаются политической неустойчивостью» (Подшивалов 1925: 106–107). Очевидно, вышесказанное можно отнести и к другим территориям России.

В течение января–апреля 1918 г. происходили роспуск земских и организация советских учреждений. Так, состоявшийся 21–26 февраля того же года Сарапульский уездный съезд Советов крестьянских депутатов постановил упразднить земство и сосредоточить всю власть в руках Совета рабочих и крестьянских депутатов (Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии 1957: 388). 10 марта исполком Сарапульского уездного Совета были распущены городская дума и управа Сарапула (Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии 1957: 246). Воткинская волостная земская управа была упразднена 11 апреля 1918 г. решением Воткинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11241. Л. 248). Как сообщалось в газете «Труженик» от 14 апреля 1918 г., «Советская власть в настоящее время

введена во всех уголках Сарапульского уезда» (Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии 1957: 291). В феврале 1918 г. волостные сходы приняли постановления о конфискации частновладельческих земель и их переделах.

Заключение Брестского мира вызвало недовольство патриотически настроенных граждан. Соответственно, усилилась критика СНК «справа» и «слева». Так, один из лидеров Всероссийского союза эсеров-максималистов (ССРМ) Ф.Я. Светлов по этому поводу писал: «Кровью и ужасом веет от германских условий мира. Принятие этого мира было бы для трудовой России беспримерным кощунством над памятью тех, кто погиб за дело великой трудовой революции, изменой делу социализма, отказом от всех трудовых достижений, полным духовным и материальным порабощением. Этот «мир» обрекает нас на роль политического вассала Германии и на роль ее экономической колонии... Мы не только теряем территорию в несколько сот тысяч квадратных верст с несколькими десятками миллионов культурного населения, – это еще полбеды, мы теряем такую территорию и тем, что утрачиваем надолго возможность экономического возрождения и осуществления трудовых социалистических задач» (Светлов 1918: 1). Последовавшая за этим массовая демобилизация из русской армии, закончившаяся в целом к маю 1918 г., усугубила экономическое и социально-политическое положение.

Одним из первых актов протестного движения стал Ижевский мятеж эсеров-максималистов, перешедших в правительственную оппозицию большевикам, подавленный военно-коммунистическими организациями к 25 апреля 1918 г. (Бехтерев 1997: 64–70). Оппозиция «слева» в лице СССРМ уже весной 1918 г. увидела угрозу «пролетарской революции» со стороны большевиков. Так, в листовке-обращении «К ижевцам» члены местной неонароднической организации отмечали: «... мы видим впереди большевистский кулак, палку, законы, декреты и приказы. Ленин тот же Николай, но с кличкой социалиста. Тем хуже. Николай носил только кличку Кровавого... Он открыто шел против Вас. А Ленин-социалист подходит к Вам с поцелуями “иуды”. Идите за ним... Молитесь за него. Будьте снова рабами... Много лилось крови, лейте еще... и на крови создавайте трон Большевикам» (ЦГА УР. Ф. Р-1082. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–6).

Декретом ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию от 13 мая 1918 г. в подконтрольной большевикам части России была установлена советская «продовольственная диктатура». Центральная газета «Правда» со ссылкой на Петроградское

телеграфное агентство сообщала, что 28 июня в Сарапульском уезде «идет реквизиция кулацкого хлеба. Отношение населения к продовольственным отрядам благожелательное» (Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии 1957: 332). Однако не все было так благополучно. Непосильная продовольственная разверстка в Вятской губернии спровоцировала голод и сопротивление населения продотрядам. Кризис усугубили отмена свободы торговли и реквизиция рабочего скота для РККА. По свидетельству Т. Широких, рядового обывателя сельской округи Ижевского завода (с. Нылги-Жикья Сарапульского уезда), «с приездом в Нылгу Петроградского продовольственного отряда жизнь резко изменилась в худшую сторону.

Продовольственники прекратили свободную торговлю. Закрыли частные лавки. Отменили базары и ярмарки. Вследствие этого началась продажа из-под полы по спекулятивным ценам. Затем взяли на учет весь хлеб и скот. Учет произвели с таким расчетом: ржи 30 фунтов на месяц на человека. Овса 20 фунтов в месяц на лошадь. На коров, овец и свиней до октября не полагалось: могут прожить подножным кормом. Лошадей оставляли одну на домохозяина, коров – на пять человек одну. Свиней, овец более пары, а кур более 10 штук иметь было нельзя. Весь излишек хлеба и скота подлежал реквизиции, по ценам ниже себестоимости. Застонали мужики.

После описи хлеба и скота красные решили приступить к описи холста и одежды. Завыли бабы.

Началось глухое раздражение населения. Большевистский угар начал проходить. Этому много способствовало еще то обстоятельство, что красногвардейцы-продовольственники вели себя крайне дерзко с населением: пьянствовали, оскорбляли женщин и девушек, вытапывали овощи в огородах, портили сады. Нахально требовали от населения масла, яиц, молока и других продуктов. Загоняли лошадей. Резали по ночам телят, овец и домашнюю птицу. Жаловаться на эти безобразия было нельзя: обвинят в ложном доносе, подведут под провокацию с целью подрыва авторитета советской власти. Ну и молчали, плакали и молчали» (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 383. Л. 144 об.).

Общественно-политическую обстановку осложнили и другие акты советской власти: Декрет ВЦИК о принудительном наборе в РККА (29 мая), Декрет ВЦИК и СНК РСФСР о создании комитетов бедноты как органов диктатуры пролетариата на селе (11 июня) и др. Весной–летом 1918 г. легитимность советской власти оспаривалась повсеместно. Еще 27 мая большинство нового состава депутатов Ижевского Совета высказалось за передачу власти Учредительному собранию. После захвата Самары чехами 7–8 июня,

формирования антисоветского Всероссийского правительства и Народной армии Комуца воткинский рабочий А.В. Смирнов вспоминал, что «указаний ЦК меньшевиков не было, какой политики держаться к означенному выступлению». На одном из собраний было постановлено: «идейную борьбу с большевиками продолжать, по-прежнему доказывая, что они стали на скользкий путь, взяв власть в свои руки, но от массово-вооруженных выступлений воздержаться, указывая, что все эти контрреволюционные выступления (чехословаки и др.) против себя создали сами большевики, взяв власть в свои руки под лозунгом диктатуры пролетариата» (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 385. Л. 37).

По данным сводки информационно-справочного отдела Уралуправления от 13 июля 1918 г. по Сарапульскому уезду, 19 июня того же года произошел инцидент на Воткинском районном съезде Советов. На голосование был поставлен вопрос о признании советской власти. В течение 5-минутного перерыва 22 делегата, «избегая щекотливого вопроса, сбежали» (ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 1656. Л. 41). В итоге при одном воздержавшемся была принята резолюция в поддержку советской власти. В то же время съезд потребовал отменить хлебную монополию и в особенности карательные экспедиции в деревню, а также единоличную диктатуру на железных дорогах, «как окончательно убивающую транспорт» (ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 1656. Л. 41).

При этом даже те депутаты местных собраний, которые поддерживали власть Советов, выступали против негативных ее проявлений. В данном плане весьма показательна резолюция, принятая в июле 1918 г. Сарапульским съездом крестьянских делегатов. Селяне, поддерживая советскую власть, учет и реквизицию хлеба, решительно потребовали от «Совета Федеративной Республики и V Всероссийского Съезда Советов немедленного упразднения самоличного комиссародержавия» (ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 1656. Л. 42).

Повод к антисоветским выступлениям в каждой местности был разный. Прелюдией Ижевско-Воткинского восстания послужили следующие события. В июле 1918 г. на пристани уездного Сарапула появились первые «баржи смерти» с заложниками – противниками советской власти, что накалило обстановку. 7 июля в Вятке был создан Чрезвычайный военно-революционный штаб (ВРШ). 17–21 июля ижевские организации большевиков и максималистов с опорой на Петроградский отряд разогнали прежний состав Ижевского совета. На состоявшейся 30 июля – 2 августа 1918 г. Второй Вятской губернской конференции РКП(б) делегат

Ижевской организации В.Л. Сергеев докладывал 1 августа: «После разоружения Красной армии наша партия реорганизовалась... Члены партии готовились к аресту Совета. В конце пошли на соглашение с максималистами; работать максималисты согласились при условии освобождения 14... арестованных. Комитет партии их освободил. Петроградский отряд и коммунисты окружили и арестовали часть старого Совета. Все ответственные посты заняли коммунисты» (ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 18). 2 августа в Вятской губернии было объявлено военное положение. 6 августа Народная армия и чехи захватили Казань. В этот же день вся власть в Сарапуле и на Ижевском заводе перешла к ВРШ. Одновременно в Ижевске были арестованы члены организации «Союз фронтовиков».

Как отмечалось в статье «Бой под Ижевском 6–7 ноября 1918 года» под авторством Г. Щура [очевидно, псевдоним. – С.Б., Л.Б.], опубликованной в январе 1919 г. в первом номере журнала «Военная мысль» (органа Революционного военного совета Восточного фронта РККА), непосредственным поводом к восстанию в Ижевско-Воткинском районе послужило нежелание «подчиниться приказу о мобилизации и стать в ряды защитников советской власти» (Щур 1919: 6). Действительно, как свидетельствуют источники, к началу августа 1918 г. резко обострилась обстановка на Восточном фронте. Прикамье оказалось в полосе операций 2-й и 3-й армий РККА. Штаб первой из них, оставив Уфу, эвакуировался в Сарапул и принял решение об усилении крестьянских частей рабочими Ижевска и Воткинска. Для добровольного набора на заводы в конце июля прибыли его представители. Многие рабочие Ижевска приезд членов штаба встретили полувраждебно, смотрели на них как на дезертиров, оставивших без боя Уфу. Члены парткома РКП(б), ссылаясь на активизацию подпольной работы их политических противников, согласились лишь на частичную мобилизацию коммунистов.

«Максималистов мы уломали, – вспоминал А.П. Кучкин, заведующий политотделом 2-й Красной армии. – Они тоже согласились провести мобилизацию» (Урал и Прикамье 1982: 321–323). В комитете РКП(б) представителей штаба предупредили, что большинство рабочих настроены враждебно к коммунистам, идут за максималистами, эсерами, меньшевиками, и толку от вербовки не будет. «За два часа до окончания работ (иначе ни одного не соберешь), – продолжал А.П. Кучкин, – был дан гудок: знак собираться на митинг. У всех ворот были расставлены часовые, не пропускавшие рабочих по домам.

Когда ораторы, надрываясь, заканчивали лозунгами свою речь, в ответ было молчание... Многие выкрикивали: “Не надо было задерживать чехов! Пусть бы ехали на Дальний Восток – тогда бы не было войны! Сами коммунисты виноваты! Идти брат на брата – не дело это!” И совсем-совсем робко, жидко раздавались голоса: “Идти надо на фронт! За бабьими юбками добра не дождемся!...” Наши призывы повисли в воздухе... Кажется, только на одном митинге прошла незначительным большинством резолюция о поддержке Советской власти вообще... На других митингах провалилась и эта резолюция... Побитыми собаками оставляли мы Ижевск» (Урал и Прикамье 1982: 321, 325). Однако накануне Ижевско-Воткинского восстания, в начале августа 1918 г., до 900 добровольцев ушли из Ижевска на Казанский фронт для пополнения 2-й Красной армии.

В целом в ходе наступления Восточного фронта РККА в сентябре 1918 – феврале 1919 гг. советское руководство смогло подавить повстанческое движение, основу которого составила так называемая «демократическая контрреволюция». Между тем сохранялись предпосылки сопротивлению большевизму. Заключительным аккордом Гражданской войны в России стали крестьянские выступления 1919–1922 гг., «сентябрьский заговор» в Ижевско-Воткинском районе (1920 г.), Тамбовский, Западно-Сибирский и Кронштадтский мятежи 1920–1921 гг.

Дальнейшее изучение причин и предпосылок повстанчества в России в эпоху Гражданской войны позволяет преодолеть краеведческое очерковое и субъективно-идеологическое восприятие этого феномена отечественной истории и получить о нем достоверные научные знания. Требуется углубленный анализ характера, направленности, содержания, состава участников движения, его генезиса и динамики на всех этапах развития: от формирования общественного мнения и распространения соответствующего дискурса до собственно протестного поведения в разных его формах, как мирных, так и вооруженных. Предполагается уточнение территориальных и хронологических рамок, соотношения протестного и позитивного аспектов программы, степени его влияния на общероссийский политический процесс. Самостоятельным исследовательским направлением может стать изучение исторических судеб его участников, в том числе эмигрировавших в страны «дальнего зарубежья». Новые материалы и выводы, сделанные учеными в данном отношении, будут способствовать конкретизации официальной позиции политического руководства Российской Федерации по ключевым проблемам отечественной истории

и Гражданской войны в частности. Они могут стать документальной доказательной базой для дальнейшей работы по реабилитации жертв незаконных политических репрессий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКО – Государственный архив Кировской области
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦДНИКО – Центр документации новейшей истории Кировской области
ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерев С.Л.* 1997. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН.
- Восточный фронт. 1983 // Хромов С.С. (гл. ред.). Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия.
- ГАКО. Ф. 875. Оп. 1. Д. 1656.
- О концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1561-р. 2015. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/> (2015. 15 авг.).
- Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сборник документов и материалов (1917–1918 гг.). 1957 / Емельянов И.П. (гл. ред.). Ижевск: Удмуртское книжное изд-во.
- Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* 2011. История России: словарь-справочник. М.: Проспект.
- Подшивалов И.* 1925. Гражданская борьба на Урале 1917–1918. Опыт военно-исторического исследования. М.: Гос. воен. изд-во.
- Светлов Ф.Я.* Германский мир. 1918 // Голос максималиста, орган Ижевской организации ССРМ 4. 18 марта.
- Урал и Прикамье ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. 1982 // Бернштам М.С. (ред.-сост. и авт. коммент.). Исследования Новейшей Русской Истории. Серия «Народное сопротивление коммунизму в России». Париж: YMCA-press.
- ЦГА УР. Ф. Р-204. Оп. 44. Д. 1.
- ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11247.
- ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11241.
- ЦГА УР. Ф. Р-1082. Оп. 1. Д. 2.
- ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
- ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 383.
- ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 385.
- Шур Г.* Бой под Ижевском 6–7 ноября 1918 года. 1919 // Военная мысль 1, 6–8.

REFERENCES

- Bekhterev S.L.* Esero-maksimalistское dvizhenie v Udmurtii. [Socialists-Revolutionaries Maximalist movement in Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtskij i-t istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997. (In Russian).
- In: Grazhdanskaya vojna i voennaya intervenciya v SSSR: Ehnciklopediya. [Eastern front. Civil war and military intervention in the USSR: Encyclopedia // Khromov S.S. (ed.). Moscow: Sov. ehnciklopediya, 1983. (In Russian).
- State Archive of the Kirov region. Fund 875. Inventory 1. Case 165b. (In Russian).
- O koncepcii gosudarstvennoj politiki po uvekovecheniyu pamyati zhertv politicheskikh repressij: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 1561-r. [About the concept of state policy to perpetuate the memory of victims of political repressions: Order of the Government of the Russian Federation No. 1561-r.]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/>. (Accessed on 2015, 15 Aug.). (In Russian).
- Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya v Udmurtii: Sb. dokumentov i materialov (1917–1918 gg.) [The October Socialist Revolution in Udmurtia: Collection of documents and materials (1917–1918) / Chief ed. Emelyanov I.P.]. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izd-vo, 1957. (In Russian).
- Orlov A.S., Georgieva N.G., Georgiev V.A.* Istoriya Rossii: slovar'-spravochnik. [History of Russia: reference dictionary]. Moscow: Prospect, 2011. (In Russian).
- Podshivalov I.* Grazhdanskaya bor'ba na Urale 1917–1918. Opyt voenno-istoricheskogo issledovaniya. [Civil strife in the Urals 1917–1918. Experience in military history research]. Moscow: Gos. voen. izd-vo, 1925. (In Russian).
- Svetlov F.Ya.* In: Golos maksimalista [Voice of the maximalist]. No.4. March 18. 1918. (In Russian).
- Narodnoe soprotivlenie kommunizmu v Rossii. Ural i Prikam'e, noyabr' 1917 — yanvar' 1919: Dokumenty i materialy [Popular resistance to communism in Russia. Urals and Prikamye, November 1917- January 1919: Docu-

ments and materials/ Editor, compiler and auth. of comments Bernshtam M.S.]. Paris: YMCA-press, 1982. (In Russian).

Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund R-204. Inventory 44. Case 1. (In Russian).

Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 212. Inventory 1. Case 11247. (In Russian).

Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 212. Inventory 1. Case 11241. (In Russian).

Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund R-1082. Inventory 1. Case 2. (In Russian).

Documentation Center of the modern history of Kirov region. Fund 1. Inventory 1. Case 7. (In Russian).

Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. Fund 41. Inventory 2. Case 383. (In Russian).

Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. Fund 41. Inventory 2. Case 385. (In Russian).

Shchur G. In: *Voennaya mysl'* [Military Thought]. No.1 (1919): 6–8. (In Russian).

S.L. Bekherev, L.N. Bekhereva
Izhevsk, Russia

INSURRECTIONARY MOVEMENT IN EASTERN RUSSIA AT THE INITIAL PHASE OF THE CIVIL WAR: REASONS AND PRECONDITIONS

Abstract. The paper deals with the problem of establishing the reasons and preconditions for the insurrectionary movement during the Russian Civil War. The aim of the study is to overcome regional, subjective and ideological perception of this phenomenon and obtain reliable scientific knowledge about the first period of the post-imperial era, which became the starting point for the Soviet statehood formation, radically changed social relations in the country and had an impact on the development of international community.

Based on the historiographic findings obtained by other researchers and recent mainly archival sources published and introduced into the scientific circulation, it was stated that in the summer and autumn of 1918 armed uprisings of the Ural-Volga population in the Eastern combat zone of the Red Army were the largest and most dangerous for the military and political leaders of Soviet Russia. By February 1919, the protest movement under the banner of “democratic counter-revolution” was suppressed during the offensive of the Front. However, preconditions to resist bolshevism still remained. The peasant uprisings of 1919–1922, “September plot” in the Izhevsk-Votkinsk district (1920), the Tambov, West Siberian and Kronstadt rebellions of 1920–1921 were the finishing stroke of the Russian Civil War.

The results of the study may be used for further study of protest movements as well as to specify the official position of the political leaders of the Russian Federation on key issues of national history and the Civil War, in particular. They may constitute a documentary evidential basis for the continuation of work on the rehabilitation of victims of illegal political repressions.

Key words: insurrectionary movement; east of Russia; Civil War; first stage; reasons; preconditions; “Democratic counter-revolution”.

About the authors: Sergey Lvovich Bekhterev¹, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Theory and History of State and Law; Lyudmila Nikolaevna Bekhtereva², Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Deputy Director.

Place of employment: ¹Udmurt State University; ²Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н. Повстанческое движение на востоке России на начальном этапе Гражданской войны: причины и предпосылки // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 3–9.

Bekherev S.L., Bekhereva L.N. Insurrectionary Movement in Eastern Russia at the Initial Phase of the Civil War: Reasons and Preconditions// Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 3–9.

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА: «СЛУЧАЙ С КЛАССИКОМ» И «РЕПЕТИТОР»

Аннотация. В статье рассматривается один из наиболее важных аспектов классицизма в России второй половины XIX в., а именно классическое образование. В центре внимания автора два рассказа А.П. Чехова – «Случай с классиком» (1883) и «Репетитор» (1884), – рассматриваемые в контексте системы классического образования в России того времени. Эти произведения можно считать репликами в бурной общественной дискуссии, которая велась вокруг реформы государственного образования, инициированной графом Д.А. Толстым в начале 1870-х гг. Такие филологи-классики, как А.И. Георгиевский и профессор П.М. Леонтьев, а также влиятельный московский журналист М.Н. Катков были активными сторонниками этой реформы. Напротив, знаменитые ученые Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский, а также известные российские профессора-филологи В.И. Модестов и В.И. Цветаев выступали против нововведений в образовании. В рассказах А.П. Чехова «Случай с классиком» и «Репетитор» можно видеть ироничное отношение к отрицательным сторонам преподавания древнегреческого языка и латыни в гимназии в рамках системы классического образования, созданной министром народного просвещения Д.А. Толстым. В обоих произведениях содержится немало деталей, связанных с личным, далеко не всегда позитивным, опытом учебы А.П. Чехова в Таганрогской Александровской гимназии. Тем не менее, классицизм в сфере образования создал культурную почву, которая дала обильные плоды в литературе, искусстве и гуманитарных науках в конце XIX – начале XX в. Впечатляющий подъем антиковедения в России того времени был бы невозможен без классической гимназии с ее древними языками.

Ключевые слова: Антон Павлович Чехов; рецепция Античности; классическая система образования; гимназия; реформа государственного образования; Дмитрий Андреевич Толстой; древнегреческий язык; латинский язык.

Сведения об авторе: Владимир Иванович Кашеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, тел. 89272243781, e-mail: kashceev@mail.ru.

Россия нового времени связана с античным миром множеством нитей. Классическое наследие в русском обществе осваивалось различными путями и затронуло без всякого исключения все сферы духовной жизни: язык и литературу, изобразительное искусство и театр, право, философскую мысль и науку. Особенно плодотворным в этом отношении оказалось столетие от Екатерины II до Николая I. Это была поистине эпоха русского классицизма (Кашеев 2012: 63). На протяжении всего XIX в. – от Александра I до Александра III – классицизм развивается в области образования и гуманитарных наук, прежде всего, в науке об античности.

Антон Павлович Чехов занимался, преимущественно, медициной и литературой и, казалось бы, был далек и от образования, и от классицизма. Тем не менее, он оказался причастен и к тому, и к другому.

Весной 1887 г., будучи молодым, но уже известным писателем, А.П. Чехов находился в родном Таганроге, где встречался и общался со своим гимназическим учителем Владимиром Дмит-

риевичем Старовым, который когда-то преподавал ему латынь. Древние языки, можно не сомневаться, были предметом их обсуждения, поскольку известно, что А.П. Чехов показал В.Д. Старову письмо своего брата Александра на латинском языке. Гимназический учитель «пришел в неописуемый восторг от “духа”, каким написано это короткое, но замечательно талантливое письмо» (Чехов 1975а: 86). В октябре того же года из Москвы Антон Павлович отправил в Таганрог сборник своих произведений «В сумерках. Очерки и рассказы» (СПб., 1887) с дарственной надписью: «Владимиру Дмитриевичу Старову за Салюстия, Овидия, Тита Ливия, Цицерона, *Виргилия* и Горация, за *ut consecutivum, antequam* и *priusquam*, и за ночлег от бывшего ученика и автора. <18>87.15/X. А. Чехов [авторская орфография сохранена. – В.К.]». Далее следовала цитата из Горация: «*Exegi monumentum aere perennius. (Hor. Carm. XIII, 2)*» и адрес, по которому тогда проживал Чехов: «Москва, Кудринская Садовая, дом Корнеева» (Шапочка 2010: 112; Чехов 1983: 149). В этой надписи много интересных деталей:

– перечень латинских авторов, которые были читаны гимназистом Чеховым; здесь названы почти все римские поэты и прозаики, которые читались на занятиях по латыни того времени (преднамеренно или неосознанно Антон Павлович допустил ошибки в именах Саллюстия и Вергилия); здесь не указаны, пожалуй, лишь авторы исторических текстов Юлий Цезарь и Корнелий Непот – всё это классические авторы или классики, как их тогда называли;

– некоторые грамматические категории: употребление союза *ut* с конъюнктивом в придаточном предложении (в частности, *ut consecutivum*); использование союзов *antequam* и *priusquam*, вводящих придаточное предложение времени с глаголом в изъявительном наклонении;

– цитата из оды Горация к Мельпомене, которая, несомненно, отсылает читателя к пушкинскому «Памятнику» и свидетельствует о том, что Чехов уже тогда вполне осознавал значимость своих занятий литературой (Кашеев 2017: 50).

Дарственная надпись приобретает новые смыслы, если ее соотнести с тем, что в мае 1879 г. А.П. Чехов сдал два выпускных экзамена по латинскому языку: письменную работу – на оценку 3 и устный ответ – на 4 (Летопись 2000: 61), а в приеме этих экзаменов, без сомнения, участвовал В.Д. Старов. Его подпись стоит в «аттестате зрелости», который свидетельствует, что Чехов успешно окончил Таганрогскую Александровскую гимназию. В документе особо интересны две оценки: латинский язык – 3; греческий язык – 4 (Летопись 2000: 62).

За десять лет учебы в классической гимназии (1869–1879 гг.) и пять лет – на медицинском факультете Московского университета (1879–1884 гг.) Чехов получил добротное образование, он детально знал систему государственного, частного и духовного образования в России своего времени. Это нашло отражение в произведениях, персонажами которых выступают гимназисты, воспитанники духовных семинарий, студенты университетов, учителя классических гимназий и университетские профессора. Классическая гимназия представлена в рассказах «Орден», «Учитель словесности», «Человек в футляре», в пьесах «Чайка» и «Три сестры» такими запоминающимися персонажами, как Ипполит Ипполитыч, Беликов, Медведенко, Кулыгин (Кашеев 2014; Петрова 1968; Петрова 1969).

Классическое образование является важным элементом в мире Чехова. Как человек и художник он имел свой взгляд на гимназию и преподавание древних языков, познакомиться с этими взглядами представляется интересным для всякого, кто стремится понять систему образования и

общекультурную ситуацию в России во второй половине XIX в.

В этой связи особую ценность представляет рассказ «Случай с классиком» (Чехов 1975а: 124–126). Это произведение было написано до 17 апреля 1883 г., впервые опубликовано в журнале «Осколки» (№ 19) 7 мая того же года и имело заглавие «Ваня, мамаша, тетя и секретарь». При подготовке текста для собрания сочинений Антон Павлович сменил ярко выраженное *персонажное* название на *ситуационное*. В новой формулировке сделан важный смысловой акцент: в рассказе представлена ситуация, в которой оказался учащийся *классической гимназии*; многозначное слово «классик» здесь – кличка именно гимназистов (Чехов 1975а: 501–502).

«Репетитор», также «осколочный» рассказ (Чехов 1975а: 336–338), увидел свет 11 февраля 1884 г. Через два года без всякой правки он был включен в сборник «Пестрые рассказы», а позднее – в собрание сочинений А.П. Чехова.

Оба произведения написаны Чеховым студентом вскоре после бурной дискуссии в печати о судьбах реформы государственного образования графа Д.А. Толстого. Рассказы «Случай с классиком» и «Репетитор», несомненно, надо рассматривать как реплики в широкой общественной дискуссии. Важным для их интерпретации представляется общий культурно-исторический контекст (Кашеев 2017: 51).

Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), граф, обер-прокурор Священного Синода, министр народного просвещения, сенатор, член Государственного Совета посетил Александровскую гимназию в Таганроге два раза: вначале до выхода в свет гимназического устава 1871 г., положившего начало реформе, а затем – после. О приезде министра в августе 1867 г. позднее вспоминал Александр Чехов, который тогда только что поступил в I класс гимназии (Чехов 2012: 212–213). Александр Павлович считал, что граф Толстой положил «классицизм краеугольным камнем воспитания и развития» (Таганрог и Чеховы 2003: 74). Свидетелем второго приезда Дмитрия Андреевича Толстого в Таганрог был Антон Павлович – тогда ему было 15 лет, и он уже во второй раз (из-за древнегреческого языка) начал учиться в V классе гимназии. Известно, что министр присутствовал на разных уроках, в том числе на занятиях греческого и латинского языков у разных преподавателей во всех классах, в том числе и на уроках у латиниста В.Д. Старова (Таганрог и Чеховы 2003: 166). Таким образом, высока вероятность того, что Антон видел графа по меньшей мере на одном из уроков именно по древним языкам.

Классицизм в российском образовании начал возрождаться при министре народного просвещения А.В. Головине, который в 1864 г. ввел новый «Устав о гимназиях», по которому все гимназии были разделены на классические и реальные. В 1866–1881 гг. Д.А. Толстой провел свою реформу, она привела к тому, что в гимназическом образовании «восторжествовали принципы классицизма». Уже в 1871–1872 гг. название гимназий сохранили только *классические гимназии* с двумя древними языками – греческим и латынью, и только их выпускники имели право поступать в университеты. Прежние *реальные гимназии* были преобразованы в реальные училища, цель которых состояла в подготовке юношей к получению технических знаний и к практической деятельности (Басаргина 2012: 20). В проведении реформы графу Толстому помогал Александр Иванович Георгиевский (1830–1911), в 1866 г. он был назначен главным редактором «Журнала министерства народного просвещения», а с 1873 г. возглавил Ученый комитет этого министерства (Басаргина 2012: 21; Sinel 1973).

В результате Д.А. Толстой создал государственную систему классического образования, которую определяли две характерные черты:

во-первых, грамматический метод преподавания древних языков; письменным упражнениям, а также переводам с русского языка на древнегреческий и латынь без предварительной подготовки (так называемым *extemporalia*) отдавалось предпочтение по сравнению с чтением и содержательным толкованием подлинных текстов античных авторов;

во-вторых, в классическую гимназию не допускались никакие виды деятельности, кроме учебной: ни научная, ни культурная, ни политическая (Вах 1992: 47). В основу гимназических курсов по древним языкам было положено не античное культурное наследие в целом, а исключительно сухая грамматика древнегреческого языка и латыни. «Древние языки превратились в формальный способ развития умственных способностей учащихся при помощи грамматики» (Максимова 2005: 31).

Граф добровольно принял на себя едва ли не всеобщую ненависть и проклятия различных слоев российского общества (Вах 1992: 47). Но у него были и сторонники. Среди адептов классического образования следует, в первую очередь, назвать журналиста Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887) и филолога-классика, профессора Павла Михайловича Леонтьева (1822–1874). Они издавали журнал «Русский вестник» и газету «Московские ведомости», пропагандировавшие классическое образование и всячески поддерживавшие проводившуюся реформу. В 1868 г. они

основали в Москве Лицей цесаревича Николая, который просуществовал до 1917 г. и стал «образцовым учебным заведением классической системы русского образования» (Первалова 2014: 59).

Противников реформы было немало, и среди них очень известные в России имена, например, Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907). В 1840-е гг. он прошел курс Тобольской гимназии, а затем преподавал в Симферопольской мужской гимназии и в гимназических классах при Ришельевском лицее в Одессе. Дмитрий Иванович бросил классицистам в лицо их «гнилого Аристотеля», по его выражению (Гаврилов 2010: 21). Противником реформы был Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), учившийся в Первой Петербургской мужской гимназии с 1876 по 1881 гг., т. е. примерно в те же годы, что и Чехов (Кашеев 2017: 52).

Но наряду с «реалистами», против реформы в тогдaшнем ее виде выступали известные филологи-классики. Среди них был знаток истории римской литературы Василий Иванович Модестов (1839–1907). Позже он занимался археологией древнейшей Италии и по праву считается основателем этрускологии.

Позднее А.П. Чехов познакомился с В.И. Модестовым. В письме от 4 февраля 1901 г. из Рима он пишет Ольге Леонардовне Книппер в Москву: «Сегодня <...> с одним русским семейством и двумя барышнями осматривал древний Рим. Объяснения давал проф. Модестов, а барышни очень милые» (Чехов 1980b: 201). Антон Павлович не описывает античные памятники Вечного города: храм Весты и Пантеон, форум и Колизей, триумфальные арки Тита и Константина, триумфальные колонны Траяна и Марка Аврелия – всё то, что Василий Иванович должен был ему показать. Зная, чем можно заинтересовать Ольгу Леонардовну, Чехов сообщает о двух барышнях, «очень милых». Более подготовленного и осведомленного экскурсовода по римским древностям, чем В.И. Модестов, Антону Павловичу вряд ли можно было тогда найти. К тому времени профессор Модестов уже долгие годы жил в Риме.

В 1880 г. двумя изданиями был опубликован сборник «Школьный вопрос» В.И. Модестова, статьи которого затрагивали проблемы гимназического образования. Одни из них печатались в газете «Голос», другие – о классическом образовании в России и Франции – появлялись в периодической печати. «Моя профессорская практика, – заявляет филолог-классик, – постоянно подтверждала, что мне приходится иметь дело на филологическом факультете с людьми, которые, получивши в гимназии *аттестат зрелости*, не

только не имели понятия о духе древних классических писателей, но и не были в состоянии переводить их со смыслом и даже <...> совсем не интересовались содержанием переводимого [курсив В.И. Модестова. – В.К.]» (Модестов 1880: 190).

Предложения Василий Иванович сводились к тому, чтобы в десять раз сократить число классических гимназий и отказаться от «грамматического» подхода в преподавании древних языков. На его взгляд, необходимо постигать не букву, а дух классических авторов. В результате в конце 1879 г., по предписанию графа Д.А. Толстого, В.И. Модестов подал в отставку с должности профессора римской словесности Петербургской духовной академии и долгие годы не имел возможности преподавать (Аксененко 2011: 154–155).

Иван Владимирович Цветаев (1847–1913), тоже преподававший римскую словесность, но в Московском университете, во многом разделял взгляды своего коллеги на образование. Позднее в письме В.И. Модестову от 25 сентября 1898 г. он писал, что в его университете на третьем и четвертом курсах нет классического отделения. Причина этого, на его взгляд, вполне ясна: «...намаявшись с *extemporalia* в гимназиях, студенты получают отвращение к классическим языкам и бегут от них при первой возможности» (Аксененко 2011: 157).

В контексте дискуссии о классицизме в российском государственном образовании и необходимо рассматривать оба рассказа А.П. Чехова. В «Случае с классиком» бросаются в глаза некоторые детали автобиографического характера.

1. Ваня Оттепелев «порезался» на экзамене по греческому языку – Антон Чехов остался на 2-й год в V классе, потому что не сдал письменный экзамен именно по древнегреческому языку (Летопись 2000: 27).

2. Герою рассказа тринадцать лет, а Антону было двенадцать, когда он «порезался» по арифметике и географии, и в результате ему пришлось второй раз учиться в III классе гимназии (Летопись 2000: 18).

3. Фразу «Злое мое произволение!» имела обыкновение в сердцах произносить Евгения Яковлевна Чехова, обращаясь к сыновьям; об этом в одном из писем указывает Александр Павлович («Горькое мое произволение»). Это выражение взято из православной молитвы к ангелу: «О злое мое произволение, его же и скоти безсловеснии не творят!» (Правило 2010: 45).

4. В первом абзаце рассказа форма числительного сорок *тетсара́конта* (с двойной сигмой) использована вместо *тетта́раконта* (с двойной буквой *tau*), как следовало бы, потому что в гимназиях изучался аттический диалект греческого

языка. Именно форма с двойной сигмой употреблялась современными Чехову греками в Таганроге, а кроме того, в богослужении греческой и русской православной церкви; с ранних лет она была на слуху у братьев Чеховых. Таким образом, эта деталь имеет отношение к реалиям Таганрога и таганрогской гимназии.

5. Главный герой рассказа подвергается порке: «Кончив речь, он [Купоросов. – В.К.] снял с себя ремень и потянул Ваню за руку. <...> Ваня покорно нагнулся и сунул свою голову в его колени. Розовые, торчащие уши его задвигались по новым триковым брюкам с коричневыми лампасами... Ваня не издал ни одного звука» (Чехов 1975b: 126). Наказаниям своих сыновей-гимназистов нередко подвергал Павел Егорович, проявляя тем самым домашний деспотизм. Позднее А.П. Чехов писал брату Александру о недопустимости «грубого деспотизма» и лжи в отношениях с людьми: «...Деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать» (Чехов 1976: 122; Чехов 1980a: 139).

В рассказе несколько эпизодов.

I. В первом – события до посещения гимназии и сдачи экзамена по греческому языку: «Собираясь идти на экзамен греческого языка, Ваня Оттепелев перецеловал все иконы. В животе у него перекачивало, под сердцем веяло холодом, само сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью. Что-то ему будет сегодня? Тройка или двойка? Раз шесть подходил он к мамаше под благословение, а уходя, просил тетю помолиться за него. Идя в гимназию, он подал нищему две копейки, в расчете, что эти две копейки окупят его незнания и что ему, бог даст, не попадутся числительные с этими *тессараконта* и *октокайдека* [курсив мой. – В.К.]» (Чехов 1975b: 124). Атмосферу этого эпизода создают неуверенность, тревожные ожидания, но и некоторая надежда героя (Кашеев 2017: 53).

II. Во втором эпизоде – события после экзамена. Многочисленные речевые повторы свидетельствуют об иной атмосфере – плач, несчастье, мучение, тоска (обоих персонажей) определяют ее.

Плач: «Ваня замигал глазами, скривил в сторону рот и заплакал»; «Мамаша закрыла лицо поллой кофточкой и зарыдала»; «Батюшка! – обратилась к нему [Купоросову. – В.К.] мамаша, заливаясь слезами».

Несчастье: [Ваня:] «Несчастный... я человек...»; [Мамаша:] «...я у тебя несчастная, подлый мальчишка! Я у тебя несчастная!».

Мучение: [Мамаша:] «Плачу за тебя, за дрянную такую непутящую, спину гну, мучаюсь...»; «Му-

читель ты мой!»; «Мало я его била, мучителя моего! <...> У-у-у... иезуит, магомет, мучитель мой! <...> Вот и мучаюсь теперь».

Тоска: «Ваня завертелся от тоски»; [Мамаша:] «Всё утро тоска...».

Причиной смены настроения стала гимназия (ее посещение героем) и состоявшийся там экзамен по греческому языку. Экзамен как эпизод композиционно подчеркнут – именно в его отношении сюжетная композиция и фабула не совпадают – о нем Ваня рассказывает, уже придя домой.

Герой подробно описывает грамматические детали своего провала на экзамене, в которых его мамаша ровно ничего не смыслит: «Спросили меня, как будет будущее от «феро» [φέρω – несу], а я... я вместо того, чтоб сказать «ойсомай» [οἴσομαι – буду нести], сказал «опсомай» [ὀψομαι – буду видеть от глагола ὀρώ – вижу]. Потом... потом... обложенное ударение не ставится, если последний слог долгий, а я... я оробел... забыл, что альфа тут долгая... взял да и поставил обложенное. Потом Артаксерксов велел перечислить энклитические частицы... [например: γέ, τέ, τοί, υῖν, πέρ, πῶ]. Я перечислял и нечаянно местоимение впутал... Ошибся... [в квадратных скобках мои комментарии. – В.К.]» (Чехов 1975b: 124). Здесь могла бы быть какая-то из форм неопределенного местоимения τίς, τί – кто-то, что-то или одна из энклитических форм трех личных местоимений – μοῦ, μοί, μέ, σοῦ, σοί, σέ, οὗ, οἱ, εἶ.

Но каждому читателю чеховского рассказа, который окончил хотя бы три класса классической гимназии, понятно: Ваня «порезался» не из-за ошибок в понимании и переводе античных авторов, а из-за грамматических упущений в области морфологии глагола (супплетивные основы неправильных глаголов) и постановки ударения (энклитические частицы тоже относятся к разделу греческой акцентологии). Из-за этой грамматики его судьба рушится, как у однокашника Федора Ильича Кулыгина Козырева из-за ut consecutivum (Кашеев 2014: 65).

Особый комизм эпизоду с экзаменом придает тот факт, что экзаменует Ваню Оттепелева учитель по фамилии Артаксерксов. Именно он требует от гимназистов безупречного знания греческого языка. Один из персонажей «Анабасиса» Ксенофонта – произведения, которое читалось на занятиях по греческому языку в гимназиях, – персидский царь Артаксеркс II. А персы всегда считались главными противниками греков и всего эллинского.

Для выхода из ситуации «несчастья» предлагаются два пути – «классицизм» и «реализм». Примечательно, что именно борьба «классиков» и «реалистов» определяла пути развития образования в России на протяжении всего XIX в. Два эти

подхода представлены в рассказе. Первый путь предлагает мамаша: надо продолжить учебу в гимназии, но для этого следует устроить герою порку. На движении по другому пути настаивает тетя: нужно «по торговой бы части» пойти, для чего классическая гимназия вовсе не требуется (см.: Кашеев 2017: 53).

В следующем эпизоде воплощается «классический» замысел мамыши. Здесь Чехов мастерски использует еще одно «говорящее имя»: вывести из состояния всеобщего несчастья призван человек по имени Евтихий Кузьмич Купоросов, «человек умный и образованный» (Чехов 1975b: 126), а по-гречески слово εὐτυχία, от которого образовано это имя, означает *счастье, преуспевание, успех*. Но делает он это при помощи насилия (порки), которое к понятию счастья едва ли имеет какое-то отношение.

Развязка рассказа выглядит неожиданной и парадоксальной: «Вечером, на семейном совете, решено было отдать его по торговой части» (Чехов 1975b: 126). Жизнь берет свое: «классицизм» потерпел сокрушительное поражение, торжествует «реализм».

В рассказах «Случай с классиком» и «Репетитор» представлены три столпа, на которых покоилась русская классическая гимназия: греческий язык, латынь и математика в ее арифметической ипостаси. «Репетитор» дает интереснейший материал латинского языка, который напрямую соотносится с разделами учебника, составленного немецким филологом Р. Кюннером, по которому учились и братья Чеховы в таганрогской Александровской гимназии, и многие поколения гимназистов 60–90-х гг. XIX в. повсюду в России (Кашеев 2015: 45).

Гимназист VII класса Егор Зиберов, готовя двенадцатилетнего Петю Удодова во II класс гимназии, задает ему «каверзные» вопросы по латыни: «А как будет дательный множественного от *dea?* – *Deabus... filiabus!* – отчеканивает Петя. <...> – А еще какое существительное имеет в дательном *abus?* – спрашивает он. Оказывается, что и «*anima* – душа» имеет в дательном *abus*, чего нет в Кюнере [курсив мой. – В.К.]» (Чехов 1975a: 337).

В рассказе «Репетитор» противники классицизма графа Д.А. Толстого нашли бы важный аргумент: гимназист VII класса, с одной стороны, знает редчайшие грамматические формы латинского языка и требует от своего подопечного такого же знания, но с другой – не в состоянии решить элементарную задачу, в основе которой уравнение с двумя неизвестными (Кашеев 2017: 54).

В своих воспоминаниях о таганрогской гимназии Александр Чехов дает яркую, эмоциональ-

ную оценку «грамматического» подхода в образовании: «Сколько труда и времени было затрачено на ни на что не нужные и убогие латинские extemporalia! Какая уйма трудных греческих переводов, помеченных дурным баллом за то только, что ударение поставлено не то или не над тем слогом! Под одним переводом, сделанным в четвертом классе, стоит резолюция учителя: “Вместо *омега* поставлено *омикрон* – грубейшая ошибка. Так учиться нельзя. Из вас никогда не выйдет хороший ученик”. Под резолюцией поставлен толсто надавленный карандашом внушительный кол (единица)» (Таганрог и Чеховы 2003: 183–184).

В идеале встреча каждого гимназиста с древнегреческими и римскими классиками должна была бы завершиться тем, что «они останутся для него дороги и милы» и «будут сопутствовать ему в продолжение всей жизни» (Суворов 1882: 60). Но в реальности случалось иное. Так, В.И. Модестов пишет, что «в одном почтенном семействе» ему сообщили о прискорбном факте, как окончившие гимназический курс юноши, придя домой, «рвали на клочки, топтали ногами и жгли греческие и латинские книги, называя их своими мучителями» (Модестов 1880: 79). В глазах многих современников реформа Д.А. Толстого дискредитировала как систему классического обра-

зования, в которую вкладывались огромные усилия и средства, так и всю классическую филологию (Гаврилов 2010: 20–21).

Необходимо, однако, констатировать и совсем иной аспект классицизма в сфере образования. Во второй половине XIX в. классическая гимназия всё же создала мощную культурную почву, которая дала обильные всходы в литературе, изобразительном искусстве и университетской науке. Впечатляющий взлет русского антиковедения этого времени вряд ли был бы возможен без классической гимназии с ее древними языками. Государственная система образования Д.А. Толстого дала русской науке выдающихся ученых. В начале XX в. классическая филология в нашей стране «достигла европейского уровня по меркам того счастливого для филологии времени» (Гаврилов 2010: 24). Без классицизма в образовании не было бы ни замечательных русских переводов великих греческих трагиков Эсхила, Софокла, Эврипида, выполненных Вячеславом Ивановым, Фаддеем Зелинским и Иннокентием Анненским. Без него не было бы ни Серебряного века русской поэзии, ни золотого века русской философии. Однако в рассказах «Случай с классиком» и «Репетитор» великий классик литературы писал не об этой стороне классицизма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории

ПССиП – Полное собрание сочинений и писем

CWL – Complete Works and Letters

Hor. Carm. – Гораций. Оды

PSSiP – Polnoe sobranie sochinenij i pisem

ЛИТЕРАТУРА

- Аксененко М.Б. 2011. В.И. Модестов и «школьный вопрос». Материалы к биографии // ВДИ 1, 153–159.
- Басаргина Е.Ю. 2012. Из истории реформы Д.А. Толстого: А.И. Георгиевский // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского 1 (2), 20–23.
- Вах К.А. 1992. Классическое образование и его утверждение в России // Греко-латинский кабинет 1, 38–49.
- Гаврилов А.К. 2010. Античное наследие в России (IX–XX вв.) // О филологах и филологии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 12–32.
- Кащеев В.И. 2012. К истории классицизма в российской провинции первой половины XIX века: саратовский грецист Иван Федорович Синайский // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения 12. №. 4, 62–71.
- Кащеев В.И. 2013. Vissarionis filius senior и bonus frater Antonius: латинский язык в переписке Александра и Антона Чеховых // А.П. Чехов: пространство природы и культуры: Сб. материалов Международной научной конференции (Таганрог, 11–14 сентября 2013 г.). Таганрог: Изд-во «Лукоморье», 137–150.
- Кащеев В.И. 2014. «Здравствуй, ut consecutivum»: формы латинской грамматики и формы жизни в жизненной драме Федора Ильича Кулыгина // Наследие А.П. Скафтымова и поэтика чеховской драматургии: Материалы Первых международных Скафтымовских чтений: Коллективная монография. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 55–70.
- Кащеев В.И. 2015. Цинциннат и Чехов // Чеховские чтения в Ялте. Вып. 20. Чехов и мировая культура. 60 лет Чеховским чтениям в Ялте: Сборник научных трудов / Титоренко Л.А. (ред.-сост.). Ялта: Ультра-Т, 33–49.

Кащеев В.И. 2017. «Случай с классиком» и классическая гимназия в эпоху заката русского классицизма: к интерпретации чеховского рассказа // Современные проблемы гуманитарных наук в мире: Сб. науч. трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 4. Казань: ООО НОЦ «Знание», 49–55.

Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. Т. 1. 1860–1888. 2000 / Громова-Опульская Л.Д., Гитович Н.И. (сост.). М.: Наследие.

Максимова С.Н. 2005. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX – начала XX века. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина.

Модестов В.И. 1880. Школьный вопрос: Письма к редактору «Голоса». Пятнадцать статей. 2-е изд., доп. СПб.: Э. Гартъе; Книжный склад российской библиографии.

Перевалова Е.В. 2014. Лицей цесаревича Николая (1868–1917) – образцовое учебное заведение нового типа // Локус: люди, общество, культуры, смыслы 2. М., 56–67.

Петрова О.А. 1968. Преподавание древних языков в царской России и его отражение в произведениях А.П. Чехова // Труды Иркутского государственного университета 65. Вып. 4, 33–49.

Петрова О.А. 1969. Классическая гимназия в творческой биографии А.П. Чехова: Автореф. ... канд. филол. наук. Иркутск.

Правило молитвенное готовящимся ко святому причащению и ежедневное, вечернее и утреннее. 2010. М.: Синодальная типография.

Суворов А.В. 1882. Школьный вопрос: Статьи в защиту классической системы образования, начатые печатанием в «Варшавском дневнике» 1880 г. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа.

Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. 2003. Таганрог: Изд-во «Лукоморье».

Чехов Ал.П. 2012. Таганрогская гимназия // Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка. М.: Захаров, 173–228.

Чехов А.П. 1975а. ПССиП: В 30 т. Сочинения. Т. 2. М.: Наука.

Чехов А.П. 1975б. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 2. М.: Наука.

Чехов А.П. 1976. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 3. М.: Наука.

Чехов А.П. 1978. ПССиП: В 30 т. Сочинения. Т. 13. М.: Наука.

Чехов А.П. 1980а. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 8. М.: Наука.

Чехов А.П. 1980б. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 9. М.: Наука.

Чехов А.П. 1983. ПССиП: В 30 т. Письма. Т. 12. М.: Наука.

Шапочка Е.А. 2010. Таганрогская Александровская гимназия: книга очерков. 1806–1919. Таганрог: Изд-во «Лукоморье».

Sinel A. 1973. The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi. (Russian Research Center Studies; 72). Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

REFERENCES

- Aksenenko M.B. In: Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]. No. 1 (2011): 153–159. (In Russian).
- Basargina E.Yu. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. No. 1 (2) (2012): 20–23. (In Russian).
- Vakh K.A. In: Greko-latinskij kabinet [Museum Graeco-Latinum]. Iss.1 (1992): 38–49. (In Russian).
- Gavrilov A.K. In: О filologah i filologii. [About Philology and Philologists]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2010, pp. 12–32. (In Russian).
- Kashcheev V.I. In: Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations]. Vol. 12. No. 4 (2012): 62–71. (In Russian).
- Kashcheev V.I. In: A.P. Chekhov: prostranstvo prirody I kultury. Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Taganrog, 11-14 sentyabrya 2013 g. [A.P. Chekhov: Space of Nature and Culture. Proceedings of the International Scientific Conference. Taganrog, 11-14 September, 2013]. Taganrog: Izdatelstvo “Lukomor’e”, 2013, pp. 137–150. (In Russian).
- Kashcheev V.I. In: Nasledie A.P. Skaftymova i poetika chekhovskoj dramaturgii: Materialy Pervyh mezhdunarodnyh Skaftymovskih chtenij: Kollektivnaya monografiya [The Legacy A.P. Skaftymov and the Poetics of Chekhov’s Drama: Proceedings of the 1st International Skaftymov Readings: Collective monograph]. Mjscow: GCTM im. A.A. Bahrushina, 2014, pp. 55–70. (In Russian).
- Kashcheev V.I. In: Chekhovskie chteniya v Yalte [Chekhov Readings in Yalta. Chekhov and World Culture. 60th Anniversary of Chekhov Readings in Yalta. Collection of research papers] / Titorenko L.A. (ed.). Yalta: Ultra-T. Iss. 20 (2015): 33–49. (In Russian).
- Kashcheev V.I. In: Sovremennye problemy gumanitarnykh nauk v mire [Modern Problems of the Humanities in the World Collection of research papers following-up the international scientific and practical conference]. Kazan: Znanie. No. 4 (2017): 49–55. (In Russian).

Letopis zhizni i tvorchestva A.P. Chekhova. [Chronicle of the Life and Work of A.P. Chekhov]. Vol. 1. 1860–1888 / Gromova-Opulskaia L.D., Gitovich N.I. (comp.). Moscow: Nasledie, 2000. (In Russian).

Maksimova S.N. Prepodavanie drevnih yazykov v russkoj klassicheskoj gimnazii XIX – nachala XX veka. [Teaching Ancient Languages in Russian Classical Gymnasium in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina, 2005. (In Russian).

Modestov V.I. Shkolnyj vopros: Pis'ma k redaktoru "Golosa". Pyatnadcat' statej [School Problems: Letters to the Editor of "The Voice". Fifteen Articles. 2nd ed.]. St. Petersburg: E. Gart'e; Knizhnyj sklad rossijskoj bibliografii, 1880. (In Russian).

Perevalova E.V. In: Lokus: lyudi, obshchestvo, kultury, smysly [Locus: people, society, cultures, meaning]. No. 2 (2014): 56–67. (In Russian).

Petrova O.A. In: Trudy Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Irkutsk State University]. Vol. 65. Iss. 4 (1968): 33–49. (In Russian).

Petrova O.A. Klassicheskaya gimnaziya v tvorcheskoi biografii A.P. Chekhova [Classical Gymnasium in the Creative Biography of A.P. Chekhov: An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences]. Irkutsk, 1969. (In Russian).

Pravilo molitvennoe gotovyashhimsya k svyatomu prichashheniyu i ezhednevnoe, vechernee i utrennee [Morning and Evening Prayer Rules of Preparation for Holy Communion]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 2010. (In Russian).

Suvorov A.V. Shkolnyj vopros: Stati v zashhitu klassicheskoi sistemy obrazovaniya, nachatyie pechataniem v «Varshavskom dnevnike» 1880 g. [School Problems: Articles in Defense of the Classical Education System started by publishing in "The Warsaw Diary" in 1880]. Warsaw: Tip. Warsaw. uch. okruga, 1882. (In Russian).

Taganrog i Chekhovy: Materialy k biografii A.P. Chekhova [Taganrog and the Chekhovs. Materials to the Biography of A.P. Chekhov]. Taganrog: Lukomor'e, 2003. (In Russian).

Chekhov A.P. In: Aleksandr i Anton Chekhovy. Vospominaniya, prepiska [Alexander and Anton Chekhov. Memories, correspondence]. Moscow: Zakharov, 2012, pp.173–228. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Sochineniya [Complete set of works and letters in 30 volumes. Writings]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1975 a. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 volumes. Letters]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1975 b. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 volumes. Letters]. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1976. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Sochineniya [Complete set of works and letters in 30 vols. Writings]. Moscow: Nauka. Vol. 13, 1978. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 volumes. Letters]. Vol. 8. Moscow: Nauka, 1980 a. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 vols. Letters]. Moscow: Nauka. Vol. 9, 1980 b. (In Russian).

Chekhov A.P. PSSiP: v 30 t. Pisma [Complete set of works and letters in 30 volumes. Letters]. Vol. 12. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian).

Shapochka E.A. Taganrogskaia Aleksandrovskaya gimnaziya: kniga ocherkov 1806-1919 [Taganrog Alexander Gymnasium: A Book of Essays, 1806-1919]. Taganrog: Izdatelstvo "Lukomor'e", 2010. (In Russian).

Sinel A. The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi. (Russian Research Center Studies; 72). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.

V.I. Kashcheev
Saratov, Russia

PROBLEMS OF CLASSICAL EDUCATION IN RUSSIA IN THE WORKS BY A.P. CHEKHOV "A CLASSICAL STUDENT" AND "THE TUTOR"

Abstract. The article deals with one of the most important aspects of classicism in the Russian culture of the second half of the 19th century, namely classical education. The author focuses on two short stories by A.P. Chekhov, i.e. "A Classical Student" (1883) and "The Tutor" (1884) which are analysed in the context of classical education system in Russia of that time. These works can be regarded as comments in the extensive public debate about the reform of public education launched by count Dmitri Tolstoy in the early 1870s. Such classic philologists as A.I. Georgievsky and Professor P.M. Leontev as well as M.N. Katkov, an influential Moscow journalist, were enthusiastic supporters of the reform. On the contrary, the famous scientists D.I. Mendeleev, V.I. Vernadsky and well-known Russian professors of philology V.I. Modestov and V.I. Tchvetaev opposed any innovations in education. In the short stories "A Classical Student" and "The Tutor" by A.P. Chekhov one can see an ironic take on the negative aspects of teaching Greek and Latin in gymnasium within the system of classical education created by D.A.

Tolstoy, the Minister of National Education. In both works there are a lot of details related to the personal, though not always positive, experience of their author as a student of Emperor Alexander Gymnasium in Taganrog. Nevertheless, classicism in the field of education created a cultural ground for abundant results in literature, art, and humanities in the late 19th – early 20th centuries. An impressive boom in the studies of antiquity in Russia at that time would have been impossible without classical gymnasium with its ancient languages.

Key words: Anton Pavlovich Chekhov; reception of antiquity; classical education system; gymnasium; reform of state education; Dmitry Andreevich Tolstoy; the Ancient Greek language; the Latin language.

About the author: Vladimir Ivanovich Kashcheev, Doctor of History, Professor at the Department of Ancient History.

Place of employment: Saratov State University.

Кашчеев В.И. Проблемы классического образования в России в произведениях А.П. Чехова: «Случай с классиком» и «Репетитор» // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 10–18.

Kashcheev V.I. Problems of Classical Education in Russia in the Works by A.P. Chekhov: “A Classical Student” and “The Tutor” // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 10–18.

УДК 94 (571) «17»
DOI 10.5281/zenodo.833998

А.Ю. Конев
Тюмень, Россия

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК О КРЕЩЕНИИ ЛОБАНА (ОНЖИНА) АЛАЧЕВА: К ИСТОРИИ КОДСКИХ КНЯЗЕЙ И ИХ ПОТОМКОВ (XVII – НАЧАЛО XIX вв.)*

Аннотация. На основе малоизвестных и не вводившихся в научный оборот архивных документов рассматривается политика Русского государства в отношении туземной элиты Северо-Западной Сибири. В центре внимания – конфессиональный аспект этой политики. Автор статьи исходит из признания наличия в XVI–XVII вв. прямой связи между фактом крещения «иноземца»/«иноверца» и превращением его в полноценного подданного Московского государя. В соответствии с этим определяется значимость христианизации верхушки автохтонных сообществ региона и актуальность исследования выбранной темы. Анализ публикуемого текста копии благословенной патриаршей грамоты из фондов Государственного архива в г. Тобольске позволяет пересмотреть устоявшиеся в литературе точки зрения на датировку и обстоятельства крещения кодского «князца» Лобана/Никифора Алачева и предложить новую трактовку обусловленных этим событий. Можно полагать безусловным и тот факт, что утверждение за ним прав на «вотчину» Онжиных-Юрьевых было связано с принятием православия. Кроме того, в статье представлен материал для исследования генеалогии обеих линий владетелей Коды и судеб их потомков в конце XVIII – первой половине XIX в., прежде всего, отставного казака Ильи Алачева и его сына Федора, проживавших в Бронниковской волости Тобольского уезда.

Ключевые слова: крещение; иноверцы; Северо-Западная Сибирь; туземная элита; Кодское княжество.

Сведения об авторе: Алексей Юрьевич Конев, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной антропологии.

Место работы: Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр СО РАН».

Контактная информация: 625026, Россия, г. Тюмень, ул. Малыгина, д. 86; тел.: 8(3452) 68-87-62, e-mail: aldimoks@mail.ru.

Одной из важных тем в изучении истории интеграции народов Северо-Западной Сибири в состав России является вопрос взаимодействия царской власти и туземной элиты. Как известно, к XVI в. в районах Нижнего Прииртышья и Северного Приобья сложилось несколько крупных раннеполитических объединений обских угров – вождеств, именованных в русских источниках

«княжествами». От того, как выстраивались взаимоотношения с их лидерами на начальном этапе русского присвоения данных территорий, зависели темпы, методы и формы приведения в подданство местного населения, в том числе обеспечение взимания с него дани-ясака, а также покорение Москвой соседних «немирных иноземцев» – самоедов и селькупской «Пегой орды». Харак-

---

* Исследование выполнено по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг. Приоритетное направление XII.186; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

терной иллюстрацией этого процесса является судьба двух линий владетелей Коды, берущих свое начало от легендарного Алача и его брата Юрия. В 1594 г. их сыновья Игичей Алачев и Онжа Юрьев удостоились жалованной грамоты царя Федора Иоанновича «за их службу в Сибирской земле», получив в качестве награды во владение Васпукольскую и Колпукольскую волости и широкие иммунитетные права «теми волостями, и всякими угоды, и людьми ... владети и ясак с них собирать на себя» (Миллер 1937: 361).

История знаменитого Кодского княжества в конце XVI – первой половине XVII в. достаточно подробно изучена. В этой связи адресую читателей к соответствующим страницам классической работы «Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв.» С.В. Бахрушина (Бахрушин 1955: 115–133), разделу коллективного труда «Очерки истории Югры», написанного А.Т. Шашковым (Очерки истории Югры 2000: 143–145, 150–155), статье Я.Г. Солодкина (Солодкин 2015) и новейшей монографии Е.В. Вершинина (Вершинин 2018: 359–384). Предметом же моего небольшого исследования является выяснение обстоятельств крещения одного из представителей средней ветви (Онжиных-Юрьевых) кодской княжеской династии – Лобана/Лобача Алачева. Этот частный сюжет предлагаю рассмотреть на основе малоизвестных, а также еще не введенных в научный оборот документов. Он позволяет подробнее охарактеризовать конфессиональный аспект политики Русского государства в отношении автохтонной элиты региона в XVII в. Кроме того, привлеченные источники содержат новую информацию о генеалогии и судьбе потомков этой династии.

Принятие православия остяцкими и вогульскими князьями, как и лидерами других туземных сообществ, имело существенное политико-правовое значение. Для XVI–XVII вв. характерна прямая связь между фактом крещения и превращением в полноценного подданного Московского государя. И.Г. Шауро отмечает, что до начала XVIII в. крещение в православие являлось основным способом принятия подданства в России, хотя существовал и второй путь – натурализация в форме присяги на верность, который, по ее мнению, станет основным уже в XVIII столетии (Шауро 2011). Известно, что в отношении автохтонов Сибири в XVII в. практиковался второй вариант, через принесение присяги-шерти по их вере (Слугина 2015). Вместе с тем, трудно согласиться с мнением С.В. Бахрушина, что в Москве «относились довольно индифферентно» к вероисповеданию своих вассалов (Бахрушин 1955: 125). Вступление в число приверженцев православной Церкви местных вождей укрепляло легитимность русского присутствия в отдаленной «государевой

вотчине» и повышало доверие к этим представителям туземной элиты, хотя и не служило, как показала практика, гарантией их безусловной верности. Т.А. Опарина справедливо полагает, что, не приняв крещения, «иноверцы подданными в полном смысле этого слова так и не становились» (Опарина 2007: 6). Не случайно, что до середины XVIII в. в отношении всех туземных народов Сибири, включая Западную, нередко употреблялся социополитоним «иноземцы»/«ясачные иноземцы» (постепенно уступая место терминам «иноверцы»/«ясачные иноверцы»), что подчеркивало их особое положение как своего рода полуподданных в структуре государства, обусловленное в том числе религиозно-культурными отличиями (Зуев, Игнаткин 2016: 76–77; Конев 2014: 84–85).

К сожалению, о событиях, связанных с переходом в конце XVI–XVII вв. в православие как кодских князцов, так и представителей обдорских, пелымских и иных остяцких и вогульских княжеских родов, сохранились весьма скудные и, порой, противоречивые сведения (Бахрушин 1955: 125, 133, 145; ПСРЛ 1987: 150; РИБ 1875: 152–153; Сулоцкий 2001: 258–259). Известно, что некоторые из них, например, Игичей Алачев и его ближайшие родственники, обдорский князь Василий удаивались чести креститься в столице. О том, как могло быть организовано крещение родовитых туземных вождей, можно составить представление по записям находившегося в 1654–1656 гг. в Московском государстве вместе с Антиохийским патриархом Макарием архидиакона Павла Алеппского. Оглашаемые должны были пробыть шесть недель в монастыре. «Священник учил их крестному знаменю, молитвам и тайнам веры». При этом они «посещали службы ночью и днем», но «стояли вне церкви». Став свидетелем Таинства крещения татар и других «иноземцев» в Москве и Казани, Павел Алеппский пишет, что их крестили в реке, «трижды погружая в воду с головой». Затем, переодевшись в новое, крещаемый со священником обходил «три раза кругом воды, поя положенную стихирю». Отмечается решительное изменение не только во внутреннем, но и во внешнем облике неофита: «бросают все его платье и надевают на него новое, даже (новый) колпак на голову и (новую) обувь на ноги». Архидиакон сообщает также, что «крестившийся получает от щедрот царя одежду, сукна и много динаров, и один из государственных сановников бывает его крестным отцом» (Путешествие 2012: 325–326).

Информацию о крещении сына Онжи Юрьева – Лобана и членов его семьи историки XIX в., в частности, А.И. Сулоцкий, почерпнули из текста Книги записной (1687 г.), точнее из ее позднего

списка, дважды изданного по не дошедшей до нас рукописи в «Древней Российской Вивлиофике» Н.И. Новикова (ДРВ 1788: 154). Аналогичные сведения содержатся во втором списке, опубликованном в соответствующем томе «Полного собрания русских летописей». В нем сообщается, что в «141-м году генваря в 6 день», т.е. в 1633 г., стольник князь Дмитрий Алачев привез в Тобольск из Москвы тело его скончавшегося отца, князя Михаила Алачева, и «везет его в вотчину свою, в Коду». Далее читаем: «Того ж году генваря в 16 день по государеве и по патриаршей грамотам крестили в Тобольску на реке Иртыше князя Никифора Алачева Юрьевича Лобана, мать ево княгиню Анну, да жену ево княгиню Агафию, да двух сынов его князь Семена да князь Исидора» (ПСРЛ 1987: 150). Летописные данные нашли отражение и в работе С.В. Бахрушина, который, отметив, что двоюродный брат Игичея, Онжа Юрьев, остался язычником, пишет о Лобане, что тот «принял с семьею христианство» только после трех лет проживания в Москве в 1633 г. (Бахрушин 1955: 125). В новейшей литературе, повествуя о пребывании в столице в период с 1629 по 1633 гг. кодских князей Михаила, Дмитрия и Лобана, авторы оговариваются, что Лобан принял крещение в Москве, но сведений, в каком точно году и при каких обстоятельствах это происходило, они не приводят (Вершинин 2018: 378, 382; Очерки истории Югры 2000: 151; Перевалова 2004: 64). При этом А.Т. Шашков полагает, что Лобан (Никифор) был отпущен домой ранее Михаила (когда тот еще был жив) и Дмитрия. Е.В. Вершинин, опираясь на данные дела, начатого в 1644 г. по челобитной сына Никифора – Петра Алачева, сообщает, что Никифор после крещения был пожалован вотчиной Онжиных-Юрьевых «Колпуковскою да Воспукольскою волостью» и ему был назначен годовой хлебный оклад по 50 четей ржи и овса (Вершинин 2018: 382–383; Очерки истории Югры 2000: 151).

Таким образом, имеются две точки зрения по поводу факта и обстоятельств крещения Лобана (Онжина) Алачева. Согласно первой, это произошло в Тобольске 16 января 1633 г., где князь крестился с семьей, согласно второй – Лобан принял православную веру в начале 1630-х гг. в Москве.

Следует отметить, что если относительно сыновей Никифора (Онжина) Алачева – Петра, Семена и Михаила хоть что-то известно (Бахрушин 1955: 133; Лобанов-Ростовский 1895: 3), то судьба почти всех их детей, внуков и правнуков остается практически неисследованной темой. А.Б. Лобанов-Ростовский пишет, что потомки Семена Никифоровича утратили княжеский титул, а казак Илья Алачев в конце XVIII в. был

«записан в подушный оклад», при этом «он неоднократно хлопотал о возвращении княжеского титула предков, но его старания были безуспешны» (Лобанов-Ростовский 1895: 3). Это единственная ниточка, которая позволяла надеяться на поиски в архивах каких-то дополнительных сведений о потомках Никифора, которые, как видим, не забыли о своем происхождении. Документы эти обнаружили в фондах Государственного архива в г. Тобольске. Отставной казак Илья Алачев, проживавший в конце XVIII – начале XIX вв. в деревне Медведчиковой Бронниковской волости Тобольского уезда, попытался вернуть себе права не только на утраченный княжеский титул, но и на древние волости Онжиных-Юрьевых. Отклонив притязания на эти волости «со всеми угоды, и ясаком, и людьми», в марте 1800 г. Тобольский уездный суд, «держась силы Высочайше изданных 1785 года апреля в 21 день о личных преимуществах дворян грамоты 91-й и 92-й статей», счел представленные Ильей Алачевым доказательства «на утверждение его в княжеском достоинстве» достаточными, но мнение Сената было иным, и просьба не была удовлетворена. В 1807 г. сын Ильи – Федор Алачев обратился с ходатайством о признании его права на два рыболовных песка, расположенных «на Обе реке близ Кондинского монастыря» на территории бывшей вотчины князя Никифора (ГБУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 52. Л. 15–18 об.). В ходе этого процесса Федор продолжил попытки своего отца обосновать притязания на титул. Возникла необходимость в дополнительных сведениях, подтверждающих происхождение бронниковских Алачевых от кодских князей, в том числе, о времени рождения и о крещении предков заявителя. Губернские власти обратились за содействием к духовной консистории.

Интересно, что Федор в своем прошении, поданном 24 января 1821 г. на имя императора Александра I, сообщает: «предок мой, Никифор Алачев, получа грамоту на княжеское достоинство и приняв грекороссийскую веру, был крещен на патриаршем дворе в Москве 7140-го года июля 31 числа ... После сего награжден недвижимым с людьми в Тобольской и Березовской округах именем» (ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 742. Л. 1). Судя по всему, в личном архиве Ильи и Федора имелись копии некоторых важных для них бумаг, полученных из архивов местных канцелярий или доставшихся им по наследству. К прошению была приложена родословная. Федор просил засвидетельствовать ее и таким образом подтвердить подлинность крещения всех в ней перечисленных, начиная с князя Петра, так как на этот предмет подтверждающих документов у него не

имелось. К сожалению, в деле эта поколенная роспись не сохранилась.

Тобольская духовная консистория для поиска сведений, касающихся рождения и крещения предков Федора, отправила в сентябре 1821 г. соответствующие предписания «Тобольско-подгородных церквей благочинному» протоиерею Петру Фелицыну и в Березовское духовное правление. В ответ Петр Фелицын рапортом представил, что в росписях 1801 г. показаны Кугаевского прихода д. Медведчиковой «отставной казак Илья Михайлов Алачев, дети его Петр, Федор и Сильвестр», но «обстоятельного сведения о рождении оных Алачевых доставить невозможно, так как прежних годов при Кугаевской церкви росписей и метрических книг не имеется» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 170. Л. 13). Более содержательная информация поступила из Березовского духовного правления за подписью протоиерея Иоанна Вергунова. Сообщалось, что священники села Шеркальского лично опросили кодских остяков. Жители Нагакарских и Алешинских юрт «единогласно» сказали, что «предков роду и поколения Алачевых не знают», а «Низямских юрт показали, что происходящие от князя Никифора роды не знают, а помнят только князя Илью, у Ильи дети Евдоким, Тимофей, у Евдокима дети Александр, Димитрий, у Димитрия сын Петр, умершие, у Петра дети в живых Павел, Иван. Евдокимова брата Матфея сын Федосей в живых, и того же роду Алачева потомки находятся в живых Петр Федоров, Гавриил Иванов, Сергей Иванов, Павел Иванов, которые князю Илье как будут в родстве не знают» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 170. Л. 10–10 об.). «Сказки» 4-й ревизии по Нагакарскому городку Самаровского уезда Тобольской губернии фиксируют факт проживания на апрель 1782 г. в Низямских юртах: Евдокима Алачева 56-ти лет, его сына Александра 43-х лет, сына Александра Семена 12-ти лет, сына скончавшегося к тому времени Димитрия и внука Евдокима – Петра 10-ти лет; Матфея Алачева, его сыновей – Федоса и Герасима, которым было по 8 лет; Федора Алачева, его сыновей Ивана 23-х лет, Ивана 9-ти и Саввы 6-ти лет и еще нескольких семей с фамилией Алачевы (ГБУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 376–377). Известно, что старинный городок Нангакор в первой половине XVII в. входил во владения Онжиных-Юрьевых (Перевалов 2004). Восстановление генеалогических связей всех потомков линии Онжиных-Юрьевых, живших во второй половине XVII – начале XIX вв. не входит в нашу задачу. В данном случае важно было найти подтверждение, хотя бы частичное, верности сведений о нагакарских Алачевых второй половины XVIII в., собранных священниками шеркальской Спасской церкви в конце 1821 – на-

чале 1822 гг. Как видим, материалами ревизского учета эта информация подтверждается.

Кроме того, выяснилось, что Алачевы из Низямских юрт (правда, в рапорте духовного управления не указано, кто точно) «имеют копию с грамоты», которая была переписана и препровождена в Тобольскую духовную консисторию. Это оказался текст благословенной патриаршей грамоты, выданной Никифору Алачеву в связи с крещением. Ниже привожу его по обнаруженной в деле копии с копии с сохранением орфографических и стилистических особенностей, пунктуация дана в соответствии с современными правилами русского языка.

«По благословению великаго Государя, святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея России иноземец князь Лабач Алачев крещон на патриаршем дворе, имя ему во крещении князь Микифор. Аще где нибудь придет к нашей руской церкви, и его в церковь пущать, и имети его также как и прочих христиан.

Писана на патриарше дворе лета 7рм: [7140. – А.К.] июля в 31-й день.

А у сея благословенной печать государева патриарша.

На обороте подлинной грамоты подписано тако диак Максим Богданов.

А печать при той грамоте утверждена на бумажном прошиурововании, красная восковая, со изображением благословящая руки» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 170. Л. 12).

Отмечу, что подлинность этого текста не вызвала сомнений у консистории. Обращение к соответствующей литературе подтверждает реальность дьяка Максима Богданова, служившего в 1631–1632 гг. в Патриаршем Казенном приказе (Лисейцев, Рогожин и др. 2015: 115). Судя по всему, аналогичная копия с патриаршей грамоты хранилась и в личном архиве отставного казака Ильи и его сына Федора из д. Медведчиковой, что говорит в пользу их генеалогической связи и с Алачевыми, проживавшими в конце XVIII – начале XIX вв. в районе Нагакарского городка, и с князем Никифором.

Данные приведенного текста грамоты, а также сведения, изложенные в прошении Федора Алачева в январе 1821 г., позволяют внести уточнения в датировку некоторых событий, связанных с пребыванием Алачевых в Москве в конце 1620 – начале 1630-х гг. и по-новому их интерпретировать. В 1628–1629 гг. Лобан отправился в столицу вместе с двоюродным братом, правителем Коды Михаилом Алачевым и его сыном Дмитрием. Михаил, как известно, пытался добиться пересмотра результатов переписи, проведенной в его вотчине «дозорщиками» С. Францезениным и Т. Левонтьевым (Бахрушин 1955: 132; Вершинин

2018: 378). Если придерживаться предположения, что Лобан (Никифор) покинул столицу еще при жизни князя Михаила, то тот, вероятнее всего, был жив до конца лета 1632 г./начала осени 1633 г. Ведь очевидно, что отправиться в Сибирь Никифор мог только после крещения, не ранее августа 1632 г. Остается открытым вопрос о его мотивах смены веры. Не Михаил ли повлиял на решение брата, учитывая тот факт, что это могло подействовать в разрешении его непростого дела, которого он ждал, не будучи допущенным «к руке государевой». Известно, что крестившиеся в столице иноверные мурзы и князья, как правило, удостоивались чести предстать пред «царские очи». В любом случае, принятие православия укрепляло доверие к Никифору со стороны власти и способствовало закреплению за ним его удела – двух небольших волостей Онжиных-Юрьевых Васпукол и Колпукол. Новокрещенный «княжик», вероятно, получил, помимо упомянутой, и грамоты с благословением на крещение членов его семьи. Они упоминаются в уже цитированном фрагменте летописи. Соответствующие распоряжения, безусловно, были направлены в Тобольск, воеводам и архиепископу Сибирскому и Тобольскому Макарию. Сообщение в Книге записной о крещении самого Никифора в Тобольске, скорее всего, следствие искажения формули-

ровки, заимствованной из не сохранившейся тобольской летописи (о «Книге записной» см.: ПСРЛ 1987: 19–20). Впрочем, и имеющийся текст можно интерпретировать несколько иначе, чем это принято, а именно, что крестили мать, жену и двух сыновей князя Никифора, но не его с ними.

Итак, рассматриваемый документ представляется весьма ценным для изучения российской политики XVII в. на вновь присоединенных восточных территориях, прежде всего в конфессиональной сфере. Это пока единственный известный нам текст благословенной патриаршей грамоты, адресованной крестившемуся представителю сибирской туземной элиты в конце XVI–XVII вв. Характерно употребление в нем термина «иноземец», который отражал специфическое положение «ясачных» народов Сибири в Русском государстве. Наконец, текст грамоты позволяет скорректировать устоявшуюся в исторической литературе датировку и трактовку ряда событий, связанных с судьбами отдельных представителей кодской княжеской династии в начале 1630-х гг. Кроме того, комплекс выявленных и частично введенных посредством этой статьи в научный оборот архивных источников дает новый материал для исследования генеалогии обеих линий владельцев Коды, судеб их потомков уже в конце XVIII – первой половине XIX вв.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске

ДРВ – Древняя Российская Вивлиофика

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РИБ – Русская историческая библиотека

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ЛИТЕРАТУРА

Бахрушин С.В. 1955. Научные труды. Т. III. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР.

Вершинин Е.В. 2018. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт.

ГБУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43.

ГБУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 52.

ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 170.

ГБУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 742.

ДРВ. 1788. Ч. III. М.: Тип. компании типографической.

Зуев А.С., Игнаткин П.С. 2016. «Иноземцы» – «свои» и «иные»: понятийно-терминологическая классификация социально-политического статуса сибирских аборигенов в Московском государстве (конец XVI – начало XVIII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 15.8: История, 67–85.

Конев А.Ю. 2014. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 6-1(44), 81–86.

Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. 2015. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

- Лобанов-Ростовский А.Б.* 1895. Русская родословная книга. Изд. 2-е. Т. 1. СПб.: Изд. А.С. Суворина.
- Миллер Г.Ф.* 1937. История Сибири. Т. 1. М., Л.: Изд-во АН СССР.
- Опарина Т.А.* 2007. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция.
- Очерки истории Югры. 2000 / Редин Д.А., Патрикеев Н.Б. (ред.). Екатеринбург: Изд-во «Волот», 135–160.
- Перевалов В.А.* 2004. Новый источник по истории ясачного налогообложения обских угров в середине XVII в. // Е.И. Гололобов (ред.). Письменные источники по истории Западной Сибири: Сборник научных трудов. Сургут: РИО СургПИ, 25–29.
- Перевалова Е.В.* 2004. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН.
- ПСРЛ. 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. М.: Наука.
- Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. 2012 / Муркос Г. (пер.). Изд. 2-е. М.: Общ-во сохранения лит. наследия.
- РИБ. 1875. Т. 2. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых.
- Слугина В.А.* 2015. Шертоприводные записи как инструмент оформления подданства сибирских народов российскому государю в XVII веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 14. 1: История, 58–65.
- Солодкин Я.Г.* 2015. Кодское княжество и российские власти в конце XVI – начале XVII в. (к трактовке некоторых показаний из челобитной 1636 г. «иноземцев» Коды) // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Сборник научных статей / Солодкин Я.Г., Алексеева Л.В. (ред.). Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 72–75.
- Сулоцкий А.И.* 2001. Сочинения в трех томах. Т. 3. Из архива Александра Сулоцкого / Чупин В.А. (ред.). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 256–267.
- Шауро И.Г.* 2011. К вопросу о крещении в православие как способе принятия русского подданства в Московском государстве в XVI–XVII веках // Мир юридической науки 2, 49–54.

REFERENCES

- Bakhrushin S.V.* Nauchniye trudy. T. III. Ch. 2. Istoriya narodov Sibiri v XVI-XVII vv. [Scientific Papers. Vol. III. Pt. 2. History of Siberian Peoples in 16th -17th Centuries]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955. (In Russian).
- Vershinin E.V.* Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoj Sibiri v konce XVI –XVII vv. [Russian Colonization of North-Western Siberia at the End of the 16th–17th centuries]. Yekaterinburg: Demidovskij institut, 2018. (In Russian).
- The State Archives in Tobolsk. Fund 154. Inventory 8. Case 43. (In Russian).
- The State Archives in Tobolsk. Fund 154. Inventory 20. Case 52. (In Russian).
- The State Archives in Tobolsk. Fund 156. Inventory 9. Case 170. (In Russian).
- The State Archives in Tobolsk. Fund 329. Inventory 13. Case 742. (In Russian).
- Drevnyaya Rossijskaya Vivliofika [Ancient Russian Vivliophika (Library)]. Part III. Moscow: Tip. kompanii tipograficheskoy, 1788. (In Russian).
- Zuev A.S., Ignatkin P.S.* In: Vestnik novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novosibirsk State University]. Vol. 15. Iss. 8 (2016): 67–85. (In Russian).
- Konev A. Yu.* In: Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. Vol. 6. Pt. 1. (2014): 81–86. (In Russian).
- Lisejcev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M.* Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Slovar'-spravochnik [Departments of the Moscow State in the 16th–17th centuries: A Reference Dictionary]. Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2015. (In Russian).
- Lobanov-Rostovskij A.B.* Russkaya rodoslovnaya kniga [Russian Genealogical Book]. 2nd edition. Vol. 1. St. Petersburg: Izdaniye A.S. Suvorina, 1895. (In Russian).
- Miller G.F.* Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937. (In Russian).
- Oparina T.A.* Inozemtsy v Rossii XVI – XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii [Foreigners in Russia in the 16th–17th centuries. Essays on historical biography and genealogy]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2007. (In Russian).
- Ocherki istorii Yugry [Essays on the History of Yugra] / Redin D.A., Patrikeev N.B. (ed). Yekaterinburg: Izd-vo «Volot», 2000, pp. 135–160. (In Russian).
- Peravalov V.A.* In: Pis'menniyе istochniki po istorii Zapadnoj Sibiri: Sbornik nauchnykh trudov. [Written Sources on the History of Western Siberia: A Collection of Scientific Works] / Gololobov E.I. (ed). Surgut: RIO SurgPI, 2004, pp. 25–29. (In Russian).

Perevalova E.V. Severniye khanty: etnicheskaya istoriia [The Northern Khanty: Ethnic History]. Yekaterinburg: UrO RAN, 2004. (In Russian).

Complete collection of Russian chronicles. Vol. 36. Siberian chronicles. Pt. 1. Moscow: Nauka, 1987. (In Russian).

Puteshestviye Antiohijskogo Patriarha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoye ego synom, arhi-diakonom Pavlom Aleppskim [The journey of the Antiochian patriarch Makarios to Russia in the middle of the 17th century, described by his son Archdeacon Pavel Aleppsky] / Murkos G. (ed.). 2nd edition. Moscow: Obshch-vo sohraneniya lit. naslediya, 2012. (In Russian).

Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian historical library]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. br. Panteleyevykh, 1875. (In Russian).

Slugina V.A. In: Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology]. Vol. 14. Iss. 1 (2015): 58–65. (In Russian).

Solodkin Ya. G. In: Yugra, Sibir', Rossiya: politicheskiye, ehkonomicheskiye, sociokul'turnye aspekty proshlogo i nastoyashchego: Sbornik nauchnyh statej [Yugra, Siberia, Russia: Political, Economic, Socio-Cultural Aspects of the Past and the Present: A Collection of Scientific Articles] / Solodkin Ya.G, Alekseeva L.V. (ed.). Nizhnevartovsk: Izd-vo NVGU, 2015. pp. 72-75. (In Russian).

Sulotskii A.I. Sochineniia v trekh tomakh: T. 3. Iz arkhiva Aleksandra Sulotskogo [Writings in Three Volumes. Vol. 3. From the Archive of Aleksandr Sultoskii] / Chupin V.A. (ed.). Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki, 2001, pp. 256-267. (In Russian).

Shauro I.G. In: Mir iuridicheskoi nauki [World of jurisprudence]. No. 2 (2011): 49–54. (In Russian).

A.Yu. Konev
Tyumen, Russia

AN UNKNOWN SOURCE ABOUT THE BAPTISM OF LOBAN (ONZHIN) ALACHEV: REVISITING THE HISTORY OF KODA PRINCES AND THEIR DESCENDANTS (17th – BEGINNING OF THE 19th CENTURIES)

Abstract. Based on rare archival documents, which have not been introduced into scientific circulation, the article considers the policy of the Russian state concerning the native elite of the North-Western Siberia. The article focuses on the confessional aspect of this policy. The author takes as a premise the fact that in the 16th – 17th centuries there existed a direct link between the baptism of a “foreigner”/“non-Orthodox” and their transformation into a full-fledged subject of the Moscow Sovereign. This framework determines the significance of Christianization of the indigenous elite of the region and the relevance of the topic under consideration. The author presents the text of a copy of the blessed patriarchal letter from the State Archive in Tobolsk. The text analysis enables reconsideration of the established view on the date and circumstances of the baptism of Koda “Prince” Loban/Nikifor Alachev. Therefore a new interpretation of the related events can be offered. The author believes that Alachev’s rights to the “ancestral lands” of the Onzhins-Yuryevs were undoubtedly related to the fact that he had adopted Orthodox Christianity. In addition, the article introduces some materials for the genealogical study of both lineages of the Koda rulers as well as the lives of their descendants at the end of the 18th – first half of the 19th centuries. First of all, this refers to the retired Cossack Ilia Alachev and his son Fiodor, who lived in Bronnikovo volost of Tobolsk uyezd.

Key words: baptism; non-Orthodox (inovertsy); North-Western Siberia; native elite; Koda principality (Kods-koe knyazhestvo).

About the author: Aleksey Yur’evich Konev, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Social Anthropology Department.

Place of employment: Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences .

Конев А.Ю. Неизвестный источник о крещении Лобана (Онжина) Алачева: к истории кодских князей и их потомков (XVII – начало XIX вв.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 18–24.

Konev A.Yu. An Unknown Source about the Baptism of Loban (Onzhin) Alachev: Revisiting the History of Koda Princes and their Descendants (17th – beginning of the 19th centuries) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 18–24.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОМСКОГО УЕЗДА МЕЖДУ ОМСКОЙ И АКМОЛИНСКОЙ ГУБЕРНИЯМИ В 1921–1922 гг.

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов разграничения Омского уезда между Омской и Акмолинской губерниями в 1921–1922 гг. Автор, основываясь на впервые вовлеченных в научный оборот архивных документах, проводит подробный анализ процесса установления национально-государственной границы между сибирской территорией РСФСР и Казахской (Киргизской) республикой. Отмечается, что формирование границы проходило в условиях сложной политической и экономической ситуации. От правильности разделения спорного Омского уезда зависела дальнейшая судьба губернского центра – Омска, а также населения уезда.

В работе подчеркивается, что при установлении границ между Казахской автономией и Сибирью учитывались как политические, экономические, географические факторы, так и волеизъявление граждан. При этом особо выделяется национальная политика Советской власти, благодаря которой многие народы, включая казахов, получили автономии.

В статье показаны сложные взаимоотношения Сибревкома, Казахского ЦИК, Москвы, а также губернских властей в вопросах разграничения. Приводятся подробные сведения о ходе работы специальной комиссии, созданной для установления границы по Омскому уезду, в которую вошли представители Казахской республики и Сибирского революционного комитета. Было выявлено, что наиболее острой проблемой, вызывавшей разногласия и длительные дискуссии, являлась принадлежность станции Исилькуль и станции Черлакской. Делается вывод, что процесс разграничения Омского уезда закончился в мае 1922 г. его окончательным разделением между Сибирью и Казахстаном. При этом определяющим в данном вопросе являлось мнение Центра, склонявшегося к варианту установления границы в пользу Казахской АССР.

Ключевые слова: разграничение; Сибирь; Киргизская АССР; Омский уезд; Исилькуль; Черлак; Сибревком; Киргизский ЦИК.

Сведения об авторе: Константин Брониславович Корженевский, аспирант, ассистент кафедры истории России.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628616, Россия, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б, каб. 311; тел.: 8(912)989-72-32, e-mail: KOnstantin_Lg@mail.ru.

Формирование северной границы Казахстана с Сибирью проходило в начале 1920-х гг. в условиях сложной политической и экономической ситуации, как в самом регионе, так и по всей территории бывшей Российской империи. Размежевание произошло путем слома имперского административного деления и создания сначала автономной Казахской республики, а после – полноправной союзной республики.

Процесс формирования российско-казахстанской границы привлекал внимание ряда ученых двух дружественных государств (Садыков, Мальшева 2010; Разгон 2003). Однако до настоящего времени многие вопросы, прежде всего, связанные с мотивами передачи той или иной территории в состав национальной автономии, сам механизм передачи не становились предметом изучения. Рассмотрение данных вопросов поможет лучше понять как принципы национальной политики советского государства на раннем этапе его существования, так и особенности ее проведения на местах.

К революционному 1917 г. Степной край имел достаточно прочные социально-экономи-

ческие и культурные связи с Сибирью и Южным Уралом. Административно Степь была разделена на несколько крупных областей. Территории, граничащие с сибирскими губерниями, занимали северные уезды Акмолинской и Семипалатинской областей. Кроме того, на территории Казахстана выделялись земли Сибирского казачьего войска (Аманжолова 2016: 16). Казахское население Степного края в дореволюционное время, а затем и в советский период вплоть до 1925 г. именовали «киргиз-кайсаками» или «киргизами». Для сохранения достоверности фактического материала с соблюдением временных рамок в данной работе казахи будут именоваться «киргизами», а Казахская республика «Киргизской».

Крах самодержавия и последующие революционные события 1917 г. стимулировали появление националистических движений. В Киргизской степи российские политические партии действовали в основном в городах, опираясь на русских и русскоязычных граждан. Большинству коренного населения их идеи были неизвестны и не оказывали влияния на политический выбор киргизов (Аманжолова 2016: 18). На передовые позиции в

1917 г. вышло движение «Алаш», находившееся в тесной связи с Сибирским областничеством. Однако сибирские власти и Алаш-Орда, встав на сторону антибольшевистских сил, в конечном итоге были разбиты и ликвидированы. Тем не менее, алашисты положили начало формированию Кыргызской республики с объединением всех областей проживания кочевого степного народа.

Большевики, окончательно придя к власти в Сибири и Степном крае в 1919 г., стали проводить хотя и жесткую, но в целом достаточно осторожную линию по укреплению социалистических порядков. Следуя своей гибкой национальной политике, они инициировали подготовку Всекиргизского съезда и создание автономии. Делалось это в рамках изменений административно-территориальной системы, что имело под собой четкую базу, заложенную в основах советского государственного строительства. Возможность объединения этноса в составе автономного образования, со своими традициями, культурой и языком позволила многим народам получить ограниченный суверенитет.

Процессы объединения территорий бывшей Российской империи в единое советское государство в начале 1920-х гг. показывают, что большевики серьезно оценивали важность национальной политики (Карпенкова, Соколов 2016: 350). В сжатые сроки им удалось ликвидировать правовое неравенство этносов. Жителей национальных окраин перестали считать инородцами, они получили статус советских граждан, позволивший им принять непосредственное участие в экономическом и политическом строительстве молодого советского государства. Для каждой нации декларировалась возможность получить автономию, иметь определенную территорию, создать национальные органы власти и управлять своими внутренними делами, при этом находясь в составе единого советского государства (Кокшаров, Тиханова 2012: 18).

Точкой отсчета в образовании Кыргызской автономии стоит считать 10 июля 1919 г., когда декретом СНК РСФСР было издано «Временное положение о Революционном Комитете по управлению Кыргызским краем». Согласно этому документу для управления Кыргызской степью, вплоть до созыва всеобщего киргизского съезда, создавался революционный комитет (Кирревком), состоящий из 7 членов, назначаемых «Центральной властью», в руках которого сосредотачивалось военно-гражданское управление краем (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 32).

На Кирревком возлагалась задача организации всей советской деятельности в границах Кыргызской степи, а также проведение в жизнь всех поступавших из Москвы постановлений. Но по-

скольку Кирревкому на первых порах было трудно справиться с такой большой территорией, Акмолинская и Семипалатинская области до апреля 1921 г. фактически находились в подчинении Сибревкома.

26 августа 1920 г. был принят декрет «Об образовании Автономной Кыргызской Социалистической Советской Республики». В ее состав были включены Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская области, Мангышлакский уезд и Адаевские волости Красноводского уезда Закаспийской области, Букеевская орда. Территории Акмолинской и Семипалатинской областей временно продолжали оставаться в ведении Сибревкома вплоть до окончательной организации центральных органов власти Кыргызской АССР. При этом представители Кирревкома были введены в состав Сибревкома для управления Акмолинскими и Семипалатинскими землями (Об образовании 1920: 529–531).

С созданием Кыргызской автономии начался сложный процесс формирования национально-территориальных границ. В зависимости от изменения общественно-политической ситуации в советском государстве при разграничении между Кыргызской автономией и сопредельными территориями РСФСР учитывались национально-политические и географические факторы, волеизъявление граждан, экономический и естественнo-исторический аспекты (Разгон 2003: 16). При этом наиболее значимую роль в данном процессе сыграла национальная политика большевиков, направленная на объединение киргизского народа.

Формирование северо-восточной границы Кыргызской республики проходило по территории четырех губерний: Омской и Алтайской со стороны Сибири, Акмолинской и Семипалатинской, соответственно, с киргизской стороны. При разграничении автономии с прилегающими районами Омской губернии определенная роль отводилась волеизъявлению народов, проживавших на территории юга Западной Сибири и казахской степи. Проводились заседания местных органов власти, организовывались собрания жителей поселений, на которых обсуждались вопросы изменения границ. При размежевании население привлекалось в качестве экспертов, знающих местность. Однако все же учет волеизъявления граждан был поверхностным. Зачастую, вопреки мнению населения, принимались решения, основанные на экономической целесообразности и принципах большевистской национальной политики (Корженевский 2018: 332).

14 октября 1920 г. при Сибревкоме было создано представительство Кыргызской автономии, которое обладало широкими полномочиями в вопросах административного и хозяйственного

управления киргизских территорий Омской губернии и Семипалатинской области. Оно участвовало в рассмотрении спорных вопросов между Сибирью и Киргизией, вело подготовку к фактической передаче территорий из ведения Сибревкома в состав Киргизской АССР (Аманжолова 2004: 138).

24 марта 1921 г. в Омск приехала чрезвычайная полномочная комиссия Киргизского ЦИК по приему и организации управления Семипалатинской и Акмолинской губерний. В ее состав вошли председатель Киргизского ЦИК Мендешев, члены Заромский, Досов, Алибеков и Сейфуллин, а также представители отдельных наркоматов. По прибытии в Омск комиссия была пополнена пятью полномочными представителями от Сибревкома и Омского губисполкома (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 542. Л. 23). В конечном счете была создана полномочная смешанная комиссия из десяти членов. Уже на первом заседании – 26 марта 1921 г. она выделила из своего состава для общего руководства и «обеспечения постоянства работы» Бюро из четырех членов: двух от Сибревкома (от отдела управления и Омского губисполкома) и двух от Киргизского ЦИК (Мендешев и Заромский) (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 542. Л. 23). Немаловажным является и тот факт, что комиссия на время своей деятельности включила представителя Кирреспублики Сергеева с правом совещательного голоса в Омский губисполком для координации всех действий с руководством Омской губернии (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 78).

Всего было проведено 6 заседаний Пленума комиссии и 16 заседаний Бюро, на которых были рассмотрены и в целом утверждены вопросы, касающиеся организации перехода Акмолинской и Семипалатинской губерний под управление Киргизской республики (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 542. Л. 23). Комиссия просуществовала до июня 1921 г., завершив и юридически оформив переход территорий в состав Киргизской АССР.

По итогу долгого и трудоемкого процесса разграничения Сибревком постановил считать с 10 мая 1921 г. Семипалатинскую и вновь образованную Акмолинскую губернии окончательно перешедшими в ведение Киргизской республики (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 582. Л. 9). При этом точные границы смешанной комиссией так и не были окончательно установлены, вследствие чего данный вопрос был передан на рассмотрение ВЦИК (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 542. Л. 23 об.).

Учитывая, что в Петропавловском уезде русских проживало больше 2/3, а в Кокчетавском и Омском – более 3/4, то, по мнению представителей Сибревкома, эти административные единицы должны были целиком отойти к Сибири, а Акмолинский и Атбасарский уезды, а также вся Семи-

палатинская область – к Киргизскому краю (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 51–52). Однако, несмотря на притязания на Петропавловский и Кокчетавский уезды, в итоге Сибревком дал согласие на переход этих территорий в состав Киргизской АССР. Немаловажным оказалось и мнение Центральных властей, которые декретом «Об образовании Киргизии» указали, какие именно уезды должны войти в состав автономии (Корженевский 2017: 20). При этом точное разграничение Омского уезда, согласно декрету, должно было производиться по согласованию двух сторон. Данное уточнение стало поводом для долгого и упорного столкновения Сибревкома и Киргизского ЦИК, каждый из которых хотел оставить весь уезд в своем подчинении.

Двухсторонняя комиссия по проведению границ между Киргизской республикой и Сибревкомом по Омскому уезду была образована на основании постановления Сибревкома от 27 ноября 1920 г. и начала свою работу в январе 1921 г. (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 72). Вплоть до мая 1921 г. она действовала параллельно со смешанной комиссией по включению Акмолинской и Семипалатинской губерний в состав Киргизской республики. У сибирской стороны с самого начала было готовое предложение о разделении уезда на две части. Граница между ними должна была пройти по линии урочищ Ала-Бота, Теке и Улкен-Карой (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 72–73 об.). Свой вариант проекта Сибревком представил на первом заседании специальной комиссии от 4 января 1921 г. Впоследствии он стал основой для постановления ВЦИК о разграничении Омского уезда. В Сибревкоме считали абсурдом отдать в Киргизскую АССР Омск и примыкающий к нему «абсолютно русский» сельский уезд и выражали готовность уступить лишь южную часть уезда с преобладанием киргизского населения (Садыков, Малышева 2010: 199).

К заседанию 8 февраля 1921 г. киргизская сторона подготовила свои доводы о необходимости передачи Киргизии всей территории Омского уезда, которые заключались в важности всего уезда для автономии как в политическом, так и в экономическом отношении, указывалось на традиционную связь северных и южных земель уезда, целесообразность сохранения единой административно-территориальной единицы (Садыков, Малышева 2010: 200–202).

Сибревком, не согласившись с мнением киргизских представителей, своим постановлением от 9 марта 1921 г. вынес решение о присоединении к Омской губернии северной части уезда. При этом вопрос о принадлежности южной части Сибревком оставил открытым, считая, что Киргизский ЦИК будет не в состоянии эффективно

управлять южной территорией (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 13). Представители Киргизии при Сибревкоме незамедлительно отреагировали на это постановление, настаивая на его отмене. При этом они в своем протесте указывали на катастрофические последствия разделения уезда, заключающиеся в том, что если к Киргизской АССР перейдет лишь только лишенная лесов и пресных источников южная часть Омского уезда, это обречет население на вымирание (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 17–17 об.).

Исходя из категорического непринятия киргизской стороной разделения Омского уезда, а также из-за нецелесообразности деления уезда в принципе, Сибревком выдвинул новый проект, по которому весь уезд должен был войти в состав Омской губернии. Но представителей Киргизской АССР данное предложение также не устроило. Не придя к соглашению, приняли решение передать этот вопрос на рассмотрение ВЦИК (ИсА. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 5. Л. 48).

Административная Комиссия ВЦИК отвергла оба проекта, предложив разделить Омский уезд по соглашению заинтересованных сторон, взяв за основу первый вариант Сибревкома (ИсА. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 5. Л. 65).

3 июня 1921 г. состоялось совещание представителей Сибревкома и Киргизского ЦИК по этому вопросу. Основываясь на указаниях административной комиссии ВЦИК, был принят проект Сибревкома, изложенный на заседании комиссии по определению границ от 4 января 1921 г., но с определенными оговорками:

– станция Исилькуль остается на территории Киргизской республики;

– линия границы проходит восточнее Исилькуля по границе с Петропавловским уездом, далее севернее озера Кичи-Карой, Улькен-Карой, урочища Кара-Терек, придерживаясь южных границ русских волостей, и выходит на станицу Черлаковскую на Иртыше, причем 8 русских волостей: Ореховская, Добровольская, Моисеевская, Русско-Полянская, Ново-Санжаровская, Черноусовская, Степановская и Котельниковская остаются на территории Киргизии;

– вопросы землепользования киргизского населения, остающегося на территории Сибревкома, решаются при участии представителя Киргизской автономии (ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 11. Л. 38).

Указанный проект делил Омский уезд на две почти равные части, причем в северную половину уезда с редким вкраплением киргизского населения должны были войти 54 русские волости и 6 киргизских волостей, а южная, отходящая к Киргизии, имела более плотное киргизское население и включала в себя 9 русских и 7 киргизских волостей (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 5).

10 июня 1921 г. ВЦИК принял постановление о разделе Омского уезда, при этом 8 русских волостей передавались в Акмолинскую губернию Киргизской автономии (Сулькевич 1926: 225). Однако, несмотря на решение ВЦИК, на местах продолжались жаркие дебаты по поводу спорных участков будущей границы. Омский губисполком, выступавший категорически против решения вышестоящих органов власти о передачи в ведение Киргизии Исилькуля и Черлака, отклонил решение ВЦИК и возбудил к началу осени вопрос о пересмотре границ.

9 сентября 1921 г. председатель Акмолинского губревкома направил во ВЦИК, СТО, Киргизский ЦИК и Сибревком протест против задержки передачи в ведение Киргизской республики Исилькуля и Черлака, настоятельно требуя повлиять на Омский губисполком, чтобы тот скорее начал процедуру передачи спорных территорий (СКГА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 7. Л. 39). Одновременно из Петропавловска в Омск была отправлена телеграмма, в которой выражался категорический протест против самочинства Омского губисполкома (СКГА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 7. Л. 41).

14 сентября 1921 г. совещание при отделе управления Сибревкома по вопросу об установлении границ по линии Омского уезда предложило Омскому губисполкому немедленно произвести передачу южной части Омского уезда со станцией Исилькуль Киргизской республике. При этом для установления точной земельной границы в районе станции было принято решение образовать комиссию в составе представителей Сибревкома, Омского губисполкома и Киргизской республики (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 451. Л. 12), которая должна была произвести определение границ на месте, закончив свои работы в трехдневный срок.

Комиссия в составе представителя Сибирского округа путей сообщения, представителя Киргизской республики и представителя Омгубисполкома 23 сентября 1921 г. выехала в Исилькуль и установили, что граница бывшего Петропавловского уезда находится западнее станции Исилькуль в 25-26 верстах (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 451. Л. 24–25). При этом в процессе определения фактической границы между членами комиссии выявились разногласия по поводу их полномочий, что выразилось в протесте представителя Киргизской автономии. По итогу работы была принята резолюция, в которой, несмотря на возражения представителя Киргизии, указывалась нецелесообразность проведения границы с отнесением Исилькуля к киргизской территории в силу естественно-экономического тяготения к Исилькулю большого числа сибирских волостей (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 451. Л. 30).

27 сентября 1921 г. Омский губисполком постановил приступить к передаче Киргизской АССР не вызывавшей споров части Омского уезда, а в отношении Исилькуля и Черлака принял решение повторно ходатайствовать перед президиумом ВЦИК об оставлении этих территорий в составе Омской губернии (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 6). Смешанная комиссия по сдаче и приему южной части Омского уезда из ведения Сибревкома в ведение Киргизии 30 сентября подтвердила переход 8 русских волостей. Также в Киргизскую автономию передавались Казильгакская и Кайтасская киргизские волости целиком, и частично Николаевская, Текинская, Алаботинская, Курганская и Покровская киргизские волости. Фактическим днем передачи постановили считать 1 октября 1921 г. (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 12).

Ввиду того, что Омский губисполком отказался передать станции Исилькуль и Черлак, смешанная комиссия решила провести временную границу до окончательного определения принадлежности спорных территорий (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 12). 7 октября 1921 г. президиум Омского губисполкома утвердил переход южной части Омского уезда, и постановил в очередной раз ходатайствовать перед ВЦИК об оставлении за Омской губернией указанных станций (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 13). 28 октября 1921 г. из южной части Омского уезда, отошедшей в состав Киргизской автономии, был образован Ореховский район (СКГА. Ф. 55. Оп. 7. Д. 26. Л. 67).

17 ноября 1921 г. состоялось заседание административной комиссии при Сибревкоме по вопросу границ между Омской губернией и Киргизской республикой. Заслушав доклады представителей Омского губисполкома, Киргизского ЦИК, а также Сибплана о границе в районе станции Исилькуль, комиссия признала выделение этой станции, как центра «крепкого экономического района», состоящего из Лосевской, Село-Озерской, Николаевской, Городищенской, Украинской, Светиловской, Полтавской, Вольновской, Барвенковской волостей, тяготеющих к Омску, недопустимым, т. к. в результате произойдет нарушение целостности экономического района (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 379. Л. 10). Также было постановлено выйти через Сибревком в административную комиссию ВЦИК с ходатайством о пересмотре постановления ВЦИК и проведении границы между Омской губернией с Киргизской республикой западнее станции Исилькуль по линии старой границы Петропавловского уезда. 7 декабря Сибревком, заслушав доклад представителя Сибплана т. Шиша, внес во ВЦИК ходатайство пересмотреть вопрос о спорных территориях Омского уезда (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 454. Л. 62).

12 января 1922 г. президиум ВЦИК вынес решение оставить станцию Исилькуль в пределах Омской губернии, а черлакскую территорию – в Киргизии (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 20). Однако вопрос о принадлежности станции Исилькуль и в этот раз не был окончательно разрешен. По ходатайству киргизских представителей перед Оргбюро ЦК РКП (б), было принято постановление оставить станцию Исилькуль в пределах Киргизской республики (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 28 об.). Тогда 26 января 1922 г. президиум ВЦИК пересмотрел свое решение и в отмену постановления от 12 января оставил Исилькуль в ведении Киргизии (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 28).

Таким образом, спор о принадлежности Исилькуля и Черлака, казалось бы, завершился. На основании постановлений ВЦИК от 12 и 26 января 1922 г. спорные территории передавались Киргизской стороне.

16 февраля 1922 г. комиссия по районированию Омской губернии утвердила проведение окончательных границ с Киргизской АССР в пределах Омского уезда с учетом постановлений ВЦИК (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 23). Из оставшихся в пределах Омской губернии частей киргизских волостей Комиссия постановила организовать Покровско-Киргизскую и Эбейтинскую волости, Омская киргизская волость была оставлена в прежнем составе (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 346. Л. 20). 21 марта Омский губисполком утвердил постановление комиссии относительно окончательного установления границ (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 27).

Все же сибирские власти, несмотря на разрешение спорных вопросов во ВЦИК не в их пользу, продолжили защищать свои интересы. Сибревком отправил во ВЦИК докладную записку с протестом, настаивая на оставлении Исилькуля с прилегающим районом в ведении Сибревкома. Основным аргументом были решения Исилькульского исполкома и Омского губисполкома, которые считали город Исилькуль центром в политическом, экономическом и культурно-просветительском отношении для 13 русских и 3 киргизских волостей Омского уезда, оставшихся в составе Омской губернии (ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 838. Л. 14).

4 мая 1922 г. президиум Акмолинского губисполкома постановил создать комиссию для приема Черлака и прилегающих к нему волостей в ведение Киргизской республики (ИсА. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 8. Л. 26). Вместе с тем был образован Черлакский уездный ревком, который начал свою работу 10 мая (ИсА. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 8. Л. 25). 11 мая образуется смешанная комиссия по сдаче и приему Черлакской волости, которая произвела окончательную передачу Черлакской,

а также Татарской волостей в ведение Акмолинской губернии 16 мая 1922 г. (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 41).

Станция Исилькуль так и не была передана в Киргизскую АССР. После многочисленных ходатайств Сибревкома, а также Омской губернии, ВЦИК вновь пересмотрел данный вопрос и вынес решение от 27 мая 1922 г. об оставлении станции в Омской губернии (ИсА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40. Л. 41). Таким образом, продолжительные споры вокруг Черлака и Исилькуля закончились передачей Черлакской волости в Киргизию, а станция Исилькуль осталась в Сибири.

Из перешедших в Акмолинскую губернию территорий Черлакской и Татарской волостей с присоединением ликвидируемого Ореховского района был образован Черлакский район на правах уезда (ИсА. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 1. Л. 25). Через год, 24 марта 1923 г. постановлением Киргизского ЦИК из Черлакского района был образован Черлакский уезд (Справочник 1959: 45).

С переходом в ведение Киргизской АССР южной части Омского уезда на официальном уровне были закончены все прения и споры между Сибревкомом и Киргизским ЦИК. Однако еще долгое время поступали ходатайства от жителей пограничных волостей о желании населения отдельных селений перейти в состав киргизских или же сибирских губерний.

Определение северной границы между Сибирью и Киргизской автономией диктовалось как политическими особенностями того времени, так и экономической целесообразностью. Однако, по мнению Д.А. Аманжоловой, руководство сибирской и киргизской сторон трактовало эти факторы по-разному. Представители Сибревкома руководствовались экономическим тяготением северных уездов Акмолинской губернии к Омску, а также высокой плотностью проживающего на этих территориях русского населения. Руководство же Киргизской автономии, опираясь на поддержку Москвы, указывало, что в основу создания автономии должен быть положен фактор исторически сложившихся хозяйственно-экономических взаи-

мосвязей скотоводческих и земледельческих хозяйств (Аманжолова 2004: 139).

При этом, несмотря на широкие полномочия Сибревкома и Киргизского ЦИК, все процессы по определению административно-территориальной границы Киргизии с Сибирью проходили под строгим контролем Центра, что зачастую приводило к пересмотру принятых на местах решений, преимущественно в пользу киргизской автономии. Советская власть придерживалась позиции объединения всех территорий проживания киргизов, что создавало дополнительные трудности представителям Сибревкома и упрощало деятельность киргизским властям.

Разграничение по территории Акмолинской области проходило в условиях жесткой позиции Сибирского ревкома, представители которого любыми средствами пытались помешать переходу Петропавловского, Кокчетавского и Омского уездов в образуемую Киргизскую республику. Представители же Киргизии ставили перед собой цель забрать у Сибири как можно больше спорных территорий, методично, шаг за шагом, опротестовывали любые доводы Сибревкома в центральных органах власти, добиваясь немалых успехов в ходе административно-территориального размежевания Сибири и Киргизской АССР в первой половине 1920-х гг.

Сибревком, изначально предложивший проект разделения Омского уезда на две части, не преследовал цель оставить уезд целиком под управлением Сибири, а ратовал за выделение южной части Омского уезда с киргизским населением в автономию, что говорит об учете сибирскими властями национальной политики Советского государства. Лишь в условиях категоричного требования противоположной стороны о переходе всего Омского уезда, включая Омск в Киргизию, попытался отстоять Омский уезд. В конечном итоге территория уезда была разделена почти на две равные части, несмотря на противоположные точки зрения заинтересованных сторон, считавших уезд своей территорией, как в экономическом, так и в политическом отношении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАНО – Государственное казенное учреждение Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области»

ИсА – Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»

СКГА – Коммунальное государственное учреждение «Северо-Казахстанский государственный архив»

ЛИТЕРАТУРА

Аманжолова Д.А. 2004. Казахская автономия: от замыслов националов к самоопределению по-советски // «Acta Slavica Iaponica». Т. 21. Sapporo: Japon, 115–143.

Аманжолова Д.А. 2016. Из истории соперничества партийно-политических проектов и идей в Степном крае (начало XX в.) // Российские регионы: взгляд в будущее 1 (3), 15–42.

ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377.

ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 379.
 ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 451.
 ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 454.
 ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 542.
 ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 582.
 ГАО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 838.
 ГАО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 11.
 ИСА. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 1.
 ИСА. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 8.
 ИСА. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 5.
 ИСА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 346.
 ИСА. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 40.

Карпенкова Т.В., Соколов М.В. 2016. Из истории решения национального вопроса в России (1917–1922 гг.) // Повышение академической мобильности преподавателей и студентов в рамках сотрудничества РЭУ им. Г.В. Плеханова с международной образовательной корпорацией «Pearson»: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (г. Москва, 25-26 января 2016 г.) / Зарудна М.В. (ред.). М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 347–365.

Кокшаров В.А., Тиханова Е.В. 2012. Юго-восточная граница России: исторический путь к согласию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

Корженевский К.Б. 2017. Формирование северной границы Казахской автономии в 1920–1921 гг.: переход Акмолинской и Семипалатинской областей в ведение Казахстана // Материалы и исследования по истории России. Вып. 1 / Солодкин Я.Г. (отв. ред.). Нижневартовск: НВГУ, 18–21.

Корженевский К.Б. 2018. О влиянии народного волеизъявления на формирование национально-территориальной границы Казахской АССР с Сибирью в первой половине 1920-х гг. // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Материалы научно-методического семинара (г. Нижневартовск, 16 декабря 2017 г.). Нижневартовск: НВГУ, 332–336.

Об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики. 1920 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. № 76. М.: Управ. делами Совнаркома СССР.

Разгон Н.И. 2003. Образование Алтайской губернии и ее разграничение с Казахстаном (1917–1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Садьков Е.Б.; Малышева М.П. 2010. Сибирь и Казахстан (национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана. (1919–1922 гг.). Алма-Ата: Казахстан.

СКГА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 7.

СКГА. Ф. 55. Оп. 7. Д. 26.

Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 – декабрь 1936 г.). 1959 / Базанова Ф.Н. (сост.). Алма-Ата: Архивное управление МВД Казахской ССР.

Сулькевич С.И. 1926. Административно-политическое строение Союза ССР (Материалы о территориальных преобразованиях с 1917 г. по 1 июля 1925 г.). Л.: Гос. изд-во.

REFERENCES

Amanzholova D.A. In: Acta Slavica Iaponica. Sapparo, Japon. Vol. 21 (2004): 115–143. (In Russian).

Amanzholova D.A. In: Rossiiskie regiony: vzglyad v budushee [Russian regions: looking to the future]. Iss. 1 (Vol. 3) (2016): 15–42. (In Russian).

State archive of Novosibirsk region. Fund R-1. Inventory 1. Case 377. (In Russian).

State archive of Novosibirsk region. Fund R-1. Inventory 1. Case 379. (In Russian).

State archive of Novosibirsk region. Fund R-1. Inventory 1. Case 451. (In Russian).

State archive of Novosibirsk region. Fund R-1. Inventory 1. Case 454. (In Russian).

State archive of Novosibirsk region. Fund R-1. Inventory 1. Case 542. (In Russian).

State archive of Novosibirsk region. Fund R-1. Inventory 1. Case 582. (In Russian).

State archive of Novosibirsk region. Fund R-1. Inventory 1. Case 838. (In Russian).

State archive of Novosibirsk region. Fund R-1180. Inventory 1. Case 11. (In Russian).

Historical archive of Omsk region. Fund R-1444. Inventory 1. Case 1. (In Russian).

Historical archive of Omsk region. Fund R-1444. Inventory 1. Case 8. (In Russian).

Historical archive of Omsk region. Fund R-27. Inventory 1. Case 5. (In Russian).

Historical archive of Omsk region. Fund R-32. Inventory 1. Case 346. (In Russian).

Historical archive of Omsk region. Fund R-32. Inventory 1. Case 40. (In Russian).

Карпенкова Т.В., Соколов М.В. In: Povyshenie akademicheskoy mobil'nosti prepodavatelej i studentov v ramkah sotrudnichestva REHU im. G.V. Plekhanova s mezhdunarodnoj obrazovatel'noj korporaciej "Pearson": sbornik

nauchnih trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii [Increasing the academic mobility of teachers and students in the framework of cooperation of PRUE with the “Pearson” international educational corporation: Proceedings of the International scientific and practical conference. Moscow, 25-26 January, 2016] / Zarudnaya M.V. (ed.). Moscow: REU im. G.V. Plekhanova, 2016, pp.347–365. (In Russian).

Koksharov V.A. Yugo-vostochnaya granica Rossii; istoricheskiy put' k soglasiyu [The South-Eastern border of Russia: the historical way to consent]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2012. (In Russian).

Korzhenevskiy K.B. In: Aktualnie problemi gumanitarnih nauk: materiali nauchno-metodicheskogo seminar (g. Nizhneartovsk, 16 dekabrya 2017 g.) [Actual problems of Humanities: Proceedings of the scientific and methodological seminar (Nizhneartovsk, 16 December, 2017)]. Nizhneartovsk, 2018, pp.332–336. (In Russian).

Korzhenevskiy K.B. In: Materiali i issledovaniya po istorii Rossii [Materials and research on the history of Russia] / Solodkin Ya.G. (ed.). Iss. 1 Nizhneartovsk: NVGU, 2017, pp.18–21. (In Russian).

In: Sobranie zakonov i rasporyajenii rabochego i krestyanskogo pravitelstva RSFSR [Collection of laws and orders of the workers and peasants government of the RSFSR]. No. 76, Article 359, 1920. (In Russian).

Razgon N.I. Obrazovanie Altaiskoi gubernii i ee razgranichenie s Kazahstanom (1917–1925 gg.) [Formation of the Altai province and its delimitation with Kazakhstan (1917–1925): An author's abstract of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Barnaul, 2003. (In Russian).

Sadikov E.B., Malisheva M.P. Sibir i Kazahstan. (nacionalno-territorialnoe razmejevanie Sibiri i Kazahstana. 1919–1922 gg.) [Siberia and Kazakhstan. (national and territorial delimitation of Siberia and Kazakhstan. 1919–1922)]. Alma-Ata: Kazahstan, 2010. (In Russian).

North Kazakhstan State Archive. Fund 43. Inventory 1. Case 7. (In Russian).

North Kazakhstan State Archive. Fund 55. Inventory 7. Case 26. (In Russian).

Spravochnik po administrativno-territorialnomu deleniyu Kazahstana (avgust 1920 – dekabr 1936) [Reference book on the administrative and territorial division of Kazakhstan (August 1920 – December 1936)]. Compiler Bazanova F. N.]. Alma-Ata: Arhivnoe upravlenie MVD Kazahskoj SSR, 1959. (In Russian).

Sulkevich S.I. Administrativno-politicheskoe stroenie Soyuza SSR (Materiali o territorialnih preobrazovaniyah s 1917 g. po 1 iyulya 1925 g.) [Administrative and political structure of the USSR (Materials on the territorial transformations from 1917 to July 1, 1925)]. Leningrad: Gos. izd-vo, 1926. (In Russian).

K.B. Korzhenevskiy
Nizhneartovsk, Russia

DELIMITATION OF THE OMSK DISTRICT BETWEEN OMSK AND AKMOLINSK GOVERNORATES IN 1921–1922

Abstract. The article deals with the issues of the delimitation of the Omsk uyezd between Omsk and Akmolinsk governorates in 1921–1922. Based on recently introduced archival documents, the author carried out a detailed analysis of the process of establishing the national-state border between the Siberian territory of the RSFSR and the Kazakh (Kyrgyz) Republic. It is noted that the border formation took place in a challenging political and economic situation. The fate of Omsk, the governorate centre, and the uyezd population depended on how the division of the disputed Omsk uyezd was to be carried out.

It is stressed that when establishing the boundaries between the Kazakh autonomy and Siberia, not only political, economic and geographical factors but also the will of citizens were taken into account. At the same time, emphasis is placed on the national policy of Soviet authorities that gave autonomy to many nations, including the Kazakhs.

The article focuses on the controversial relationships between Sibrevkom, the Kazakh Central Executive Committee, Moscow, and the provincial authorities on the issues of delimitation. Details are provided on the work of a special commission established to define the boundaries in Omsk uyezd. The commission was composed of representatives of the Kazakh Republic and the Siberian Revolutionary Committee. It was found that the most acute problem of disagreement and lengthy debates was the territorial allegiance of Isilkul railway station and of *stanitsa* (village) Cherlaksкая. It is concluded that Omsk uyezd delimitation was finished in May 1922 with its final division between Siberia and Kazakhstan. Meanwhile the decisive factor in this matter was the opinion of the Centre more inclined in favour of the Kazakh ASSR.

Key words: delimitation; Siberia; Kirgыз ASSR; Omsk uyezd; Isilkul; Cherlak; Sibrevkom; Kyrgyz CEC.

About the author: Konstantin Bronislavovich Korzhenevskiy, graduate student, assistant at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhneartovsk State University.

УДК 94(470.51)

*Н.В. Пислегин
Ижевск, Россия***НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЯШЕН
УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ И СЕРЕДИНЕ XVIII в.**

Аннотация. Настоящая статья освещает процессы этногенеза и этнической истории особой этно-сословной группы населения Удмуртского Прикамья – кряшен – в первой половине и середине XVIII в. в контексте их связей с удмуртами. На основе анализа массовых демографических источников – Ландратской переписи 1716 г. и ревизских сказок I–III ревизий – изучен процесс отатаривания удмуртских селений (или их части), жители которых принимали крещение до начала деятельности Казанской новокрещенской конторы в 1740–60-е гг. Даны историко-демографические характеристики (численность, половозрастные характеристики, этно-сословный статус, брачные контакты) населения, рассмотрена эволюция административно-территориальной структуры на протяжении указанного периода, приведены варианты наименования поселений.

В середине XVIII в. селения, где проживали старокрещенные, стали одним из пунктов для переселения и закрепления таким образом православия среди недавно крещеных. С другой стороны, некоторая, некрещенская, их часть основывала чисто удмуртские деревни. В это время утвердилось разграничение этно-сословных категорий удмуртов, одна из которых осталась удмуртской, другая – полностью или одной из своих частей продолжила «уход в татары». Кряшены являют собой один из вариантов этногенеза, происшедшего на полиэтничной территории Среднего Поволжья и Приуралья. Документальные источники демографического характера позволяют точно утверждать о наличии значительного удмуртского компонента в процессе формирования данной этнической группы.

Ключевые слова: Удмуртское Прикамье; кряшены; удмурты; татары; крестьяне; этно-сословные группы; ассимиляция.

Сведения об авторе: Николай Викторович Пислегин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований, доцент.

Место работы: Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск).

Контактная информация: 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел.: 8(904)314-64-61, 8(3412)68-52-94; e-mail: cpeg@rambler.ru.

Рассмотрение вопросов происхождения и этнической истории кряшен является традиционным для исследователей, начиная с дореволюционного времени. Высказывались разнообразные суждения об истоках этноса, обобщенно сводящиеся к их тюркскому и/или финно-угорскому происхождению, несомненным признано важное значение конфессионального фактора в этногенезе кряшен. Существуют также недоказуемые, антинаучные версии раннесредневекового происхождения кряшен от кераитов-несториан и/или болгар, принявших православие в некоем византийском г. Кряшен, и т. п. На наш взгляд, нельзя согласиться с мнением о недостаточном обращении историков к проблеме этногенеза кряшен, в целом оно вполне сопоставимо с вниманием, уделяемым

другим народам Урало-Поволжья (Галлям 2015: 58; Исхаков 2016: 38–41; Мәржани 1989: 32, 74–75; Никитина 2012: 73).

Анализ письменных источников позволяет утверждать о появлении первых «новокрещеных» в регионе не ранее его присоединения к Российскому государству. Крещение во второй половине XVI–XVII в. принимали в основном недостаточно укорененные в исламе турки (ногаи) и ассимилирующиеся финно-угры (южные удмурты, луговые мари), наибольшее их количество отмечено среди служилых категорий населения, заселявших опустевшие в ходе восстания 1552–1557 гг. земли Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда (Галлям 2015: 58–60, 69; Загидуллин 2016: 160). Заметный ногайский след среди первых новокрещен бывше-

* Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества», проект № 18-6-6-38 «Цивилизационное пространство Урало-Поволжья: социально-демографические характеристики, политико-экономический статус, этнокультурные традиции».

го Казанского ханства обозначен и в крупнейшей коллективной монографии «История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.)» (История и культура татар-кряшен 2017). Данные выводы вполне коррелируются с изысканиями генетиков под руководством Е.В. Балановской, согласно которым в целом для поволжских татар характерны гаплогруппы Y-хромосомы, наиболее часто встречаемые в Урало-Поволжье и на севере Восточной Европы (R1a-M198, N1c-LLY22g, I1-M253). Они составляют более 60% их генофонда. Южных (E1b1b1-M35; G2a-P15; I2a-P37.2; J2-M172) и восточноевразийских (C3-M217; O3-M122; Q-M242) вариантов значительно меньше – 23 и 5% соответственно. Наиболее близкое к подобному сочетание среди других тюркских народов имеется среди башкир, части ногайцев (караногайцы, кубанские ногайцы) и сибирских татар (искеро-тобольский субэтнос). При этом у кряшен доля «привнесенных» в регион гаплогрупп даже выше, нежели у казанских татар: «южные» у них составляют 29%, а «центральноазиатские» – 6% (Балановская и др. 2016: 78–82).

Среди работ последних лет особого внимания заслуживает совместная статья Р.Р. Исхакова и Х.З. Багаутдиновой, посвященная анализу демографических характеристик и расселения кряшен Казанской губернии начиная с середины XVIII в. Авторами, в частности, по данным ревизских сказок III и последующих ревизий и церковной документации, а также по историческим преданиям и этнографическим изысканиям прослежена консолидация принявших ранее крещение удмуртов Чуриновского прихода (деревни Шемордан, Пор-

шур, Малая Чура, Новая Семена Головина – 423 ревизские души по III ревизии) с близкими по религии и культуре соседями на базе преобладающего в регионе языка, отмечена значительная роль в отатаривании смешанных браков и переселений кряшен в удмуртские деревни (Исхаков, Багаутдинова 2015: 92).

Удмуртов, скорее всего, входивших в число новокрещенных до начала XVIII в., вероятно ожидать среди ясачных Арской дороги Казанского уезда, поскольку в массе документов XVIII в. среди них нет служилых, живущих же по Зюрейской дороге (являвшихся при этом недавними переселенцами) насчитывается буквально единицы (Гришкина 1976: 102; НА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 441а. Л. 403–407об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1204. Л. 291–292). В других административно-территориальных единицах (в первую очередь, в Каринском стане Хлыновского уезда) параллелей между удмуртами и кряшенами не прослеживается.

Массовые источники, которые позволяют сопоставить первоначально новокрещенных удмуртов с последующими старокрещеными удмуртами и кряшенами, в настоящий момент доступны только начиная с 1710 г. Ландратская перепись 1716 г. зафиксировала, как минимум, две сотни, в которых располагались их селения, – Ямая Досмякеева (в 1710 г. «была отца ево Досмякейки Байгозина») и Андрея Байтемирова. Вскоре, в 1719 г., в крае была начата новая перепись населения, проводившаяся на иных основаниях – учете так называемых ревизских, мужского пола, душ для последующего обложения их податями вместо прежнего подворного (см. табл. 1).

Таблица 1

Новокрещенные удмурты Арской дороги Казанского уезда в 1710/1716 и 1719 гг.

Деревня	1710 г.	1716 г.		1719 г.	Примечание	
	Дворов	Дворов	Муж.	Жен.		Муж.
1	2	3	4	5	6	7
Сотня Ямая Досмякеева						
Старая Уча	1	1	2	2	0	Отмечены также некрещенные удмурты
Верхняя Урясь-Уча	2	2	8	6	28	Некрещенные числятся бежавшими
Малая Уча, Каинсар-Уча тож	–	–	–	–	8	Продолжают проживать также некрещенные удмурты
Ошторма-Юмья	3	2	6	6	0	
Меньшая Головина / Малая Семена Головина	5	4	12	8	0	
Новая Головина	29	19	50	50	0	Отмечены также русские и некрещенные удмурты и татары
Шамардан	4	2	5	9	19	
Кушкетбаш	–	–	–	–	1	Отмечен также 1 русский
Кушкет	17	9	22	15	71	Отмечены также некрещенные удмурты
Малая Сюра / Малая Чура	13	10	24	27	48	
Поршур	14	13	44	42	57	

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Верхняя Сюра*	28	19	46	48	78	
Уча другого усаду / Уча второго усаду	5	4	18	12	0	Отмечены также некрещенные удмурты
Уча третьего усаду	3	1	1	1	0	Отмечены также некрещенные удмурты и русские
Чибыя / Цыпья / Старая Цыпья	18	18	57	70	67	
Дурга	7	4	22	16	<122	Проживают новокрещенные и некрещенные удмурты и русские
Кетек / Кутек / Кетяк / Китяк / Вотский Кетяк	3	1	3	3	0	Отмечены также некрещенные удмурты
Лельвыж / Ленвыж у реки Сури	1	0	0	0	0	Крещенные (2 муж., 3 жен.) бежали, «ходят по миру», отмечены некрещенные удмурты
В вершине речки Шингалчи	8	0	0	0	–	36 муж., 25 жен. в 1710 г., числящиеся бежавшими
Сотня Андрея Байтемирова (в 1719 г. – Бакты Елкибаева)						
Камышлы	3	2	5	5	14	
Пизнер	1	1	3	1	4	
Всего	165	112	326	321	>395	

Источники (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 147. Л. 27 об. – 59 об., 512–513; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1130. Л. 154, 357–365; Удмуртское Прикамье 2009).

* В материалах II ревизии с. Троицкое, Чура тож.

По данным Ландратской переписи 1716 г., среди 17 деревень сотни Ямая Досмякеева две были новокрещенцами уже покинуты, в 11 они продолжали проживать совместно с остающимися некрещеными (в т.ч. в одной из них жили также некрещенные татары). Умершие погребались в относительно близких территориально русских селах Усад и Дерюшево. Отмеченные селения располагались (и располагаются) значительно юго-западнее территории современной Удмуртской Республики. В сотне Андрея Байтемирова одну из двух новокрещенских деревень с большой долей вероятности можно отождествить с находящимся на территории современной Удмуртии (Граховских район) с. Мещеряково, селения относились к приходу с. Ушак. В дальнейшем появлялись собственно кряшенские села.

Достаточно значительна для рассматриваемого периода численность удмуртов, принявших православие, – почти 650 душ обоого пола, что приблизительно составляло 18% населения сотни Ямая Досмякеева и превышало 4% от всей численности удмуртов Арской дороги, отмеченных указанной переписью¹. Несмотря на то, что число

поселений, в которых проживали крещенные удмурты, по данным I ревизии уменьшилось (12), общая их численность была выше, нежели тремя годами ранее, – скорее всего, она превышала 400 ревизских душ. Непонятна этно-сословная принадлежность д. Петрецы сотни Токбулата Рысова (в 1719 г. – Кадыра Кадрыкова): по Ландратской переписи в ней проживали русские, по I ревизии – новокрещенные удмурты, в дальнейшем она отсутствует в составе сотен, являвшихся наследниками указанной малой административно-территориальной единицы (Гришкина 1976: 112–113; Пислегин, Чураков 2016; РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 147. Л. 27 об. – 59 об., 390 об., 512–513, 944–945 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1130. Л. 154, 357, 362 об., 364, 365; Удмуртское Прикамье 2009). Важно отметить, что для рассматриваемого в настоящем исследовании времени все приводимые цифры не носят абсолютного характера. Тем не менее, по ним можно судить о наличии явления, в данном случае – существования ряда посе-

населения дороги. В сотне Ямая Досмякеева, по ее данным, проживали 3 546 удмуртов, русских и татар. Согласно итоговому данным, приведенным в первоисточнике, по Арской дороге проживали 667 (в т.ч. 653 – в сотне Ямая Досмякеева) ясачных новокрещенцев, 14 479 некрещенных удмуртов (всего 15 146).

¹ По подсчетам М.В. Гришкиной, она составляла 15 426 душ обоого пола, что представляло большую часть

лений, в которых проживали несколько сотен принявших православие крестьян-удмуртов, имевших статус ясачных новокрещен. В дальнейшем многие их потомки становились старо-крещеными татарами.

Ко времени проведения II ревизии (1744 г.) сотня Ямая Досмякеева оказалась раздробленной, минимум, на 4 сотни, причем крещеные, как пра-

вило, были выделены в отдельные малые административно-территориальные единицы. Сказки, за исключением переписи д. Каинсар-Уча, не указывали этническую принадлежность новокрещен. Этно-сословная принадлежность рассматриваемых селений сотни Ямаметя Ильметева (наследницы сотни Бакты Елкибаева) указывалась так же, как в I ревизию (см. табл. 2).

Таблица 2

Новокрещенные Арской дороги Казанского уезда по данным II ревизии

Населенный пункт	Число ревизских душ	Наличие некрещеных, их административно-территориальная принадлежность
Сотни Федора Степанова и Савелия Семенова		
д. Старая Уча	0	Сотня Байтула Васкеева
д. Верхняя Урясь-Уча	23	Сотня Байтула Васкеева
д. Каинсар-Уча*	3	
д. Ошторма-Юмья	20	
д. Малая Семена Головина	17	
д. Новая Головина	120	
д. Шамардан	73	
д. Кушкет	61	
д. Кушкетбаш	78	
д. Живут себе усадом по речке	35	
д. Малая Сюра	48	
д. Поршур	76	
с. Троицкое, Чура тож	96	
д. Уча другого усаду	16	
д. Уча третьего усаду	4	
д. Цыпья	62	
д. Дурга	41	Сотня Уры Тохтамышева
д. Кутек	0	Сотня Байтула Васкеева
д. Лельвыж	0	
Сотня Ямаметя Ильметева		
д. Камышлы	17	
с. Пизнер, а ныне жительство имеют в д. Мещерякове	7	
Всего	797	

Источники (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1139. Л. 341–414 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1140. Л. 313–440 об., 789–790 об.).

* И крещеные, и некрещеные данного селения относились к сотне Байтула Васкеева.

Отраженное II ревизией значительное, почти двукратное, увеличение численности новокрещеных в сравнении с предыдущими переписями, кроме вероятных погрешностей учета, можно также объяснить началом деятельности в 1740 г. Казанской новокрещенской конторы по массовой христианизации нерусского населения края (Луппов 1899: 129–139). В сотне Уры Тохтамышева, помимо отмеченных селений, крестившиеся удмурты были зафиксированы в д. Малая Лызя (2 из 226 душ мужского пола). Наконец, появляются они в новых сотнях Арской дороги: д. Водже-Шудья сотни Кони Мустаева (д. Старый Кузлук Сюмсинского района Удмуртии) – 2 крещеных из 149; д. Что была пустошь по речке Молле сотни

Тотоя Усеева (д. Большая Докья Завьяловского района Удмуртии) – 2 крещеных из 33 (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1140. Л. 352 об. – 361, 552 об. – 559, 1210 об. – 1212). Татар-кряшен в указанных селениях и территориях в дальнейшем не появилось. Напротив, в крещеных ранее территориях уже к середине XVIII в. вероятно ожидать их, например, в д. Новая Головина, где и в начале века среди новокрещеных и некрещеных удмуртов отмечались некрещеные татары. Среди 29 населенных пунктов сотен Федора Степанова и Савелия Семенова (1 623 ревизские души) в трех проживали служилые новокрещеные, что говорит, скорее, об их непринадлежности к удмуртам, минимум 1 деревня носила марийское название «Янасала»

(РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1140. Л. 313–440 об., 789–790 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1139. Л. 341–414 об.).

По материалам III ревизии (1762–1764 гг.) подавляющая часть удмуртов официально числилась новокрещеными. Для обозначения людей,

живших в селениях, которые приняли крещение ранее массовой христианизации середины XVIII в., стал использоваться термин «старокрещенные». Проследим эволюцию рассматривавшихся ранее населенных пунктов, отразившуюся в переписях 1760-х гг. (табл. 3):

Таблица 3

Отождествляемые с удмуртами-новокрещеными первой половины XVIII в. населенные пункты Арской дороги Казанского уезда по данным III ревизии

Населенный пункт	Этно-сословный и конфессиональный статус жителей	Число душ мужского пола	Число душ женского пола	Примечание
Сотни Максима Иванова (бывшая Федора Степанова) и Савелия Игнатъева (бывшая Савелия Семенова)				
д. Старая Уча	Новокрещенные ясачные удмурты			Относилась к сотне Якова Иванова (бывшая Байтула Васкеева)
с. Петропавловское, бывшая Верхняя Урясь-Уча	Старокрещенные ясачные татары			Перешли в сотню Козьмы Семенова, «коею ныне правит старокрещен Егор Андреев»
д. Каинсар-Уча	Новокрещенные и некрещенные ясачные удмурты			Относилась к сотне Якова Иванова
д. Ошторма-Юмья	Старокрещенные ясачные удмурты	16	15	Удмурты-новокрещены селений относились к сотне Якова Иванова
д. Малая Семена Головина	Старокрещенные ясачные татары	31	23	
д. Новая Головина	Старокрещенные ясачные удмурты	179	162	
д. Шамардан		110	126	
д. Кушкет	Старокрещенные ясачные татары	55	58	
д. Кушкетбаш		102	90	
д. Живут себе усадом по речке	Старокрещенные ясачные удмурты	24	13	
д. Малая Сюра		38	29	
д. Поршур	Старокрещенные ясачные татары	99	97	
с. Троицкое, Чура тож		104	123	
д. Уча другого усаду	Старокрещенные, новокрещенные и некрещенные ясачные удмурты	14	11	Новокрещенные – в сотне Ивана Артемьева, некрещенные – Камая Ямаева (бывшая сотня Уры Тохтамышева)
д. Уча третьего усаду	Старокрещенные ясачные удмурты	10	4	
д. Цыпья		92	69	
д. Дурга		55	53	Новокрещенные в сотне Ивана Артемьева
д. Кутек	Новокрещенные и некрещенные ясачные удмурты			Относились к сотне Якова Иванова
д. Лельвыж	Новокрещенные ясачные удмурты			

Окончание табл. 3

Сотня Федора Емельянова (бывшая Ямаметя Ильметева)				
д. Камышлы	Старокрещенные ясачные удмурты			Переселились в д. Ямушину и поч. Ян-Булай по речке Сердаус сотни Ивана Федорова*
с. Пизнер, что ныне Рождественское, Мещерякова тож	Старокрещенные ясачные татары	20	14	
Всего		949	887	

Источники (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1179. Л. 1–4 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1186. Л. 510–702; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1188. Л. 882–1060 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1189. Л. 35–208; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1191. Л. 113 об. – 117; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1195. Л. 92).

* В настоящий момент нам не удалось отождествить данные поселения с населенными удмуртами.

Следует отметить, что процесс слияния старокрещенных удмуртов с татарами-кряшенами к моменту проведения III ревизии, по всей видимости, зашел уже достаточно далеко и разделение переписью старокрещенных на татар и удмуртов здесь зачастую носило условный характер и могло меняться в разных списках одной и той же сказки. Так, Р.Р. Исхаков и Х.З. Багаутдинова приводят несколько отличные от наших данные: в с. Чура (Троицкое), деревнях Малая Семена Головина и Кушкетбаш, по их сведениям, проживали старокрещенные татары, а в соседних – удмурты (Шамардан – 107, Поршур – 99, Малая Чура – 38, Новая Семена Головина – 179 душ мужского пола. В дальнейшем, отмечают исследователи, во всех этих селениях числились только татары-кряшены (Исхаков, Багаутдинова 2015: 89–93).

Селения, где проживали старокрещенные, в этот период стали одним из пунктов для переселения и закрепления таким образом православия среди недавно крещеных. Татар-новокрещен приписывали в деревни Новая Головина, Кушкет, Живут себе усадом по речке. С другой стороны, некоторая, некрещенская, их часть основывала чисто удмуртские деревни. Так, выходцы из д. Малая Семена Головина, новокрещенные и некрещенные удмурты, основали поч. Сутырь сотни Якова Иванова, новокрещенные из д. Новая Семена Головина – поч. По речке Итче сотни Сидора Емельянова, и др. В отличие от предыдущих, III ревизия стала учитывать женское население. Интересны также отраженные в ее материалах брачные контакты рассматриваемых поселений. Традиционно для крестьянства преобладали внутренние этно-сословные и конфессиональные брачные контакты: мужчины, как правило, брали себе удмуртских и татарских жен-старокрещенок. В д. Цыпья брали также жен из новокрещенных удмурток и крестьянок из русских приписных. Чаше с недавно крещеными заключались браки там, где они были непосредственными соседями (например, в

д. Дурга). Вместе с тем, без сомнения, имели место и более широкие контакты. Например, в д. Старый Кушкет сотни Ивана Артемьева у некрещеного удмурта Юбера женой являлась 20-летняя старокрещенка Марья Сергеева из д. Старая Чипья (т. е. Цыпья), в д. Большая Лызя той же сотни крещенные ясачные удмурты (вместе с ними проживали также русские ясачные и вольноотпущенники) выдавали дочерей замуж за старокрещенных (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1179. Л. 1–4 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1186. Л. 510–702; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1188. Л. 844, 882–1060 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1189. Л. 35–208, 538–539 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1191. Л. 113 об. – 117; 1195. Л. 92; НА РГ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 437а. Л. 679–683). Непосредственно на территории современной Удмуртии между II и III ревизиями в сотне Ермолая Иванова (бывшей Урекея Ларина) появилось еще одно кряшенское поселение – д. Ландер, 27 мужчин и 21 женщина которой ранее числились в сотне Козьмы Семенова (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1190. Л. 622–624 об.). По всей видимости, в ближайшей для того времени исторической перспективе (т. е. минимум с начала XVIII в.) их предки не были удмуртами.

Подводя итог, необходимо заметить, что период, пришедшийся на проведение III ревизии, можно считать некоей вехой, закрепившей разграничение категории населения, одна из которых осталась удмуртской (деревни Старая Уча, Каинсар-Уча, Удмуртский Китяк и Лельвыж²), другая – полностью (села Верхняя Урясь-Уча и Чура, деревни Шамардан, Цыпья, Кушкет, Кушкетбаш, Живут себе усадом по речке, Малая Сюра, Поршур) или одной из своих частей (деревни Ошторма-Юмья, Малая Семена Головина, Новая Голо-

² В последующие ревизии в определении этнословного статуса жителей данных селений продолжал отсутствовать термин «старокрещенные» (Пислегин, Чураков 2016).

вина, Уча второго усада, Уча третьего усада, Дурга) продолжила «уход в татары». Кряшены являют собой один из вариантов этногенеза, происходившего на полиэтничной территории Среднего Поволжья и Приуралья; документальные источники

демографического характера подтверждают наличие значительного удмуртского компонента в процессе формирования данной этнической группы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

поч. – починок

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ЛИТЕРАТУРА

Балановская Е.В., Агджоян А.Т., Жабалин М.К. и др. 2016. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология 3, 75–85.

Галлям Р.Г. 2015. Первые «новокрещенские» поселения в Среднем Поволжье и основы генезиса татар-кряшен (по документам второй половины XVI – начала XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья 5, 57–71.

Гришкина М.В. 1976. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск: УдНИИ при СМ УАССР, 95–133.

Загидуллин И.К. 2016. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в Казанском крае во второй половине XVI — начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства 8, 146–166.

История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.). 2017 / Хакимов Р.С. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Исхаков Р.Р. 2016. Источники по истории и культуре татар-кряшен XVI – середины XX вв. // Кряшенское историческое обозрение 2, 38–68.

Исхаков Р.Р., Багаутдинова Х.З. 2015. Демографическое положение и расселение крещеных татар (кряшен) Казанской губернии по данным 3-й государственной ревизии 1761–1765 гг. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств 4-2, 89–93.

Луппов П.Н. 1899. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб.: Типо-литография М.П. Фроловой.

Мәржани Ш. 1989. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татар. кит. нәшр.

НА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 437а. Л. 679–683.

НА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 441а. Л. 403–407об.

Никитина Г. А. 2012. Кряшены Удмуртии: этнокультурный портрет // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология 3, 73–81.

Пислегин Н. В., Чураков В. С. 2016. Справочник по малому административно-территориальному делению Удмуртского Прикамья (по данным I–X ревизий). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 147.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1130.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1139.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1140.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1179.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1186.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1188.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1189.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1190.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1191.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1195. Л. 92

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1204. Л. 291–292.

Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. 2009 / Чураков В.С. (сост.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.

REFERENCES

Balanovskaya E. V., Agdzhoyan A. T., Zhabagin M. K. et al. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia]. No.3 (2016): 75–85. (In Russian).

Gallyam R. G. In: Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya [From the History and Culture of the Peoples of The Middle Volga Region]. Iss. 5 (2015): 57–71. (In Russian).

Grishkina M. V. Chislennost' i rasselenie udmurtov v XVIII veke // Voprosy etnografii Udmurtii. [The number and migration of the Udmurts in the 18th century // Ethnographic issues of Udmurtia]. Izhevsk: UdNII pri SM UASSR, 1976, pp.95–133. (In Russian).

Zagidullin I.K. In: Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva [Medieval Turkic-Tatar States]. No.8 (2016): 146–166. (In Russian).

Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.) [History and culture of the Kryashen Tatars (16th–20th centuries)]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. (In Russian).

Iskhakov R.R., Bagautdinova H.Z. In: Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts]. No. 4-2 (2015): 89–93. (In Russian).

Iskhakov R.R. In: Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie [Kryashens historical review]. No.2 (2016): 38–68. (In Russian).

Luppov P.N. Hristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestij o nih do XIX veka [Christianity among the Votyaks from the first historical news of them until the 20th century]. St. Petersburg : Typo-lithographiya M.P. Frolovoi, 1899.

Mardzhani Sh. 1989. Mostefadel ekhbar fi ekhvali Kazan ve Bolgar (Kazan hem Bolgar hellehre turynda fajdalanylghan heberler [Storehouse of information about the Affairs of Kazan and Bulgar]. Kazan: The Tatar book publishing house.

National Archive of the Republic of Tatarstan . Fund 3. Inventory 2. Case 437a. Sheet 679-683. (In Russian).

National Archive of the Republic of Tatarstan . Fund 350. Inventory 1. Case 147. Sheet 403-407 back side (In Russian).

Nikitina G.A. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya [Bulletin of Udmurt State University. Series History and Philology]. Iss. 3 (2012): 73–81. (In Russian).

Pislegin N.V., Churakov V.S. Spravochnik po malomu administrativno-territorial'nomu deleniyu Udmurtskogo Prikam'ya (po dannym I–X revizij) [Guide to the small administrative-territorial division of the Udmurt Prikamye region (according to I–X censuses)]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 2016. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 1. Case 147. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 2. Case 1130. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 2. Case 1139. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 2. Case 1140. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents Fund 350. Inventory 2. Case 1179. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 2. Case 1186. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 2. Case 1188. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 2. Case 1189. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 2. Case 1190. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 2. Case 1191. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents . Fund 350. Inventory 2. Case 1195. Sheet 92. (In Russian).

Russian State Archives of Ancient Documents. Fund 350. Inventory 2. Case 1204. Sheet 291-292. (In Russian).

Udmurtskoe Prikam'e po piscovym opisaniyam i podvornym perepisyam XVII – nachala XVIII vekov [Udmurt Prikamye region on scribe descriptions and household censuses of XVII – beginning of XVIII centuries] / Churakov V.S. (comp.). Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 2009. (In Russian).

N.V. Pislegin
Izhevsk, Russia

SOME ISSUES OF ETHNOGENESIS AND ETHNIC HISTORY OF KRYASHENS OF THE UDMURT PRIKAMYE REGION IN THE FIRST HALF AND MIDDLE OF THE 18th CENTURY

Abstract. This article covers the processes of ethnogenesis and ethnic history of a particular ethno-class group (Kryashens) of the Udmurt Prikamye population in the first half and middle of the 18th century in the context of their relationship with the Udmurts. The study is based on the analysis of such demographic sources as the Landrat censuses of 1716 and Census lists of the 1st – 3rd censuses. It deals with the process of assimilation with the Tatars which involved the residents of Udmurt villages (or parts thereof) that were baptized prior to the work of Kazan *Novokreshchenskaya kontora* in 1740-s – 1760-s. Information is given on the historical and demographic structure of the population (i.e. number, age and gender characteristics, ethno-class status, marriage contacts, etc.), the evolution of the administrative-territorial structure, name variants of the settlements.

In the middle of the 18th century settlements, where «*Starokreshchenye*» (old baptized) Udmurts and Tatars lived, became some of the places for the relocation of the population and, thus, anchoring Orthodoxy among the newly baptized. On the other hand, non-Kryashens from these villages founded purely Udmurt villages.

At that time the differentiation of ethnic and social class categories of the Udmurts was established. Some of them remained Udmurt, while others continued their assimilation with the Tatars. The Kryashens are a variety of ethnogenesis that took place on the polyethnic territory of the Middle Volga and Urals. Documentary demographic sources allow confirming the significant Udmurt component in the formation process of this ethnic group.

Key words: Udmurt Prikamye region; Kryashens; Udmurts; Tatars; peasants; ethnic and social class groups; assimilation.

About the author: Nikolai Viktorovich Pislegin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Historical Research, Associate Professor.

Place of employment: Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk).

Пислегин Н.В. Некоторые вопросы этногенеза и этнической истории кряшен Удмуртского Прикамья в первой половине и середине XVIII в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 33–41.

Pislegin N.V. Some Issues of Ethnogenesis and Ethnic History of Kryashens of the Udmurt Prikamye Region in the First Half and Middle of the 18th Century// Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 33–41.

УДК 94(47).084

Д.К. Стожко, К.П. Стожко
Екатеринбург, Россия

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. БУХАРИНА)

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении и анализе альтернативных сценариев социально-экономического развития в истории России, одним из которых был проект Н.И. Бухарина по построению рыночной экономики.

В рамках ведущейся на протяжении многих лет дискуссии о возможности построения «рыночного социализма» в нашей стране авторами сопоставлены революционный и эволюционный подходы к построению рыночной экономики. Возникшие как раз к началу 20-х гг. XX в. «мягкий» сценарий развития Н.И. Бухарина и «жесткий» сценарий построения социализма Л.Д. Троцкого представляли собой два принципиально различных политико-экономических подхода к вопросу о судьбе страны и ее будущем.

Раскрыты сильные и слабые стороны обоих сценариев в контексте времени и с учетом социально-экономической и общественно-политической ситуации тех лет. Отмечен комплексный и стратегический подход Н.И. Бухарина к вопросам построения рыночного социализма, плановому управлению народным хозяйством, развитию различных форм собственности (трудовая, кооперативная и др.) при сохранении ведущей роли государственной собственности на основные средства производства.

Результатом исследования стала историко-ретроспективная реконструкция сценария, содержащегося в научных работах Н.И. Бухарина и его выступлениях. Этот сценарий включал в себя осуществление технической и культурной революции, развитие предпринимательства, кооперации, торговли и других форм рыночной экономики, ярким свидетельством чего стала «новая экономическая политика» (1921–1929).

В статье дана оценка возможных последствий завершения данного проекта для России и приведены примеры реализации эволюционных сценариев строительства социально ориентированной рыночной экономики в других странах, как наиболее близких к проекту Н.И. Бухарина.

Ключевые слова: идеология; техническая революция; культурная революция; «военный коммунизм»; «новая экономическая политика».

Сведения об авторах: Дмитрий Константинович Стожко¹, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии; Константин Петрович Стожко², доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и организации предприятий.

Место работы: ¹Уральский государственный экономический университет; ²Уральский государственный аграрный университет.

Контактная информация: ¹620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 62; тел.: 8(343)257-91-40, e-mail: d.k.stozhko@mail.ru; ²620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 42; тел.: 8(343)371-03-91, e-mail: kostskp@mail.ru.

Введение

Актуальность анализа сценария построения рыночной экономики в условиях социализма, предложенного Н.И. Бухариным, состоит в том, чтобы соединить преимущества рынка и плана для решения задач повышения благосостояния населения и устойчивого роста эффективности народного хозяйства.

В контексте выбранной темы исследования актуальна следующая мысль: «Социализм, который в качестве коммунизма преисполнен энтузиазма и веры в безусловную достижимость блага для всего человечества и насильственно осуществляется посредством тотального планирования формирования будущего, и социализм как идея постепенного осуществления этого будущего в союзе со свободной демократией – в корне отличны друг от друга» (Ясперс 1994: 201).

Понимание исторических альтернатив – важное условие понимания логики исторического развития. В этом как раз и состоит практическая функция исторической науки.

Методология

В работе использованы диалектический, программно-целевой, структурно-функциональный, историко-генетический и историко-ретроспективный методы исследования. Предметом исследования являются социально-экономические взгляды Н.И. Бухарина. Объектом исследования выступают его сочинения, а также сочинения его современников и официальные документы, опубликованные в разные годы.

Результаты исследования

Одним из наиболее ярких примеров альтернативной ситуации исторического развития в новейшей истории нашей страны стал идеологический спор о путях построения социализма. Возникший после революционных событий 1917 года и в ходе Гражданской войны 1918–1920 гг., этот спор красной нитью прошел через все 20-е гг. XX столетия и во многом остается актуальным до сих пор. Спор затрагивал вопросы о сущности переходного периода, о действии экономических законов в новых условиях, о соотношении плана и рынка, а также вопросы ценообразования, денежного обращения, хозяйственного расчета и т. д. (Маневич 1989; Маневич 1986; Малафеев 1964).

По названным вопросам активно высказывались крупные отечественные экономисты, среди которых можно назвать В.А. Базарова, С.И. Гусева, А.М. Кактыня, Г.М. Кржижановского, Л.Н. Крицмана, Н.Д. Кондратьева, Ю.З. Ларина, Г.Я. Сокольникова, С.Г. Струмилину и многих других. Вопрос о разработке общего плана разви-

тия экономики считался «самой насущной задачей» (Кактынь 1989: 96). Даже в условиях новой экономической политики продолжалось «укрепление плановых начал» и «значительное усиление регламентации» (Гинзбург 1991: 150). При этом остро стоял не только вопрос о соотношении плана и рынка, но и вопрос о методах и характере планирования. Дискуссия шла между сторонниками телеологического и генетического подходов к разработке народнохозяйственных планов. Ярким представителем первого подхода к планированию был С.Г. Струмилин, сформулировавший свой взгляд в работе «К теории планирования» (Струмилин 1989). Лидером второго направления стал Н.Д. Кондратьев, опубликовавший статью «Критические заметки о плане развития народного хозяйства» (Кондратьев 1989).

Комплексный анализ дискуссии дан в ряде работ по истории экономической мысли (История политической экономии капитализма 1989; История политической экономии социализма 1983; Стожко 2014).

Активное участие в дискуссии принимали и руководители государства, в том числе Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Л.Д. Троцкий, предлагавшие различные варианты дальнейшего социально-экономического развития страны.

Первый, военизированный (милитаристский) сценарий построения «нового общества» предложил Л.Д. Троцкий, считавший необходимым осуществить «кавалерийский наскок на капитализм» (Троцкий 1990d: 155–157). Не случайно именно он стал главным идеологом политики «военного коммунизма», одобренной IX съездом партии (Троцкий 1991: 441).

Другой, более «мягкий» проект хозяйственного развития предложил Н.И. Бухарин, исходивший из необходимости постепенных преобразований. Тем не менее, в начале Гражданской войны возобладал радикальный сценарий – политика «военного коммунизма». Эта политика свелась к массовой национализации промышленных предприятий, земли, средств производства, введению нормирования, карточной системы на продовольствие, трудовым мобилизациям (создание трудовых армий), репрессиям в отношении инакомыслящих и т. д.

К марту 1921 г., после шести лет войны, хозяйственная ситуация в стране выглядела крайне удручающей. Промышленное производство упало в шесть раз, сельскохозяйственное – на треть, грузооборот железных дорог – в пять раз, деньги обесценились в 20 млн раз (Перламутров 2007: 258).

Тяжелейшие социально-экономические результаты политики «военного коммунизма» потребовали от Советской власти отказаться от

прежних легковесных представлений о возможности быстрой ликвидации капитализма и перейти к «новой экономической политике». Катализатором перемен стали массовые народные волнения и голод 1921 г. По сути, советское руководство, вопреки прежним идеологическим представлениям (об упразднении денег, торговли, наемного труда, банковской системы и налогов) вынужденно перешло к сценарию, предложенному Н.И. Бухариным. А именно, выражаясь словами В.И. Ленина, «власть пошла на выучку к капиталистам».

В целом, проект, предложенный Н.И. Бухариным, можно охарактеризовать как идею широкой демократии, гражданского мира и постепенного (эволюционного) развития страны. В области социально-экономических отношений предлагалось допустить рыночные «начала» (торговля, денежное обращение, налоговое регулирование, концессии и т. д.), хотя и в ограниченном масштабе и под контролем государства. Такой компромиссный подход был характерен для Н.И. Бухарина не только как для политика, но и как для ученого, о чем свидетельствует его отношение к взглядам М.И. Туган-Барановского (Бухарин 1988: 184).

Вынужденный в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции сначала согласиться с политикой «военного коммунизма», Н.И. Бухарин вскоре выступил против него. «В начале 1920 г. вера Бухарина в “военный коммунизм” начала таять» (Коэн 1988: 133). Справедливо мнение о том, что Н.И. Бухарин «видел в новой экономической политике исторический шанс соединить новые возможности, которые дает социализм обществу, с предпринимательским потенциалом» (Волкогонов 1990: 291).

Проект Н.И. Бухарина вызывал острую критику со стороны его оппонентов. Например, Л.Д. Троцкий обвинил его в пособничестве мелкой буржуазии не только в нашей стране, но и в Китае (Троцкий 1990с: 229). А эволюционный подход Н.И. Бухарина к строительству нового общества он называл «черепашьими шагами» (Троцкий 1990а: 159).

Вместо дальнейшего нагнетания классовой истерии и политической обстановки Н.И. Бухарин, по существу, поставил вопрос о необходимости проведения вслед за *политической* революцией в стране еще и *культурной* и *технической* революции. Он полагал, что процесс развития будет идти тем скорее, «чем скорее восстанавливается воспроизводство в индустрии, чем скорее пролетариат приступает к наиболее глубокой задаче – *технической* революции, которая совершенно меняет консервативные формы хозяйства и дает

мощный толчок к обобществлению...» (Бухарин 1989: 162).

При этом Н.И. Бухарин видел и трудности в осуществлении технической революции, которые он связывал с «физическим уничтожением значительной части элементов производства, деградацией элементов производства, распадом связи между элементами производства и перераспределением производительных сил в сторону непроизводительного потребления» (Бухарин 1989: 130–131).

Замысел осуществления технической революции Н.И. Бухарин связывал с быстрым ростом производительных сил, подъемом благосостояния широких трудящихся масс и быстрым ростом социалистического сектора хозяйства (Бухарин 1932: 218). Далее он конкретизировал и подробно перечислил основные моменты своего проекта (Бухарин 1932: 219–226).

Особое внимание Н.И. Бухарин уделял научно-техническому прогрессу и совершенствованию научной организации труда (Бухарин 1932: 226–227). В этой области он называл одиннадцать основных направлений экономической политики государства (Бухарин 1932: 315–316), что свидетельствует о предметной детализации проекта технической и технологической реконструкции национальной экономики. Постепенно проект Н.И. Бухарина начинает осуществляться. Об этом свидетельствуют не только материалы отдельных партийных съездов, но и многие директивы партии и Советского правительства по хозяйственным вопросам.

Важнейшим критерием развития предприятий в новых условиях становится принцип хозяйственного расчета. В специальном Декрете СНК от 9 августа 1921 г. говорилось, что «предприятия ведутся на началах точного хозяйственного расчета» (Директивы 1957: 256). При этом предлагалось «рассматривать кустарную и мелкую промышленность как подсобную крупной государственной промышленности и крестьянскому хозяйству, признать необходимым создание условий, при которых кустари и ремесленники могли бы свободно распоряжаться продуктами своего труда» (Директивы 1957: 257).

В рамках новой экономической политики происходит расширение прав государственных предприятий в области финансирования и распоряжения материальными ресурсами (Директивы 1957: 264).

Но этот проект вновь вызвал острую критику со стороны Л.Д. Троцкого, который использовал собственные критерии для оценок (Троцкий 1990б: 64). Еще больше возражений вызывал у Троцкого курс на развитие кооперации, в частности, идея о том, что «хозяйственные предприятия

сельскохозяйственной кооперации не подлежат ни национализации, ни муниципализации» (Директивы 1957: 262). А именно так ставился вопрос в совместном декрете ВЦИК и СНК «О сельской кооперации» от 16 августа 1921 г.

Одним из главных вопросов для Н.И. Бухарина был вопрос об отношении пролетариата и партии к крестьянству в целом и к разным его категориям в частности. В этом вопросе Н.И. Бухарин решительно высказывался за развитие широкой кооперации, за сохранение трудовых семейных крестьянских хозяйств, научную теорию которых разработал в начале XX в. известный российский экономист-аграрник А.В. Чаянов (Чаянов 1989).

К 1927 г. в России насчитывалось 65 тыс. различного рода потребительских кооперативов, в которых состояло 9,5 млн крестьянских хозяйств (Милосердов 2010: 30).

Однако Л.Д. Троцкий, а затем И.В. Сталин выступали за ликвидацию семейных крестьянских хозяйств, товариществ и артелей, и весьма «прохладно» относились к идеям развития трудовой и потребительской кооперации. Отстаивая необходимость форсированного перехода к социализму, они еще в годы Гражданской войны, по существу, навязали стране идею ликвидации зажиточного крестьянства – «кулака» – как класса, нейтрализации середняка и активного союза с бедняцкой, пролетарской крестьянской массой.

Выступая за сотрудничество со всеми категориями российского крестьянства, Н.И. Бухарин считал ошибочной политику крестьянского раскола (Бухарин 1989: 260). Возражая против такой «политики», в апреле 1929 г. он публично назвал ее «идиотизмом» (Бухарин 1989: 297). По существу, это был прямой выпад против сталинской идеи об усилении классовой борьбы по мере продвижения советского общества к социализму.

К сожалению, в нашей стране возобладал сталинский сценарий социально-экономического развития страны, который во многих отношениях перекликался с «жестким» сценарием Л.Д. Троцкого и принес нашей стране не только экономические победы, но и огромные человеческие жертвы.

Обсуждение и дискуссии

Вопрос о «рыночном социализме» имеет несколько трактовок. В первой трактовке рыночные механизмы по отношению к социализму рассматриваются как временные. После завершения перехода к коммунизму рыночные механизмы должны исчезнуть (В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Х. Тиктин и др.). Во второй трактовке «рыночный социализм» рассматривается как качественно новый и вполне жизнеспособный механизм сочета-

ния планового управления и рыночного ценообразования (Б. Бруцкус, М. Добб, Э. Дурбин, Л. фон Мизес, О. Ланге, А. Лернер, Ф. Тэйлор и др.). Существуют также критики теории «рыночного социализма» (Ф. фон Хайек, Х. де Сото и др.).

Опыт идеологического и практического противостояния и выбора альтернативных сценариев развития в вопросах построения нового общества имеет довольно долгую историю. Обратимся для иллюстрации этого тезиса к опыту других стран. В Китае, например, власти тоже сначала делали ставку на «мягкий» вариант развития. Политика Гоминьдана до 1927 г. вполне может рассматриваться как такой вариант. Н.И. Бухарин симпатизировал этой политике, за что подвергался ожесточенной критике. Его упрекали в том, что он «продолжает сбивать китайских коммунистов с пути» (Троцкий 1990с: 244).

После прихода коммунистов к власти в Китае возобладал «жесткий» сценарий развития. Но результаты социально-экономической политики Мао Цзэдуна оказались удручающими. Это заставило новых руководителей страны взять на вооружение «мягкий» сценарий развития. В результате политики Дэн Сяопина (нацеленной на формирование многоукладной экономики) в КНР сложилась своеобразная идеология «экономического строительства», которую обычно характеризуют как «одна страна – две экономические системы», или называют «социализмом с китайской спецификой». В целом, этот сценарий развития был основан на следующих принципах:

- начальная стадия социализма рассматривается как основа реформ;
- социалистическая экономика – это плановое товарное хозяйство;
- рыночная экономика допускается в сочетании с государственным регулированием хозяйства;
- признается многообразие форм собственности и хозяйственных укладов при ведущей роли общественной собственности на средства производства;
- ставится задача строительства «социализма с китайской спецификой», с учетом традиций, особенностей и исторического опыта развития страны;
- признается разделение права собственности и права хозяйствования (оперативной хозяйственной деятельности), подрядной и арендной систем;
- соотношение рынка и плана (первоначально, плана и рынка) определяется объективными экономическими законами и объективными интересами развития страны и общества;

– признается необходимость формирования рынка факторов производства (техники, технологий, земли, трудовых и других ресурсов);

– признается необходимость «открытой внешнеэкономической политики» страны (История экономических учений 2004: 685).

Результаты этого «мягкого» сценария развития страны и общества оказались впечатляющими. Объем ВВП Китая в 2013 г. достиг 9,24 триллионов долларов, а в 2017 г. почти сравнялся с ВВП США. Темпы экономического роста также оказались самыми высокими в мире – 10,4% (Ха Джун Чанг 2017: 144–145).

После увлечения политикой «великого скачка» в стране наступила эпоха «мягкого развития». Как когда-то писал древний китайский философ *Лао-цзы*, «великие дела в Поднебесной всегда начинаются с малого: мягкое и слабое побеждает твердое и сильное» (Энциклопедия мудрости 2007: 46).

На последнем съезде КПК в ноябре 1917 г. Си Цзиньпин провозгласил новый стратегический план развития страны до 2050 г. На первом его этапе (до 2025 г.) ставится задача построения «общества полного достатка». На втором этапе (до 2050 г.) – «общества полного благосостояния». В переводе с китайского языка это означает решение главной проблемы «рыночного социализма» – уничтожение бедности и нищеты, ликвидацию огромного разрыва между богатыми и бедными. А это и есть смысл «мягкого» сценария социально-экономического развития, когда благосостояние народа и рыночная экономика не мешают, а взаимно дополняют друг друга.

«Мягкий» сценарий построения рыночной экономики в сочетании с социалистическими принципами сегодня можно наблюдать и в ряде других стран. Так, на Кубе с 2008 г., после прихода к власти Р. Кастро, закончилась старая эпоха, когда магазины существовали для счастливых, действовала карточная система снабжения продуктами питания и т. д. Произошли серьезные изменения, связанные с развитием малого предпринимательства, ростом открытости кубинской экономики, повышением эффективности реализации многих социальных программ (образование, медицина и т. д.). В мае 2016 г. власти официально объявили о легализации предприятий малого и среднего бизнеса. В апреле 2018 г. новым Председателем Госсовета Кубы стал Диас Мигель Канель, который объявил о продолжении политического курса на постепенное развитие «рыночного социализма» в стране. При этом необходимо помнить, что развитие Кубы на протяжении почти полувека происходило в условиях экономической

блокады и различного рода санкций со стороны США.

Другой страной, в которой также изначально был выбран «мягкий» вариант построения «рыночного социализма», стал Вьетнам, где, в соответствии с идеями Хо Ши Мина, в 1954–1965 гг. был осуществлен целый комплекс необходимых реформ. В том числе и наделение 9 млн крестьян землей. Американская агрессия временно сняла с повестки дня осуществление данного сценария. Но после смерти в 1986 г. руководителя страны Ле Зуана к нему вновь вернулись. Вдохновителями «нового курса» стали Нгуен Ван Линь и До Мьюй (1991–1997). Новый курс получил название «до мой» – «обновление». На первом (1991–1995) и втором (1991–2000) этапах вьетнамской «перестройки» были решены многие вопросы построения «рыночного социализма»: проведена земельная реформа, создан государственный сектор в промышленности, национализированы крупнейшие зарубежные компании, упорядочена финансовая система.

В 2011 г. на IX съезде КПВ был объявлен третий этап «политики обновления», суть которого состоит в дальнейшем развитии многоукладного характера экономики, повышении ее конкурентоспособности, преодолении бедности и социально-экономического неравенства.

Стремление к эволюционному развитию характерно и для арабского Востока. Достаточно вспомнить опыт построения «рыночного социализма» в Ливии, где в 1977 г. была принята «Декларация Себхи», и страна стала официально называться «Социалистическая Народная Ливийская Арабская республика». Успехи в осуществлении «мягкого» сценария преобразований оказались самыми впечатляющими на всем Африканском континенте: самая большая численность граждан с полным и средним образованием; самая развитая на материке медицина; самый высокий уровень жизни и индекс рождаемости на континенте. Лидер Ливии (Джамахири) М. Каддафи сформулировал в своей «Зеленой книге» (1976–1979) особую концепцию «рыночного социализма» – «третью всемирную теорию». Ее суть состояла в развитии институтов социального самоуправления, ликвидации наемного труда и крупных частных (капиталистических) предприятий в стране. Однако в результате сговора мировой закулисной олигархии и несанкционированной ООН интервенции против суверенного государства проект построения «рыночного социализма» в Ливии обернулся гражданской войной, длящейся до сих пор.

Тем не менее, о преимуществах «мягкого» сценария социально-экономического развития прекрасно знают и на Западе. Об этом можно су-

доть по экономике скандинавских стран или по австрийской модели экономики. Они обеспечивают населению высокое качество и уровень жизни. Например, в Дании уровень бедности составляет только 6,0%, в Исландии – 6,4 %, в Люксембурге – 7,2%, в Финляндии – 7,3% (Ха Джун Чанг 2017: 225).

Закономерным представляется вопрос о том, можно ли было завершить «мягкий» сценарий социально-экономического развития в нашей стране, предложенный Н.И. Бухариным? Могло ли наше общество избежать ужасов Гражданской войны (1918–1921), политических репрессий и столь же «мягко» строить рыночную экономику, как это делается сейчас в других странах? Исключать такого варианта событий нельзя. При определенных условиях построение рыночной экономики по «мягкому» сценарию в нашей стране было бы вполне возможным. Но, к сожалению, история не знает сослагательного наклонения.

Выводы

Идея эволюционного, поэтапного и мирного построения «рыночного социализма», предложенная Н.И. Бухариным, остается актуальной и сейчас. Особенно в контексте анализа проблем конвергенции капитализма и социализма. Вполне возможно, что в новых исторических условиях появятся и новые альтернативы в области социально-экономического развития России. Строго в рамках известной концепции «Вызов – Ответ» (Тойнби 1996: 89–118).

В связи с этим, во-первых, представляется необходимым серьезное переосмысление взглядов Н.И. Бухарина по многим социально-экономическим вопросам (Цакунов 1989: 187). Во-вторых, необходимо переосмысление исторического опыта реализации «мягкого» сценария развития в разных странах; в-третьих – дальнейшая корректировка экономической и социальной политики российского государства для построения эффективной и социально ориентированной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бухарин Н.И. 1932. Этюды. М.; Л.: Госуд. техн.-теоретич. изд-во.
- Бухарин Н.И. 1988. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. М.: Орбита.
- Бухарин Н.И. 1989. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат.
- Волкогонов Д.А. 1990. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина: В 2 т. Барнаул: Алтай. кн. изд-во.
- Гинзбург А.М. 1991. Предисловие к сборнику «Законодательство о трестах и синдикатах» // НЭП и хозяйственный расчет: Сборник статей. М.: Экономика, 134–197.
- Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов. 1957. Т. 1. М.: Политиздат.
- История политической экономии капитализма. Очерки. 1989. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- История политической экономии социализма. 1983 / Трифонов Д.К., Широкоград Л.Д. (отв. ред.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.
- История экономических учений. 2004 / Худокормов А.Г. (отв. ред.). М.: ИНФРА-М.
- Кактынь А.М. 1989. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный центр // Об едином хозяйственном плане (Работы 1920–1921 годов): Сборник статей / Анчишкин А.И. (отв. ред.). М.: Экономика, 96–131.
- Кондратьев Н.Д. 1989. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Сборник статей. Л.: Лениздат, 95–165.
- Коэн С. 1988. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М.: Прогресс.
- Малафеев А.Н. 1964. История ценообразования в СССР. 1917–1963 гг. М.: Мысль.
- Маневич В.Е. 1986. Развитие теории планового ценообразования в советской экономической литературе. М.: Наука.
- Маневич В.Е. 1989. Экономические дискуссии 20-х годов. М.: Экономика.
- Милосердов В.В. 2010. Многострадальная судьба российского крестьянства. М.: Колос.
- Перламутров В.Л. 2007. Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России. М.: Экономика.
- Стожко Д.К., Стожко К.П. 2014. История социально-экономической мысли России: XX век. Екатеринбург: УрГЭУ; ИД «Стягъ».
- Струмилин С.Г. 1989. К теории планирования // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Сборник статей. Л.: Лениздат, 54–77.
- Тойнби А. 1996. Постигание истории. М.: Прогресс.
- Троцкий Л.Д. 1990а. Тезисы // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1. М.: Терра, 159–161.

Троцкий Л.Д. 1990b. Три критерия // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 2. М.: Terra, 64.

Троцкий Л.Д. 1990c. Новый этап китайской революции: от Чан Кайши к Ван Тинвю // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 3. М.: Terra, 223–248.

Троцкий Л.Д. 1990d. К истории русской революции. М.: Политиздат.

Троцкий Л.Д. 1991. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама.

Ха Джун Чанг. 2017. Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фарбер.

Цакунов С.В. 1989. Формирование взглядов Н.И. Бухарина на экономику переходного периода // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: Экономика, 186–204.

Чаянов А.В. 1989. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика.

Энциклопедия мудрости. 2007. М.: РОСССА.

Ясперс К. 1994. Смысл и назначение истории. М.: Республика.

REFERENCES

Buharin N.I. Jetjudy [Etudes]. Moscow; Leningrad: Gosud. tekhn.-teoretich. izd-vo, 1932. (In Russian).

Buharin N.I. Politicheskaja jekonomija rant'e. Teorija cennosti i pribyli avstrijskoj shkoly [Political economy of rentiers. Austrian school theory of value and profit]. Moscow: Orbita, 1988. (In Russian).

Buharin N.I. Problemy teorii i praktiki socializma [The problems of theory and practice of socialism]. Moscow: Politizdat, 1989. (In Russian).

Volkgonov D.A. Triumf i tragedija. Politicheskij portret I. V. Stalina. V 2-h t [Triumph and tragedy. Political portrait of J.V. Stalin: in 2 volumes]. Barnaul: Altaj. kn. izd-vo, 1990. (In Russian).

Ginzburg A.M. In: NEHP i hozraschet [NEP and cost accounting]. Moscow: Jekonomika, 1991, pp. 134–197. (In Russian)

Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam. Sbornik dokumentov. Vol. 1. [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues. Collection of documents]. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1957. (In Russian).

Istorija politicheskoi jekonomii kapitalizma. Oчерki [History of the political economy of capitalism. Essays.]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1989. (In Russian).

Istorija politicheskoi jekonomii socializma [History of the political economy of socialism] / Trifonov D.K., Shirokorad L.D. (ed.). Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1983. (In Russian).

Istorija jekonomicheskikh uchenij [History of economic doctrines] / Hudokormov A.G. (ed.). Moscow: INFRA-M, 2004. (In Russian).

Kaktyn' A.M. In: Ob edinom hozjajstvennom plane [On a single business plan (Works of 1920–1921)] / Anchishkin A.I. (ed.). Moscow: Jekonomika, 1989, pp. 96–131. (In Russian).

Kondrat'ev N.D. In: Kakim byt' planu: diskussii 20-h godov [What a plan should be: debates of the 1920s: Collection of articles]. Leningrad: Lenizdat, 1989, pp. 95–165. (In Russian)

Cohen S. Buharin. Politicheskaja biografija. 1888–1938 [Bukharin. Political biography. 1888–1938]. Moscow: Progress, 1988. (In Russian).

Malafeev A.N. Istorija cenoobrazovaniya v SSSR 1917–1963 gg. [History of pricing in the USSR. 1917–1963]. Moscow: Mysl', 1964. (In Russian).

Manevich V.E. Razvitie teorii planovogo cenoobrazovaniya v sovetskoj jekonomicheskoi literature [Development of the theory of planned pricing in Soviet economic literature]. Moscow: Nauka, 1986. (In Russian).

Manevich V.E. Jekonomicheskie diskussii 20-h godov [Economic debates of the 1920th]. Moscow: Jekonomika, 1989. (In Russian).

Miloserdov V.V. Mnogostradal'naja sud'ba rossijskogo krest'janstva [The long-suffering fate of the Russian peasantry]. Moscow: Kolos, 2010. (In Russian).

Perlamutrov V.L. Finansovo-denezhnaja politika i rynochnye reformy v Rossii [Financial and monetary policy and market reforms in Russia]. Moscow: Jekonomika, 2007. (In Russian).

Stozhko D.K., Stozhko K.P. Istorija social'no-jekonomicheskoi mysli Rossii: XX vek [The history of socio-economic thought in Russia: 20th century]. Ekaterinburg: UrGJeU; ID “Stjag”, 2014. (In Russian).

Strumilin S.G. In: Kakim byt' planu: diskussii 20-h godov [What a plan should be: debates of the 1920s]. Leningrad: Lenizdat, 1989, pp. 54–77. (In Russian).

Toynbee A. Postizhenie istorii [A Study of History]. Moscow: Progress, 1996. (In Russian).

Trotsky L.D. K istorii russkoj revoljucii [To the history of the Russian revolution]. Moscow: Politizdat, 1990. (In Russian).

Trotsky L.D. In: Arhiv Trotskogo. Kommunisticheskaja oppozicija v SSSR. 1923–1927 [Trotsky's archive. Communist opposition in the USSR. 1923–1927]. Vol. 3. Moscow: Terra, 1990, pp. 223–248. (In Russian).

Trotsky L.D. In: Arhiv Trotskogo. Kommunisticheskaja oppozicija v SSSR. 1923–1927 [Trotsky's archive. Communist opposition in the USSR. 1923–1927]. Vol. 1. Moscow: Terra, 1990, pp. 159–161. (In Russian).

Trotsky L.D. Moja zhizn'. Opyt avtobiografii [My Life: An Attempt at an Autobiography]. Moscow: Panorama, 1991. (In Russian).

Trotsky L.D. In: Arhiv Trotskogo. Kommunisticheskaja oppozitsija v SSSR. 1923–1927 [Trotsky's archive. Communist opposition in the USSR. 1923–1927]. Vol. 2. Moscow: Terra, 1990, pp. 64. (In Russian).

Ha-Joon Chang Kak ustroena jekonomika [Economics: The user's guide.]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber, 2017. (In Russian).

Cakunov S.V. In: Istoki: Voprosy istorii narodnogo hozjajstva i jekonomicheskoy mysli [The Origins: Issues of the history of the national economy and economic thought]. Moscow: Jekonomika, Iss. 2, 1989. P. 186–204. (In Russian).

Chajanov A.V. Krest'janskoe hozjajstvo. Izbrannye trudy [Peasant farming. Selected Works]. Moscow: Ekonomika, 1989. (In Russian).

Enciklopediya mudrosti [Encyclopedia of Wisdom]. Moscow: ROOSSA, 2007. (In Russian).

Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The meaning and purpose of history]. Moscow: Respublika, 1994. (In Russian).

D.K. Stozhko, K.P. Stozhko
Ekaterinburg, Russia

ON THE CONSTRUCTION OF MARKET ECONOMY IN RUSSIA (To the 130th Anniversary of the Birth of N.I. Bukharin)

Abstract. The purpose of the study is to identify and analyse alternative scenarios of the socio-economic development in the history of Russia, one of which was N.I. Bukharin's project to build a market economy. In the context of the ongoing for many years debate about the possibility of building "market socialism" in our country, the authors compared the revolutionary and evolutionary approaches to the building of market economy. Arising just by the beginning of the 20th century the "soft" development scenario by N.I. Bukharin and the "tough" scenario of socialism building by L.D. Trotsky were two fundamentally different political and economic approaches to the question of the country's fate and its future. The article identifies the strengths and weaknesses of both scenarios in the context of the time, taking into account the socio-economic and socio-political situation of those years. What is also highlighted is N.I. Bukharin's complex and strategic approach to the issues of building market socialism, planned management of the national economy and the development of various forms of ownership (labor, cooperative, etc.) while maintaining the leading role of the state's ownership of productive assets. The study resulted in the historical-retrospective reconstruction of the scenario based on scientific works by N.I. Bukharin and his speeches. This scenario included the implementation of technical and cultural revolution, the development of entrepreneurship, cooperation, trade and other forms of market economy, the vivid evidence of which was the "new economic policy" (1921–1929). The article assesses possible consequences for Russia if this project had been completed and gives examples of the implementation of evolutionary scenarios, most related to the project by N.I. Bukharin, for the building of socially oriented market economy in other countries

Key words: ideology; technical revolution; Cultural Revolution; «military communism»; «new economic policy».

About the authors: Dmitriy Konstantinovich Stozhko¹, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of History and Philosophy; Konstantin Petrovich Stozhko², Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Economics and Organization of Enterprises.

Place of employment: ¹Ural State Economic University; ²Ural State Agrarian University.

Стожко Д.К., Стожко К.П. К вопросу о построении рыночной экономики в России: исторические альтернативы (к 130-летию со дня рождения Н.И. Бухарина) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 41–48.

Stozhko D.K., Stozhko K.P. On the Construction of Market Economy in Russia (to the 130th anniversary of the birth of N.I. Bukharin) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 41–48.

УЧАСТИЕ ИЗВЕСТНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РАБОТЕ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Аннотация. В статье с точки зрения актуализации человеческого фактора и роли личности в истории рассматриваются условия, особенности и некоторые результаты участия выдающихся россиян в жизни земского самоуправления России второй половины XIX – начала XX вв. На основе анализа различных видов исторических документов устанавливается степень личного участия в работе земств ряда выдающихся людей (проявивших себя до, после или во время работы в земстве) в области науки и культуры, чьи имена прославили Россию.

Основным методологическим подходом в настоящем исследовании явился мультидисциплинарный подход, позволивший с позиций различных гуманитарных наук в целом и ряда исторических дисциплин в частности решить поставленные цели и задачи. В статье анализируются особенности, условия, периоды задействования отдельных представителей русской науки и культуры в земской жизни России второй половины XIX – начала XX вв., что позволяет еще раз обратиться к истории земского самоуправления сквозь призму участия в нем известных личностей, актуализировав тем самым интерес к истории местного самоуправления.

В статье приводятся сведения об участии в земской деятельности ученых в области естествознания и медицины, выдающихся деятелей литературы, драматургии, оперного искусства.

Ключевые слова: земство; земское самоуправление; земская управа; земское собрание; земский деятель; земский гласный; земский служащий; писатель; ученый; врач; медицина; образование.

Сведения об авторе: Мария Викторовна Угрюмова, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56, тел.: (3466)273510, e-mail: mugruymova@mail.ru.

В исторической науке не ставится под сомнение утверждение, согласно которому историю делают именно люди, однако исследователи часто спорят, какова эта самая роль выдающихся личностей в истории человечества, в истории отдельных событий и явлений. О роли личности в истории в своих трудах в разное время неоднократно размышляли и спорили зарубежные и отечественные исследователи, среди которых, например, С. Хук (Hook 1955), Л. Фон Мизес (Мизес 2001), Г.В. Плеханов (Плеханов 1956), Л.Е. Гринин (Гринин 2008). Нельзя не согласиться с мнением Л.Е. Гринина о том, что «...невозможно не замечать, что роль личности обусловлена общественным устройством, а также особенностью ситуации; игнорировать, что в одни периоды (нередко длительные) – мало выдающихся людей, в другие (часто весьма короткие) – целые когорты...» (Гринин 2008: 42).

Целая когорта выдающихся людей России участвовала в деятельности земского самоуправления второй половины XIX – начала XX вв.; одни лишь прикоснулись к работе в земстве, другим же удалось поучаствовать в развитии ряда направлений земской жизни, а со временем и стать частью земской истории. Бесспорно, что в земствах, в качестве служащих, трудились тысячи са-

мых простых людей, специалистов, тружеников, знатоков своего дела. Земские врачи и учителя, агрономы и инженеры, архивариусы и библиотекари, статисты и бухгалтеры. Большинство из них явились подлинной демократической национальной интеллигенцией, сумевшей создать необходимые условия для развития науки и культуры в самых разных уголках огромной страны. Среди земцев работали и великие люди России, чьи имена прославили русскую науку и культуру. Рассматривая российские земства с позиции участия в них известных людей, не остается сомнений, что более чем полуторавековая история земских учреждений становится еще богаче и привлекательнее для исследователей и потомков.

В конце XIX – начале XX вв. научные организации, включенные в особые национальные или региональные научно-исследовательские проекты, нередко обращались за поддержкой к земской администрации. Немалую помощь и поддержку от земств получили научные направления, так или иначе связанные с естественнонаучным знанием, медициной, сельским хозяйством и промышленностью.

Активное участие в деятельности российских земств приняли ведущие ученые естественных и медицинских наук. Одним из известных земских

деятели среди отечественных ученых стал ученый-естествоиспытатель **Владимир Иванович Вернадский** (1863–1945). Кроме изучения биосферы Земли и прочих научных обобщений в области естествознания В.И. Вернадский занимался общественно-политической деятельностью и местными делами и нуждами, которые были тесно связаны, прежде всего, с Тамбовской губернией, где располагалось имение Вернадовка, которое ученый посещал каждое лето с 1886 по 1910 гг. Вернадский дважды становился гласным Тамбовского земства в периоды с 1892 по 1907 гг. и с 1910 по 1913 гг.

В.И. Вернадскому как губернскому земскому гласному уделено внимание в трудах И.Н. Тетюхина, утверждающего, что «общественная деятельность В.И. Вернадского не осталась незамеченной наиболее активной социальной группой дворян, известной в столичных властных сферах, которая традиционно задавала тон в экономической и политической жизни тамбовского общества, будучи наиболее состоятельной и образованной его частью» (Тетюхин 2010; Тетюхин 2013: 107). М.И. Дробжев в свою очередь также приходит к заключению, что Вернадский, как земский деятель, «познал основы земской уездной и губернской работы, приобрел опыт политического и государственного деятеля. Хорошо познал нужды и бедственное положение крестьянства» (Дробжев 2012: 359).

В 1892 г. ученый, имея необходимое количество земли, обладал помещичьим цензом для избрания в земство, ему удалось быть одновременно избранным гласным Моршанского уездного и Тамбовского губернского земских собраний. Основными направлениями деятельности Вернадского стали вопросы народного образования, которые обязывали его к участию в комиссиях по школам, выступлению по вопросам образования на земских собраниях. Занимая активную гражданскую позицию, В.И. Вернадский создал комитет помощи крестьянам, участвуя таким образом в борьбе с голодом, имевшим место в Тамбовском крае в конце XIX – начале XX вв. Ученый способствовал открытию на тамбовщине 121 столовой (на 50-55 человек каждая), где ежедневно могли питаться более шести тысяч человек, в том числе было организовано одиннадцать столовых для маленьких детей (ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–3; ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2; ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 9. Л. 1; ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–4; ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2; ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–6; ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–43).

В том же 1892 г. Моршанское уездное земское собрание избрало В.И. Вернадского почетным мировым судьей (Журналы 1893), в должности которого он состоял шесть лет (Тетюхин 2010). В.И. Вернадский всячески способствовал созданию и сохранению земских школ и больниц, открытию земских библиотек, посвятив себя земскому служению сознательно, исходя из чувства личной ответственности за судьбу родного края, считая, что принципы земского самоуправления должны стать основой развития российской государственной жизни на местах. Позднее, по вопросу сохранности земских школ, 11 декабря 1910 г. в своем дневнике он написал фразу: «Я помню, как еще недавно 80-90 школ в Моршанском уезде казались чем-то большим, сейчас их 120 и будет скоро 300!» (Страницы 1981: 100).

Не оставались без внимания Вернадского и земские дороги, в 1903 г. при его участии земство приняло решение о строительстве дороги с твердым покрытием от Пичаево до Вернадовки, где за собственный счет ученого был построен мост через реку Красная.

В начале XX в. В.И. Вернадский входил в Бюро земских гласных, осуществлявших подготовку и организацию земских съездов. В ноябре 1904 г. как делегат от Тамбовского губернского земства он участвовал в работе Второго общероссийского земского съезда в Петербурге, а в июле 1905 г. – в работе съезда земских гласных в Москве.

Российскому земству выпала огромная честь: в его деятельности значимую роль сыграл выдающийся учёный, общественный и гуманитарный деятель, гуманист, человек с великой душой, живший в соответствии с убеждением, «... что условия, позволяющие научную деятельность, могут быть уничтожены и что все, что делается в государстве и обществе, так или иначе на тебя ложится. И приходишь к необходимости быть деятелем в этом государстве или обществе, стараться, чтобы оно шло к твоему идеалу, чтобы как ты, так и другие после тебя, достигали наибольшего счастья» (запись в дневнике от 14 мая 1884 г.) (Из дневников 1967: 101).

Ряду земств России посчастливилось принять в свой штат плеяду замечательных отечественных ученых-врачей – будущих известных ученых. В должности земских врачей начинали свою деятельность будущие профессора и доктора, светила медицины: П.П. Кашенко, Ф.Ф. Эрисман, Н.А. Семашко, Н.Н. Бурденко и др. Общим вопросам непосредственного участия в земской деятельности ученых в области медицинских наук посвящены работы М.Ю. Черниченко (Черниченко 2015), П.М. Богопольского (Богопольский 2015). Деятельность отдельных земских врачей-

ученых освещают публикации современных исследователей. Так, в трудах В.А. Базанова (Базанов 1966), Б.Д. Петрова (Петров 1970), В.А. Волкова, М.В. Куликовой (Волкова, Куликова 2003), Е.Н. Беляева, Л.Г. Подуновой, Н.Б. Коростелева (Подунова, Коростелев 2007) и других авторов рассматриваются вопросы деятельности основателя российской гигиенической школы, санитарного врача Московского земства **Ф.Ф. Эрисмана**. В трудах А.Г. Гериша (Гериш 1980), О.В. Лиманкина (Лиманкин 2004; Лиманкин 2009) особое внимание уделено земской деятельности известного русского психиатра, директора Нижегородской психиатрической земской лечебницы **П.П. Кащенко**. О **Н.А. Семашко**, трудившемся в 1904–1905 гг. в должности земского врача в Нижнем Новгороде, писали М.Б. Мирский (Мирский 1974; Мирский 1995), И.Г. Лаврова (Лаврова 1974). Хирургу Пензенской земской больницы **Н.Н. Бурденко** посвящены статьи С.В. Тарасенко, А.А. Натальского, Д.С. Озерова, О.В. Зайцева, О.Д. Пескова, А.Ю. Богомолова, В.П. Кочукова (Тарасенко и др. 2016), С.М. Багдасарьяна (Багдасарьян 1967) и прочих исследователей. Более того, по вопросам истории земской медицины и участия земских врачей-ученых в деятельности земств имеются историографические труды, среди которых выделяется статья В.В. Назарова (Назаров 2007).

Знаменитый русский врач-психиатр, земский деятель, автор статей по психиатрии и организации психиатрической помощи населению **Петр Петрович Кащенко** (1858–1920) с 1889 г. являлся заведующим психиатрического отделения Нижегородской земской больницы; в 1889–1904 гг. занимал должность директора Нижегородской психиатрической земской лечебницы, занимался не только лечением пациентов, но и строительством психиатрической больницы-колонии в селе Ляхово (Первый отчет 1901). Первые корпуса психиатрической больницы-колонии «Ляхово» были открыты в 1901 г. после изучения Кащенко вопроса обустройства подобных учреждения в Западной Европе (Кащенко 1900). П.П. Кащенко лично подбирал врачей для психиатрической больницы, изучая письма-прошения о принятии на работу, характеристики, документы об образовании (ГКУ ЦАНО. Ф. 1982. Оп. 754. Д. 1. Л. 3–6 об.). К моменту переезда в Москву в 1904 г. он оставил после себя в Нижнем Новгороде одну из лучших земских психиатрических организаций России. В 1909 г. П.П. Кащенко уже при Петербургском губернском земстве открыл Сиворицкую психиатрическую больницу, где были сооружены: электростанция, паровое и водяное отопление от собственной котельной, водоснабжение и канализация, вентиляция, телефонная

станция с междугородной связью, оранжереи, теплицы, огороды, фруктовый сад, конюшня и скотный двор, мастерские, спортивные сооружения, качели, закрытые купальни на берегу озера и др. (Кащенко 1912).

Профессор медицинского факультета Императорского Московского университета, выдающийся гигиенист и общественный деятель **Федор Федорович Эрисман** (Фридрих Гульдрейх Эрисман) (1842–1915) долгое время активно работал в Московском губернском земстве. С именем Эрисмана связана организация земско-фабричной медицины (Сборник 1877–1902) и земско-санитарного надзора за промышленными заведениями Подмосковья (Сборник 1890, 1893). Иван Михайлович Сеченов в своих автобиографических записках отметил вклад Эрисмана в земскую медицину, утверждая, что он «сделал столько, что в среде земских медиков имя его ставится, по заслугам, рядом с именем С.П. Боткина, и ставится справедливо. Нас, знавших Эрисмана со времени его приезда в Россию, всего более поражало в нем то, что он из швейцарца превратился в русского, искренне любил Россию и отдал все лучшие года своей жизни на служение ей» (Автобиографические записки 1945: 174).

Будущий советский государственный и политический деятель, один из организаторов системы здравоохранения в Советском Союзе **Николай Александрович Семашко** (1874–1949) тоже трудился в должности земского врача. В 1891 г., после окончания Елецкой мужской гимназии, поступил на медицинский факультет Московского университета, где со временем стал членом марксистского кружка. В 1895 г. за участие в революционном движении был арестован и сослан в родное село Ливанское Орловской губернии. В 1901 г. после окончания медицинского факультета Казанского университета работал врачом в Орловской и Самарской губернии. В 1904 г. во избежание очередного ареста за ведение революционной пропаганды Н.А. Семашко переехал в Нижний Новгород, где устроился на должность санитарного врача медико-санитарного бюро Нижегородского губернского земства, продолжая при этом вести политическую пропаганду. Семашко практиковал и одновременно преподавал на организованных земством курсах для санитаров, проводил исследования о распространении инфекционных заболеваний среди рабочих-кожевенников в селе Богородском Горбатовского уезда Нижегородской губернии. В январе 1905 г. был командирован в село Панино того же уезда для борьбы с эпидемией скарлатины, лично работал в приемном покое, проводил противоэпидемические мероприятия, оказывал медицинскую помощь, принимал роды (Осипов 1974); трудился

в лечебно-продовольственных пунктах Нижегородского земства (Нижегородская земская газета 1905).

Работая земским врачом, Н.А. Семашко приобрел богатый врачебный практический опыт, одновременно пропагандируя свои знания. Так, в 1904 г. в журнале «Сведения медико-санитарного бюро Нижегородского губернского земства» была опубликована статья земского врача Семашко о распространении инфекционной заболеваемости в селе Богородском Горбатовского уезда в 1900–1903 гг. (Семашко 1904). В 1905 г. в этом же журнале вышли еще две исследовательские публикации («Санитарное описание села Панино Горбатовского уезда», «Краткий очерк деятельности лечебно-продовольственных пунктов летом 1905 года»). Труды Семашко были изданы в 20-е гг. XX в. Н.А. Семашко, оценив опыт земской медицины и применив от него все лучшее и полезное, использовал его уже на руководящих должностях советского здравоохранения (Осипов 1995: 92). Основываясь на опыте земской медицины, Н.А. Семашко на всей территории страны развил участковый принцип, отличительной особенностью которого стали общедоступность, бесплатность, квалифицированная медицинская помощь и разветвленная сеть медицинских учреждений (включая амбулатории, поликлиники, больницы) (Решетников, Несвижский, Касимовская 2014).

Николай Нилович Бурденко (1876–1946) – российский и советский хирург, организатор советского здравоохранения в области нейрохирургии, главный хирург Красной Армии (1937–1946 гг.), первый президент Академии медицинских наук СССР – тоже имел опыт трудовой деятельности в земстве.

До 1885 г. Николай Бурденко учился в Каменской земской школе Пензенской губернии, затем последовала учеба в духовных учебных заведениях. Окончив Пензенскую духовную семинарию, Бурденко сдал вступительные экзамены в Петербургскую духовную академию. В 1897 г. поступил на медицинский факультет Томского университета, где увлекся анатомией, и к началу третьего курса был назначен помощником профессора. Помимо работы в анатомическом театре он занимался оперативной хирургией. В 1899 г. Бурденко был исключен из Томского университета за участие в первой томской забастовке студентов, но после подачи прошения о восстановлении вернулся в университет. В 1901 г. его имя вновь появилось в списке забастовщиков, и Бурденко вынужден был покинуть Томск и перевестись на четвертый курс медицинского факультета Юрьевского университета (ныне университет в городе Тарту, Эстония).

Занимаясь медицинскими науками, Бурденко не прекратил участия в студенческом политическом движении, по причине чего ему пришлось прервать занятия в университете. В то же время по приглашению Херсонского земства он отправился для лечения эпидемии сыпного тифа и острых детских заболеваний, где приобщился к практической хирургии. Проведя почти год в колонии для больных туберкулезом детей, благодаря помощи профессоров Бурденко вернулся в университет и с отличием его закончил в 1906 г. С 1907 г. Бурденко работал хирургом в Пензенской земской больнице, одновременно занимаясь научной деятельностью, написанием и защитой в 1909 г. докторской диссертации по вопросу последствий перевязки «*Venae Portae*», предварительно опубликовав еще пять научных работ.

В должности земских врачей будущие великие светила отечественной медицины оказывались по разным причинам (для одних это была жизненная установка; для других – обстоятельства, ограниченные революционной ссылкой), но и те, и другие сохранили интерес к земской медицине и участие в ней в последующем, имея уже ученые степени докторов наук.

Участие в земстве не менее выдающихся людей России, ярких представителей отечественной драматургии и литературы, посвящены труды М.Е. Стеклова (Стеклов 1981; Стеклов 2001), Т.К. Пастернак (Пастернак 2014) (об участии в земстве М.А. Булгакова), О.Н. Михайлова (Михайлов 1987) (о земской деятельности И.А. Бунина), положившие начало исследовательскому интересу в вопросе участия великих россиян в земском деле, прогрессивном для своего времени и давшем толчок для развития отечественного здравоохранения, образования и культуры. Особенности сохранности и использования документального наследия в части вопросов участия в земской деятельности великих деятелей искусства отражены в исследовании М.В. Угрюмовой (Угрюмова 2014).

Обстоятельства складывались так, что в различные жизненные периоды на службе в земстве оказывались представители драматургии и литературы. К земству имели непосредственное отношение драматург А.Н. Островский, писатели А.П. Чехов, И.А. Бунин, М.А. Булгаков, М.М. Пришвин и многие другие.

С именем **Александра Николаевича Островского** (1823–1866) связана не только русская драматургия и важнейший этап развития русского национального театра, но и история одного из прогрессивных уездных земств своего времени – Кинешемского.

А.Н. Островский был активным земским деятелем, отказавшись ради работы в земстве от

должности предводителя дворянства, после чего он дважды единогласно избирался закрытой баллотировкой в гласные Кинешемского уездного земского собрания (в 1874 и 1877 гг.) (Систематический свод 1886: 32), в рамках которого он старался не пропускать заседания, тем более если в это время находился на территории Костромской губернии. Свое костромское имение Щельково, находящееся в Междуречье волжских притоков Кистеги и Нодоги на реке Кукше, Островский посещал ежегодно и жил здесь месяцами.

Островский, как и сотни гласных по стране, занимался вопросами крестьянства, сельского хозяйства, благоустройства сел, строительства дорог и мостов, школ и больниц. Так, например, в 1876 г. в связи с обострением вопроса состояния и содержания переправ через Волгу, Кинешемское земское собрание постановило: «просить гласного А.Н. Островского, как постоянно живущего в столицах, предъявить, где следует, перед высшим правительством свое ходатайство о скорейшем разрешении настоящего вопроса, так как всякая оттяжка его легла бы на население уезда значительной тяжестью» (Систематический свод 1886: 231).

Для решения таких вопросов Островскому часто приходилось прибегать к поддержке своего влиятельного в государственных кругах брата Михаила Николаевича Островского, который, например, лично через министра внутренних дел помог решить вопрос о перевозе через Волгу в пользу земства с перераспределением обязанностей и доходов между городом и земством (ФГБУК ГЦТМ. Письмо М.Н. Островского А.Н. Островскому от 21 сентября 1876 г.).

Как и многие другие земские гласные, ставшие позднее известными людьми в мире искусства и литературы, Островский жертвовал денежные средства на строительство и содержание земских школ и лечебниц. Так, например, в 1883 г. как попечитель Панарьинской школы Александр Николаевич пожертвовал на ее достройку дополнительно 516 рублей (Систематический свод 1886: 67). Позднее на деньги Петербургского клуба художников и А.Н. Островского Кинешемская земская управа приобрела в селе Панарьино участок земли и выстроила там новое здание народного училища.

Ярчайшим представителем земской интеллигенции стал великий русский писатель **Антон Павлович Чехов** (1860–1904), уже со студенческих лет (с 1881 г.) трудившийся у доктора П.А. Архангельского в Чикинской земской лечебнице Звенигородского уезда Московской губернии.

В 1892 г. Чехов взвалил на себя тяжелую ношу земского «холерного» (Шевченко и др.

2010: 143) участкового врача Серпуховского земства, работая с пяти утра на участке, включавшем двадцать шесть деревень, которые объезжал лично. В своем медицинском отчете по временному Мелиховскому участку за 1893 г. А.П. Чехов писал: «Открытие в отчетном году временного Мелиховского участка было вызвано теми же сообщениями, что и в прошлом 1892 г., то есть имела в виду главным образом возможность холерной эпидемии. В состав участка опять вошло 19 селений Бавыкинской вол., 7 – Семеновской и 2 – Вельяминовской (см. «Доклад Серпуховского уездного земского санитарного совета уездному Собранию». 1892. С. 48). Амбулатория находилась в усадьбе врача при селе Мелихове, а медикаменты и дезинфекционные средства, как и раньше, были получаемы от уездного земства. Разницы во внешней организации участка сравнительно с прошлым годом не было никакой, если не считать, впрочем, перемены, касавшейся фельдшера, расходы по найму которого в истекшем году приняло на себя Губернское земство, назначив ему жалованье по 40 р. в месяц...» (Чехов 1979: 361–362).

Коллега А.П. Чехова земский доктор П.И. Куркин отмечал, что «А.П. Чехов стал, так сказать, под ружье..., принял на себя надзор за здоровьем населения этой местности и нес обязанности мелиховского земского врача в течение 2 лет – 1892 и 1893, пока не миновала опасность... Антон Павлович делается обязательным членом уездного санитарного совета и посещает с полной аккуратностью все его заседания в г. Серпухове и в земских лечебницах уезда» (ФКУ РГАЛИ. Ф. 549. Оп. 2. Д. 37).

Чехов активно участвовал в жизни серпуховского земства, решая просьбы и ходатайства местных крестьян, им на собственные средства были выстроены школы в Новосёлках, Талеже и Мелихове. В октябре 1896 г. Серпуховское земское уездное собрание выразило А.П. Чехову глубокую благодарность за «теплое отношение к делу народного образования в уезде» (Головачева 2008: 59).

Земскую службу в начале 90-х гг. XIX в. проходил **Иван Алексеевич Бунин** (1870–1953) – всемирно известный писатель, лауреат Нобелевской премии. Бунин некоторое время служил в Полтавской земской управе, где кроме прочих должностей занимал должность библиотекаря губернского земства (1892–1894 гг.) (Муромцева-Бунина 1958), а позднее статиста. В Полтавском земстве статистическое бюро возглавлял старший брат Бунина – Юлий Алексеевич Бунин, поспособствовавший устройству будущего писателя на работу первоначально на временных условиях в

свое подразделение весной 1892 г. (Третий элемент 1914: 17).

Бунин зачастую писал письма своим знакомым на бланках земской управы либо просил присылать ему ответы на адрес места работы брата – Статистического бюро губернского земства в Полтаве (см., например, письмо И.А. Бунина в редакцию 15 сентября 1895 г. (Русские ведомости 1895: 3); письмо И.А. Бунина С.Н. Кривенко 27 октября 1895 г. (ФКУ РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 54. Л. 2), подстраховываясь по причине частой смены жительства).

Оба Бунина с большим интересом посещали земские собрания. Младший Бунин готовил для газет «Киевлянин», «Харьковский Вестник» заметки, где нашли место материалы о земцах, небольшие отчеты о проведении земских собраний, туда же он направлял корреспонденцию о текущих земских делах (о борьбе с насекомыми, об урожаях свекловицы, о производстве молока и заготовке кормов). В периоды подготовки к земским собраниям Бунина, как земскому библиотекарю, приходилось выдавать членам управы, статистикам, земским гласным разные отчеты, доклады земской управы, журналы земских собраний, «Сборники» и «Вестники». Жена И.А. Бунина Вера Николаевна Муромцева-Бунина оставила запись: «Перед самыми земскими собраниями младшего Бунина засадили за сложную статистическую выкладку, за которую он получил, работая почти круглые сутки, 200 рублей, сумму для него в то время большую. Кроме того, он уже стал постоянным сотрудником в “Киевлянине”. Он считал, что за жизнь в Полтаве у него набралось бы статей по статистическим вопросам тома на три, а может быть, и больше, как я уже писала» (Муромцева-Бунина 2007: 82).

Наставником Бунина по вопросам земской работы какое-то время был архивариус, знавший свое дело наизусть, образ которого был введен писателем в «Святочном рассказе» (первоначальное название «Архивного дела») в лице Фисуна (Русское слово 1914).

Среди великих российских имен есть и те, кто к земству приобщился совсем на непродолжительный период, но и такие факты сегодня представляют особый интерес. Так, например, некоторое время в земстве трудился еще один известный русский писатель, автор произведений о природе **Михаил Михайлович Пришвин** (1873–1954). В период 1902–1904 гг. после окончания Лейпцигского университета М.М. Пришвин работал в Клинском уездном земстве в должности агронома (село Луга), заведовал земским сельскохозяйственным складом в Клину (Личное дело 2005: 32–34). Первые книги Пришвина были именно по агрономии (см., например, «Картофель

в полевой и огородной культуре»). Стоит отметить, что старший брат писателя Александр Михайлович Пришвин работал земским врачом в селе Галкино (Галкинском участке) Медынского уезда Калужской губернии (ГКУКО ГАКО. Ф. 62. Оп. 22. Д. 4180. Л. 32).

С земством было связано имя писателя **Михаила Афанасьевича Булгакова** (1891–1940). В сентябре 1916 г. состоялась назначение молодого врача на работу в должности заведующего Третьего Никольского земского врачебного пункта Сычевского уезда Смоленской губернии (Стеклов 1981: 25). Архивные документы подтверждают, что «Губернская земская управа командировывает при этом в распоряжение уездной земской для временного замещения одной из пустующих в уезде участковых вакансий командированного в распоряжение губернской земской управы врача... Михаила Афанасьевича Булгакова...» (Яновская 1983: 37–42). Ежемесячную оплату за труд Булгакову было решено увеличить со 125 до 185 рублей при разъездах за счет земств и военного ведомства, которое мобилизовало Булгакова с фронта.

О работе земским врачом М.А. Булгаков рассказал в цикле своих произведений «Записки юного врача», которые были опубликованы в 1925–1926 гг. в журналах «Медицинский работник» и «Красная панорама». Кроме этого, в цикл вошли рассказы «Полотенце с петухом», «Стальное горло», «Крещение поворотом», «Вьюга», «Тьма египетская», «Пропавший глаз» и «Звёздная сыпь». С сентября 2017 г. по февраль 2018 г. Булгаков продолжил свою работу в земской больнице города Вязьмы Смоленской губернии (ОГКУ ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Св. 1. Д. 6. Л. 234), этот период его деятельности отражен в известном рассказе «Морфий».

Сегодня в исследовательской среде идут споры о причастности М.А. Булгакова к Вяземской земской больнице. Так, Т.К. Пастернак, проведя детальное исследование и проанализировав десяток ссылок на архивные источники и исторические исследования, утверждает, что в период пребывания будущего писателя в Вяземске существовала лишь одна больница, именованная как «Вяземская уездная больница», но находившаяся в ведении земства (Пастернак 2014: 223).

В земствах также трудились десятки других представителей науки и культуры, политической и общественной мысли России второй половины XIX – начала XX вв. Оценивая результаты участия известных россиян в деятельности земств, можно утверждать, что одни из них заняли в истории земского вопроса значимое место, обогатив тем самым саму историю земств дореволюционной России (например, Чехов и Мелиховское зем-

ство, Вернадский и Тамбовское земство), позволив взглянуть на нее со стороны развития возможностей положительного творчества. Кроме прочего, они внесли определенный вклад в развитие различных сторон земской жизни, поддержи-

вая общественные начинания в школах и больницах, агрономическом деле и пр. Другие же выдающиеся люди оставили лишь упоминание о своей деятельности в земстве, дошедшее до нас в документах по земской деятельности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГКУ ЦАНО** – Государственное казённое учреждение «Центральный архив Нижегородской области»
ГКУКО ГАКО – Государственное казённое учреждение Калужской области «Государственный архив Калужской области»
ОГКУ ГАСО – Областное государственное казённое учреждение «Государственный архив Смоленской области»
ТОГБУ ГАТО – Тамбовское областное государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Тамбовской области»
ФКУ РГАЛИ – Федеральное казённое учреждение «Российский государственный архив литературы и искусства»
ФГБУК ГЦТМ – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина»

ЛИТЕРАТУРА

- Автобиографические записки Ивана Михайловича Сеченова. 1945. М.: Изд-во АН СССР.
Багдасарьян С.М. 1967. Выдающиеся деятели отечественной медицины и здравоохранения: Н.Н. Бурденко. М.: Медицина.
Базанов В.А. 1966. Ф.Ф. Эрисман (1842–1915). Л.: Медицина. Ленингр. отделение.
Беляев Е.Н., Подунова Л.Г., Коростелев Н. Б. 2007. К 165-летию со дня рождения Ф.Ф. Эрисмана // Здоровье населения и среда обитания 1, 140–145.
Богопольский П.М. 2015. Земские хирурги и их роль в развитии отечественной медицины // История медицины. Т. 2, 2, 217–226.
Волков В.А., Куликова М.В. 2003. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитография.
Герши А.Г. 1980. П.П. Кащенко. М.: Медицина.
 ГКУ ЦАНО. Ф. 1982. Оп. 754. Д. 1. Л. 3–6 об.
 ГКУКО ГАКО. Ф. 62. Оп. 22. Д. 4180. Л. 32.
Головачева А.Г. 2008. Возрождение чеховского Мелихова: по материалам ялтинской «Чеховианы» 1939–1954 годов // Альманах «Мелихово» / Журавлева А.А. (отв. ред.). Мелихово: Гос. литературно-мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова, 50–90.
Гринин Л.Е. 2008. О роли личности в истории // Вестник Российской академии наук. Т. 78. № 1, 42–47.
Дробжев М.И. 2012. Тамбовский период жизни и деятельности В.И. Вернадского (150-летию со дня рождения В.И. Вернадского посвящается) // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». № 12 (116), 354–359.
 Журналы очередного Тамбовского губернского земского собрания, бывшего в декабре 1892 года. 1893. Тамбов: Губернская земская типография, 244–245.
 Из дневников В.И. Вернадского. 1967 // Природа 10, 97–105.
Кащенко П.П. 1900. Отчет по осмотру психиатрических учреждений в Западной Европе и в России / Кащенко П.П. (сост.), врач, заведующий психиатрической лечебницей Нижегородского губернского земства. Вып. 1: Описание учреждений посемейного призрения; Вып. 2: Описание больниц. Нижний Новгород: Нижегород. губ. земство.
Кащенко П.П. 1912. Исторический очерк постройки... больницы для душевнобольных СПб. губернского земства в имении Сиворицы: Ее описание и обзор деятельности с 10 июня 1909 г. по 1 янв. 1911 г. / Сост., по поруч. СПб. губ. зем. управы, дир. Больницы П.П. Кащенко в сотрудничестве с д-ми А.В. Агаповым и И.Д. Певзнером. СПб.: Типо-литография «Энергия».
Лаврова И.Г. 1974. Н.А. Семашко: Жизнь, деятельность, творчество. К 100-летию со дня рождения: Материал для лекции с диапозитивами / Центр. науч.-исслед. ин-т сан. просвещения М-ва здравоохранения СССР. М.: [Б.и.].
Лиманкин О.В. 2004. П.П. Кащенко // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трех томах. Том II. Девятнадцатый век. Книга третья. СПб.: СПбГУ.
Лиманкин О.В. 2009. К 150-летию Петра Петровича Кащенко. К 100-летию Сиворицкой больницы (Санкт-Петербургской психиатрической больницы им. П.П. Кащенко) // Социальная и клиническая психиатрия. Т. 19. № 2, 101–106.

Личное дело. Пришвин Михаил Михайлович: Воспоминания современников. Война. Наш дом. 2005. СПб.: Росток, 32–34.

Мизес Л. фон. 2001. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с нем. М.: Юнити–Дана.

Мирский М.Б. 1974. Первый нарком здоровья. М.: Знание.

Мирский М.Б. 1995. Н.А.Семашко (К 120-летию со дня рождения) // Гигиена и санитария 4, 46–52.

Михайлов О.Н. 1987. И.А. Бунин. Жизнь и творчество: Литературно-критический очерк. Тула: Приокское книжное изд-во.

Муромцева-Булнина В.Н. 2007. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус.

Назаров В.В. 2007. Вехи отечественной историографии истории земской медицины в России // Клио 1 (36), 4–18.

Нижегородская земская газета. 1905. № 46 (17 нояб.). Стб. 1218–1219; № 47 (24 нояб.). Стб. 1245.

ОГКУ ГАСО. Ф. 249.

ОГКУ ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Св. 1. Д. 6. Л. 234.

Осинов Г. В. 1974. К истории Панинской участковой больницы им. Н.А. Семашко // Советское здравоохранение 9, 64–66.

Осинов Г.В. 1995. Земская медицина Нижегородской губернии (1904–1907 гг.) в первых печатных работах Н.А. Семашко // Нижегородский медицинский журнал 4, 91–92.

Пастернак Т.К. 2014. Вяземская уездная больница или тень М.А. Булгакова в Вязьме // Летняя школа по русской литературе 3, 216–226.

Первый отчет по колонии для душевнобольных при сельце Ляхово Нижегородского губернского земства: издание Нижегородского губернского земства. 1902 / Сост. Кащенко П., Шафранов П. (сост.). Нижний Новгород: Типо-литография Нижегородского тов-ва печатного дела «Н.И. Волков и К^о».

Петров Б.Д. 1970. Ф.Ф. Эрисман. М.: Медицина.

Плеханов Г. В. 1956. К вопросу о роли личности в истории. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 2. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Решетников В.А., Несвижский Ю.В., Касимовская Н.А. 2014. Н.А. Семашко – теоретик и организатор здравоохранения // История медицины 3, 24–29.

Русские ведомости. 1895. 19 сентября.

Русское слово. 1914. 25 декабря.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный. 1877–1902. М.: Издание Московского губернского земства, Типография М.Н. Лаврова. В четырёх частях.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 4. Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879–1885 гг. 1890 / Эрисман Ф.Ф. (ред.). Ч. 1. М.: Московское губернское земство.

Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. 4. Общая сводка по санитарным исследованиям фабричных заведений Московской губернии за 1879–1885 гг. 1893 / Эрисман Ф.Ф. (ред.). Ч. 2. / Сост. д-ром Е.М. Дементьевым и проф. Ф.Ф. Эрисманом. М.: Московское губернское земство.

Семашко Н.А. 1904. Данные о заболеваемости заразными болезнями в с. Богородском Горбатовского уезда (К вопросу о санитарном значении кожевенного производства) // Сведения медико-санитарного бюро Нижегородского губернского земства. № II.

Систематический свод постановлений Кинешемского уездного земского собрания, с 1865 по 1886 г., 1886. Кострома: [Б.и.].

Стеклов М.Е. 1981. М.А. Булгаков на Смоленщине // Журнал Отдела пропаганды и агитации Смоленского обкома КПСС 10, 24–27.

Стеклов М.Е. 2001. Да, господа, это Вам не Франция // Край Смоленский 11–12, 110–112.

Страницы автобиографии В.И. Вернадского. 1981 / Филиппова Н.В. (сост.). М.: Наука.

Тарасенко С.В., Натальский А. А., Озеров Д. С., Зайцев О. В., Песков О. Д., Богомолов А. Ю., Кочурков В.П. 2016. К 140-летию со дня рождения Николая Ниловича Бурденко // Хирургическая практика 3, 40–43.

Тетюхин И.Н. 2010. В.И. Вернадский – почётный мировой судья // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». № 4 (84). Тамбов, 324–327.

Тетюхин И.Н. 2013. В.И. Вернадский – губернский гласный и почётный мировой судья // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского 3(47), 107–113.

ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–3.

ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2.

ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–4.

ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2.

ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–6.

ТОГБУ ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–43.

«Третий элемент» в земстве 90-х годов: Воспоминания Ю.А. Бунина. 1914 // Заря 1. 5 января.

Угрюмова М.В. 2014. Документальное наследие российских земств: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та.

ФКУ РГАЛИ. Ф. 549. Оп. 2. Д. 37.

ФКУ РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

ФГБУК ГЦТМ. Ф. А.Н. Островского. № 200. Инв. № 20821 (1886).

Черниченко М.Ю. 2015. Вклад профессоров и выпускников медицинского факультета Императорского Московского университета в развитие земской медицины в России // История медицины. Т. 2, 2, 252–260.

Чехов А.П. 1979. Медицинский отчет по временному Мелиховскому участку за 1893 год // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Т. 16: Сочинения. 1881–1902. М.: Наука, 1979, 361–362.

Шевченко Ю.Л., Шалыгин Л.Д., Матвеев С.А., Логинов А.Ф. 2010. А.П. Чехов – врач-гражданин и выдающийся русский писатель // Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова. Т. 5, 4, 142–147.

Яновская Л. 1983. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Советский писатель, 37–42.

Hook S. 1955. The Heroin History. A Study in Limitation and Possibility. Boston: Beacon Press.

REFERENCES

Avtobiograficheskie zapiski Ivana Mikhajlovicha Sechenova [Autobiographical notes by Ivan Mikhailovich Sechenov]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1945. (In Russian).

Bagdasar'yan S.M. Vydayuschiesya deyateli otechestvennoj meditsiny i zdravookhraneniya: N.N. Burdenko [Renowned persons of domestic medicine and health care: N.N. Burdenko]. Moscow: Meditsina, 1967. (In Russian).

Bazanov V.A. F.F. Ehrisman. [F.F. Erisman (1842-1915)]. Leningrad: Meditsina. Leningr. otделение, 1966. (In Russian).

Belyaev E.N., Podunova L.G., Korostelev N.B. In: Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya [Population Health and Life Environment]. No.11 (2007): 40–45. (In Russian).

Bogopol'skij P.M. In: Istoriya meditsiny [History of Medicine]. Vol. 2, No 2 (2015): 217–226. (In Russian).

Volkov V.A., Kulikova M.V. Moskovskie professora XVIII – nachala XX vekov. Estestvennye i tekhnicheskie nauki [Moscow professors of the 18th – early 20th centuries. Natural and technical sciences]. Moscow: Yanus-K; Moskovskie учебники i kartolitografiya, 2003. (In Russian).

Gerish A.G. P.P. Kaschenko [P.P. Kashchenko]. Moscow: Meditsina, 1980. (In Russian).

The Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. Fund 1982. Inventory 754. Case 1. Sheet 2. (In Russian)

State Archive of the Kaluga Region. Fund 62. Inventory 22. Case 4180. Sheet 32. (In Russian)

Golovacheva A.G. In: Al'manakh «Melikhovo» [Melikhovo Almanac/ Editor in chief A.A. Zhuravleva]. Melikhovo: Gos. literaturno-memorial'nyj muzej-zapovednik A.P. Chekhova, 2008, pp. 50–90. (In Russian).

Grinin L.E. In: Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 78, No. 1 (2008): 42–47. (In Russian).

Drobzhev M.I. In: Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Tambov University Review. Series Humanities]. No. 12 (116) (2012): 354–359. (In Russian).

Zhurnaly ocherednogo Tambovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya, byvshego v dekabre 1892 goda [Journals of the regular Tambov Governorate representative council, December, 1892]. Tambov: Gubern. zemsk. tip., 1893, pp.244–245. (In Russian).

In: Priroda [Nature]. No. 10 (1967): 97–105. (In Russian).

Kaschenko P.P. Istoricheskij ocherk postrojki... Bol'nitsy dlya dushevnobol'nykh SPb. gubernskogo zemstva v imenii Sivoritsy: Ee opisaniye i obzor deyatelnosti s 10 iyunya 1909 g. po 1 yanv. 1911 g. / Sost., po poruch. Spb. gub. zem. upravly, dir. Bol'nitsy P.P. Kaschenko v sotrudnichestve s d-mi A.V. Agapovym i I.D. Pevznerom [Historical documentary on the construction of a hospital for mentally disabled in Sivoritsa estate, St. Petersburg Governorate zemstvo: Its description and overview of the activities from June 10, 1909 to January 1, 1911// Produced at the request of St. Petersburg Governorate representative council by P.P. Kaschenko, Director of the hospital, in cooperation with Doctors A.V. Agapov and I.D. Pevzner]. St. Petersburg: Tipo-litografiya «Energiya», 1912. (In Russian).

Kaschenko P.P. Otchet po osmotru psixiatricheskikh uchrezhdenij v Zapadnoj Evrope i v Rossii / Sostavil P.P. Kaschenko, vrach zaveduyuschij psixiatricheskoj lechebnitsej Nizhegorodskogo gubernskogo zemstva [Report on the inspection of psychiatric institutions in Western Europe and Russia/Produced by P.P. Kaschenko, Doctor, Head of the psychiatric hospital of Nizhny Novgorod Governorate zemstvo]. Nizhnij Novgorod: Nizhegor. gub. zemstvo, 1900. Iss. 1: Description of family charity institutions. Iss. 2: Description of hospitals. (In Russian).

Lavrova I.G. N.A. Semashko: Zhizn', deyatelnost', tvorchestvo. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Material dlya leksii s diapozitivami / Tsentr. nauch.-issled. in-t san. prosveshcheniya M-va zdrav. SSSR [N.A. Semashko: Life, Activity, Creative work. On the 100th anniversary of birth: Lectures with slides /Research institute for health education of the USSR Health Ministry] Moscow: s.n., 1974. (In Russian).

Limankin O.V. In: Social'naya i klinicheskaya psihiatriya [Social and Clinical Psychiatry]. Vol. 19, No. 2 (2009): 101–106. (In Russian).

Limankin O.V. In: Tri veka Sankt-Peterburga. Ehntsiklopediya v trekh tomakh. Tom II. Devyatnadsatyy vek. Kniga tret'ya [Three Centuries of Saint-Petersburg. Encyclopedia in 3 volumes. Vol. 2. Nineteenth century. Bk. 3]. St. Petersburg: SPGU, 2004. (In Russian).

Lichnoe delo. Prishvin Mikhail Mikhajlovich: Vospominaniya sovremennikov. Vojna. Nash dom [Personal data file. Prishvin Mikhail Mikhailovich: *Memoirs of the contemporaries*. War. Our home]. St. Petersburg: Rostok, 2005, pp. 32–34.

Mises L. von Teoriya i istoriya. Interpretaciya social'no-ehkonomicheskoy ehvolucii [Theory and history. Interpretation of the socio-economic evolution / Transl. from German]. Moscow: Yuniti-Dana, 2001. (In Russian).

Mirskij M.B. Pervyj narkom zdorov'ya [The first People's Commissar of Health]. Moscow: Znanie, 1974. (In Russian).

Mirskij M.B. In: Gigiena i sanitariya [Hygiene and sanitation]. No. 4 (1995): 46–52. (In Russian).

Mikhajlov O.N. I.A. Bunin. Zhizn' i tvorchestvo: Literaturno-kriticheskij ocherk [I.A. Bunin. Life and Creative Work: Literary and critical essay]. Tula: Priokskoe knizhnoe izd-vo, 1987. (In Russian).

Muromtseva-Bunina V.N. Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu [Life of Bunin. Conversations with my memory]. Moscow: Vagrius, 2007. (In Russian).

Nazarov V.V. In: Klio [Clio]. No. 1 (36) (2007): 4–18. (In Russian).

Nizhegorodskaya zemskaya gazeta [Nizhny Novgorod Zemskaya newspaper]. 1905. No. 46 (Nov. 17). Col. 1218–1219; No. 47 (Nov.24). Col. 1245. (In Russian).

The State archive of the Smolensk region. Fund 249. (In Russian).

The State archive of the Smolensk region. Fund 7. Inventory. 3. Sheaf. 1. Case 6. Sheet 234. (In Russian).

Osipov G.V. In: Sovetskoe zdravookhranenie [Soviet Health Care]. No. 9 (1974): 64–66. (In Russian).

Osipov G.V. In: Nizhegorodskij meditsinskij zhurnal [Nizhny Novgorod Medical Journal]. No. 4 (1995): 91–92. (In Russian).

Pasternak T.K. In: Letnyaya shkola po russkoj literature [Summer School on Russian Literature]. No. 3 (2014): 216–226. (In Russian).

Pervyj otchyot po kolonii dlya dushevnobol'nykh pri sel'tse Lyakhovo Nizhegorodskogo gubernskogo zemstva: izdanie Nizhegorodskogo gubernskogo zemstva. 1902 / Sostavlennye P. Kaschenko i P. Shafranovym [The first report on the colony for mentally disabled in Lyakhovo village, Nizhny Novgorod Gouvernate zemstvo / Produced by P.Kashchenko and P. Shafranov]. Nizhny Novgorod: Tipo-litografiya Nizhegorodskogo tov-va pechatnogo dela «N.I. Volkov i K^o». (In Russian).

Petrov B.D. F.F. Ehrisman [F.F. Erismann]. Moscow: Meditsina, 1970. (In Russian).

Plehanov G. V. K voprosu o rolilichnosti v istorii. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya [On the question of the role of an individual in history. Selected philosophical works. In 5 volumes]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1956. (In Russian).

Reshetnikov V.A., Nesvizhskij Yu.V., Kasimovskaya N.A. In: Istoriya meditsiny [History of Medicine]. No. 3 (2014): 24–29. (In Russian).

Russkie vedomosti [Russian Gazzete]. 1895. September 15th. (In Russian).

Russkoe slovo [Russian Word]. 1914. December 25th. (In Russian).

Sbornik statisticheskikh svedenij po Moskovskoj gubernii. Otdel sanitarnyj [Collection of statistical data on Moscow Governorate. Sanitary department. In 4 parts]. Moscow: Izdanie Moskovskogo gubernskogo zemstva, Tipografiya M.N. Lavrova, 1877–1902. (In Russian).

Sbornik statisticheskikh svedenij po Moskovskoj gubernii. Otdel sanitarnoj statistiki. T. 4. Obschaya svodka po sanitarnym issledovaniyam fabrichnykh zavedenij Moskovskoj gubernii za 1879–1885 gg. Ch. 1 [Collection of statistical data on Moscow Governorate. Sanitary department. Vol.4. Health research summary of factories in Moscow Governorate for 1879–1885. Pt. 1.] / Erismann F.F. (ed.). Moscow: Moskovskoe gubernskoe zemstvo, 1890. (In Russian).

Sbornik statisticheskikh svedenij po Moskovskoj gubernii. Otdel sanitarnoj statistiki. T. 4. Obschaya svodka po sanitarnym issledovaniyam fabrichnykh zavedenij Moskovskoj gubernii za 1879–1885 gg. Ch. 2. [Collection of statistical data on Moscow Governorate. Sanitary department. Vol.4. Health research summary of factories in Moscow Governorate for 1879–1885] / Erismann F.F. (ed.). Moscow: Moskovskoe gubernskoe zemstvo, 1893. (In Russian).

Semashko N.A. 1904. In: Svedeniya mediko-sanitarnogo byuro Nizhegorodskogo gubernskogo zemstva [Information of the Medico - Sanitary Bureau of Nizhny Novgorod province zemstvo]. No. 2 (1904). (In Russian).

Sistematičeskij svod postanovlenij Kineshenskogo uездnogo zemskogo sobraniya, s 1865 po 1886 g. [Systematic set of regulations of zemskoye sobranie of Kineshma uезд from 1865 to 1886]. Kostroma: [s.n.], 1886. (In Russian).

Steklov M.E. In: Zhurnal Otdela propagandy i agitatsii Smolenskogo obkoma KPSS [Journal of the Department for Agitation and Propaganda of Smolensk regional CPSU committee]. No. 10 (1981): 24–27. (In Russian).

Steklov M.E. In: Kraj Smolenskij [Krai Smolensky]. No.11–12 (2001): 110–112. (In Russian).

Stranitsy avtobiografii V.I. Vernadskogo. / Sost. N.V. Filippova [Pages from V.I. Vernadsky's Autobiography] / Filippova N.V. (comp.). Moscow: Nauka, 1981. (In Russian).

Tarasenko S.V., Natal'sky A.A., Ozerov D.S., Zaitsev O.V., Peskov O.D., Bogomolov A.Yu., Kochukov V.P. In: Khirurgicheskaya praktika [Surgeon Practice]. No. 3 (2016): 40–43. (In Russian).

Tetyukhin I.N. In: Voprosy sovremennoj nauki i praktiki [Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University]. No. 3(47) (2013): 107–113. (In Russian).

Tetyukhin I. N. In: Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Tambov University Review. Series Humanities]. No. 4 (84) (2010): 324–327. (In Russian).

The State archive of the Tambov region. Fund 52. Inventory 1. Case 6. Sheet 1-3. (In Russian).

The State archive of the Tambov region. Fund 52. Inventory 1. Case 6. Sheet 1-2. (In Russian).

The State archive of the Tambov region. Fund 52. Inventory 1. Case 9. Sheet 1. (In Russian).

The State archive of the Tambov region. Fund 52. Inventory 1. Case 10. Sheet 1. (In Russian).

The State archive of the Tambov region. Fund 52. Inventory 1. Case 11. Sheet 1-4. (In Russian).

The State archive of the Tambov region. Fund 52. Inventory 1. Case 12. Sheet 1-2. (In Russian).

The State archive of the Tambov region. Fund 52. Inventory 1. Case 36. Sheet 1-6. (In Russian).

The State archive of the Tambov region. Fund 52. Inventory 1. Case 52. Sheet 1-43. (In Russian).

«Tretij ehlement» v zemstve 90-kh godov: Vospominaniya Yu.A. Bunina [“Third element” in zemstvos of the 90s. Memories of Yu.A. Bunin]. / Zarya. No.1. 1914. 5 January. (In Russian).

Ugryumova M.V. Dokumental'noe nasledie rossijskikh zemstv: Monografiya [Documentary heritage of Russian zemstvos: Monograph]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2014. (In Russian).

The Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 549. Inventory 2. Case 37. (In Russian).

The Russian State Archive of Literature and Arts. Fund 2173. Inventory 1. Case 54. Sheet 2. (In Russian).

A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum. Fund A.N. Ostrovsky. No. 200. Inventory No. 20821 (1886).

Chernichenko M.Yu. In: Istoriya meditsiny [History of Medicine]. Vol. 2. No. 2 (2015): 252–260. (In Russian).

Chekhov A.P. In: Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. / AN SSSR. Institut mirovoj literaturi im. A.M. Gor'kogo [Complete set of works and letters in 30 volumes. Writings. 1881–1902/ The Academy of Sciences of the USSR. A.M. Gorky Institute of World Literature]. Vol. 16. Moscow: Nauka, 1979, pp. 361–362. (In Russian).

Shevchenko Yu.L., Shalygin L.D., Matveev S.A., Loginov A.F. In: Vestnik Natsional'nogo mediko-khirurgicheskogo tsentra im. N.I. Pirogova [Bulletin of Pirogov National Medical & Surgical Center]. Vol. 5. No.4 (2010): 142–147. (In Russian).

Yanovskaya L. Tvorcheskij put' Mikhaila Bulgakova [Mikhail Bulgakov's career as a writer]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1983, pp. 37–42. (In Russian).

Hook S. The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility. Boston: Beacon Press, 1955.

M.V. Ugryumova
Nizhnevartovsk, Russia

PARTICIPATION OF DISTINGUISHED REPRESENTATIVES OF SCIENCE AND CULTURE IN THE WORK OF ZEMSTVO SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA OF THE SECOND HALF OF 19th – EARLY 20th CENTURY

Abstract. With regard to the actualisation of human factor and the role of an individual in history, the article considers the conditions, features and some results of the participation of prominent Russian citizens in the life of the zemstvo self-government in Russia of the second half of 19th – early 20th century.

Based on the analysis of various types of historical documents, the author reveals the degree of personal involvement in the work of zemstva for a number of prominent people in the field of science and culture who proved themselves before, after or during their work in the zemstvo and whose names glorified Russia. The main methodological approach in this study was a multidisciplinary one, that made it possible, from the perspective of humanities in general and a number of historical disciplines in particular, to achieve set goals and objectives. The article analyses some features, conditions, and periods when individual representatives of Russian science and culture were involved in zemstvo life in Russia of the second half of the 19th – early 20th century.

The article provides information on the participation in zemstvo activities of eminent personalities in such fields as natural science, medicine, literature, drama and opera.

Key words: zemstvo; zemstvo self-government; zemstvo board; zemstvo assembly; zemstvo worker; zemstvo councilor; zemstvo serviceman; writer; scientist; doctor; medicine; education.

About the author: Maria Viktorovna Ugryumova, Associate Professor at the Department of Documentation Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Угрюмова М.В. Участие известных деятелей науки и культуры в работе земского самоуправления России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 49–60.

M.V. Ugryumova Participation of distinguished representatives of science and culture in the work of zemstvo self-government in Russia of the second half of 19th – early 20th century // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 49–60.

УДК 93/94

В.В. Цысь
Нижневартовск, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ШКОЛ ДЛЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В 1830–50-х гг.*

Аннотация. Целью статьи является изучение планов организации школьного обучения для детей коренного населения Тобольского Севера в николаевскую эпоху, а также возникавших на пути их реализации проблем. Отмечается, что в распространении просвещения в регионе большую роль играло взаимодействие духовных и светских властей. Указывается на существование объективных противоречий между светскими властями различного уровня в деле школьного строительства, а также между духовенством и гражданскими чиновниками в целом. Подчеркивается, что основным исполнителем проектов по созданию образовательных учреждений для «инородцев» являлись священно- и церковнослужители, монахи. Сами же школы организовывались и начинали свою работу преимущественно в середине – второй половине 1840-х гг. Делается вывод, что причинами неудачи первых попыток создания такого рода учебных заведений стали отсутствие финансирования и подготовленных педагогических кадров, само содержание школьных программ, далеких от повседневных нужд местного населения. Обращается внимание на то, что частью духовенства и чиновничества осознавались возможные пути успешного распространения просвещения на Тобольском Севере: преподавание на родном языке, введение в программы практико-ориентированных дисциплин. В качестве необходимой предпосылки назывался, кроме того, переход кочевого и полукочевого населения к оседлому образу жизни. Однако для реализации подобного рода намерений в данный период отсутствовали соответствующие условия.

Ключевые слова: Тобольский Север; Русская Православная церковь; Николай I; духовенство; остяки; образование и просвещение; миссионерство; школьное строительство.

Сведения об авторе: Валерий Валентинович Цысь, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет».

Контактная информация: 628602, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра, ул. Ленина, д. 56, тел. (3466) 27-35-10; e-mail: roshist@mail.ru.

Проводимая в отношении коренного населения Тобольского Севера государственная политика в течение XVII – начала XX вв. претерпевала существенную эволюцию. От прямого политического давления, экономической эксплуатации постепенно власти пришли к осознанию необходимости интеграции в общее со всей страной социокультурное пространство, помощи «отсталым» народам в приобщении к достижениям «передо-

вой» европейской цивилизации. В первой половине XVIII в. это выражалось в активной христианизации, в следующем столетии дополнилось стремлением распространить основы оседлой жизни, грамотности, оказать материальную поддержку в случае голода, юридическую защиту от вмешательства русских предпринимателей и переселенцев. Частью политики аккультурации являлось создание школ, где дети «инородцев» мог-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО – Югры, проект № 18-49-86002.

ли получать образование подобно их сверстникам из русских селений Европейской России и Сибири. В этом вопросе светская власть должна была неизбежно обращаться за помощью и содействием к православному духовенству, выполнявшему в течение большей части синодального периода функции отсутствовавшей на территории края интеллигенции.

Вопросы распространения просвещения среди коренного населения Тобольского Севера находили отражение в ряде советских и современных исследований (Базанов 1936; Белич 1999; Главацкая 2005; Мавлютова 2001). Однако до настоящего времени не рассматривались различного рода проекты, касающиеся совершенствования образовательных учреждений, а также факторов, обуславливающих скромные результаты деятельности первых «инородческих» школ.

Следует отметить, что попытки организации школьного обучения на Тобольском Севере относятся еще ко второй половине XVIII в. 22 декабря 1760 г. и 9 января 1761 г. митрополит Тобольский и Сибирский Павел (Конюскевич) приказал учредить во всех заказах (благочиниях) епархии славяно-русские и латинские школы. Эти образовательные учреждения функционировали сравнительно недолго, подвергались постоянным реорганизациям, имели узкословный характер и предназначались почти исключительно для детей духовенства, т. к. обучение было направлено на подготовку кадров священно- и церковнослужителей. Программы отличались оторванностью от практических нужд местного населения и схоластичностью, что, в частности, проявлялось в использовании латинского языка и соответствующих учебников (так называемые «Великие Альвары», изданные в Польше). Приемы преподавания были ниже всякой критики, т. к. учителями являлись лица, которым эта обязанность навязывалась, а сами они не отличались ни образованностью, ни знанием приемов педагогической работы.

Первым учебным заведением, имевшим стабильное финансирование, подготовленные учительские кадры и проработанную программу преподавания на Севере Западной Сибири стало организованное 30 августа 1818 г. Березовское уездное училище. До середины 1830-х гг. оно оставалось единственным учебным заведением края. В его стенах образование получали почти исключительно русскоязычные жители административного центра Тобольского Севера г. Березова. Согласно принятому в 1804 г. Уставу учебных заведений, подведомственных университетам, целью создания таких училищ являлось: 1) «Приготовить юношество для гимназий, если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание, и 2) открыть детям различного со-

стояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности» (Устав 2001: 71).

Хотя отрицать определенное положительное значение первых опытов школьного строительства в крае нельзя, тем не менее, большинство населения региона в этом вопросе оставалось вне сферы внимания духовных и светских властей. Создание образовательных учреждений для «инородческих детей» относится уже к николаевской эпохе и связано, с одной стороны, с попытками возобновить прерванный в период просвещенного абсолютизма процесс христианизации коренного населения, с другой – с необходимостью следовать указаниям верховной власти о развитии в стране сети начальных учебных заведений.

Многочисленные реформы в сфере народного образования, предпринятые Николаем I, имели четко выраженный консервативный характер. В обучении молодежи первое место отдавалось «нравственности», а знания должны были приобретаться в соответствии с сословной принадлежностью. Поэтому религии во всех звеньях системы начальных учебных заведений отводилась важнейшая роль.

Уже в «Уставе гимназий и училищ уездных и приходских...» 1828 г. «ближайший за [приходским] училищем надзор» поручался «благочинному священнику» (ПСЗРИ. 2-е. Т. III. № 2502). Принимается и ряд других законодательных актов. Можно отметить указ 1836 г. об открытии народных школ при церквях и монастырях, указ 1842 г., повелевавший Министерству государственных имуществ оказывать финансовую помощь при создании приходских школ в своих землях и др. (ПСЗРИ. 2-е. Т. VI. № 4199; ПСЗРИ. 2-е. Т. XVII. № 15794; ПСЗРИ. 2-е. Т. XIX. № 17828). Особое значение имел Устав духовных консисторий 1841 г., в статье 14-й которого епархиальным правлениям предписывалось заботиться об открытии церковно-приходских школ (Рождественский 1902: 283; Устав 1841: Ст. 14). Однако составители данных законодательных актов ограничиваются лишь общими указаниями о необходимости организации или совершенствования учебных заведений. Конкретные меры по их практической реализации зависели от местных властей.

Так или иначе школьное строительство не могло не затронуть и Тобольский Север. Региональная специфика наложила отпечаток на этот процесс. Как и по всей стране, деятельность церковных и светских властей тесно переплеталась. Однако необходимо обратить внимание на различие целей, которые ими ставились, когда речь шла о просвещении «инородцев». Для первой это один из путей христианизации коренного населения. Грамотность была нужна не сама по себе.

Ценилась возможность с ее помощью глубже понять и усвоить основные истины христианского вероучения. Среди гражданских чиновников, в свою очередь, следует различать позиции местной администрации уездного (окружного) и губернского уровней. Приоритетом для окружного исправника являлись социально-политическая стабильность, регулярное и аккуратное поступление ясака. Все, что могло внести смятение в умы «инородцев», нарушить привычный ход вещей, считалось потенциальной угрозой. С этой точки зрения христианизация была совершенно излишней. Соответственно, попытки активизации миссионерской работы, частью которой признавалось школьное строительство, воспринимались в лучшем случае нейтрально, а часто – с плохо скрываемой враждебностью. Этим, в том числе, объясняется неудача Обдорской миссии, просуществовавшей несколько месяцев в начале 1830-х гг. (подробнее см.: Цысь 2017). От окружной администрации поступали жалобы на «насилия» духовенства, якобы принуждавшего остяков отдавать своих детей в школы, и на то, что «мальчишки эти... претерпевают во всем недостаток» (см., напр.: Представление 2006: 176). Подобное отношение сохранялось и позднее. «Светская власть, впрочем, и в настоящее время не особенно сочувствует и содействует миссионерскому делу в этом крае...», отмечал писатель и путешественник К.Д. Носилов (Носилов 1898: 165).

Для губернатора, любого приезжего инспектора были важны более «глобальные», общегосударственные задачи, решение которых было направлено на интеграцию региона в общеимперское политическое и социокультурное пространство. Предпринимаемые шаги изначально имели «точный», экспериментальный характер. В случае успеха полученный опыт следовало распространить и использовать в более широких масштабах.

Церковный историк XIX в., биограф тобольских епархиальных архиереев А.И. Сулоцкий сообщал: «Преосвященный [Афанасий] на вопрос синодального управления: какие меры почитает он лучшими для обращения инородцев?» – ответил: «Принимая в расчет кочующую жизнь остяков и самоедов, я не нахожу другого средства распространения между ними христианства, кроме того, чтобы из среды их же брать (принимать) детей (способных) в духовную семинарию и впоследствии способным из них давать места священнические в приходах остяцких...». Афанасий предлагал «завести» для тамошних детей два низших училища: одно в Березове, а другое – «в опустевшем почти Кондийском монастыре» (Сулоцкий 1867: 48).

На это предложение последовал Высочайше утвержденный доклад Св. Синода от 6 июня 1836 г., положивший начало Кондинской миссии. Ее организация с целью обращения и утверждения в вере остяков предполагала преобразование Кондинского монастыря в миссионерский, «избрав оный средоточием, отколе миссия могла бы действовать на окрестные волости Остяцкие и далее по тундрам» (ПСЗРИ. 2-е. Т. XI. № 9269). Намечалось открыть училище при монастыре, «в котором обучались бы только Закону Божию и Русскому языку, чтобы со временем служить толмачами для миссионеров и помощниками в деле миссии», штат монашествующих укомплектовать «преимущественно людьми способными к своему назначению» (ПСЗРИ. 2-е. Т. XI. № 9269). Таким образом, в Кондинский монастырь после временной неудачи с созданием Обдорской миссии должен был переместиться центр просвещения «инородцев» Тобольского Севера.

Камнем преткновения для реализации данного проекта стала кадровая проблема. Пришлось рассылать специальные запросы в пять епархий Европейской России, чтобы найти желающих занять места миссионеров и учителей в Кондинском монастыре. На поиски подходящих кандидатур ушло восемь лет, из-за чего школу удалось открыть лишь в 1844 г. В ней обучалось 8 русских и 10 остяцких детей (Козлов 1910: 122). В этом же году настоятелем Кондинского монастыря игуменом Арсением при активном содействии «торгующего крестьянина» В.В. Сургутскова учреждаются школы в селах Белогорье (Троицкое), Сухоруково и Малый Атлым. На 1848 г. в них обучалось, соответственно, 8, 10 и 10 остяцких детей (Главацкая 2005: 275). В д. Елизарово, кроме того, была создана школа для детей местных русских крестьян. По сведениям Н.А. Абрамова, в 1848 г. в ней обучалось 10 русских и 2 остяка (Абрамов 1868: 78).

Параллельно по инициативе и при непосредственном участии березовского благочинного И.М. Заборовского в 1842–1844 гг. организуются учебные заведения для «инородческих детей» в нескольких приходах Сургутского благочиния: Ларьякском (8 остяков), Юганском (7 остяков и 7 русских), Верхне-Лумпокольском (10 остяков), Ваховском (11 остяков). В 1846 г. (по данным Н.А. Абрамова – в 1847 г.) священником Петром Поповым в Обдорске в его собственном доме была открыта школа для «инородческих детей», где проходили обучение 13 русских и 1 остяцкий мальчик.

Таким образом, в момент своего создания в середине – второй половине 40-х гг. XIX в. в приходских и миссионерских школах Тобольского Севера обучалось 77 остяков, что составляло око-

ло 40% от общего числа учащихся местных начальных учебных заведений.

Однако отсутствие финансирования, результатов обучения, удовлетворявших как коренных жителей, так и власти сделали этот успех кратковременным. Первоначальный энтузиазм сменился разочарованием. Не имея дополнительных средств к содержанию открытых училищ, обер-прокурор Св. Синода Н.А. Протасов в июле 1845 г. направил запрос о выделении средств генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову (Отношение 2006). Аналогичная просьба поступила два месяца спустя и от березовского благочинного Тобольскому губернатору (Предложения 2006). От генерал-губернатора последовал отказ, мотивированный тем, что «при всем желании моем содействовать в этом деле, я не имею ввиду никаких местных способов для поддержки означенных школ ассигнованием потребного количества денег» (Проект 2006: 170). Кроме того, П.Д. Горчаков ссылался на поступающие от местных гражданских чиновников сведения о недовольстве остяков и самоедов действиями духовенства по якобы принудительному набору их детей в школы.

Побывавший зимой 1851–1852 г. с инспекцией на севере директор училищ Тобольской губернии писал генерал-губернатору: «При въезде в инородческие селения, приступив к убеждению остяков содействовать видам Вашего высокопревосходительства относительно устройства школ, лишь только в первом селе узнали о моих предложениях, на которые я получил ответы отрицательные, то в последующих селах даже начали скрывать от меня детей... примеры доказывают, что остяцкие дети, будучи обучены грамоте, без внушения им обязанностей к родителям и без упражнения в занятиях, необходимых для промыслов, не возвращаются в дома родителей и оставляют их навсегда. Редкие из них поступают в должности писарей, остальные шатаются по селам и нанимаются в работники у русских жителей» (Представление 2006: 172–173).

Стандартные приемы организации учебных заведений и обучения не подходили для специфических условий Тобольского Севера с его слабо христианизированным, ведущим кочевой или полуоседлый образ жизни коренным населением. В результате большинство сельских училищ закрывается в течение 1850-х гг. Относительно стабильно функционировала лишь Кондинская миссионерская школа, получавшая ежегодное казенное содержание.

Возникшая проблема стала предметом обсуждения гражданских и церковных властей. В начале 1850-х гг. министром государственных имуществ П.Д. Киселевым был поднят вопрос о

водворении среди инородцев образования» (Иринарх 1906: 18). В 1852 г. новый генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд совершил поездку на Тобольский Север, с тем чтобы на месте ознакомиться с жизнью и бытом «аборигенов» и наметить пути решения поставленной министром задачи. Он пришел к выводу, что лучшим проводником просвещения должна служить христианская религия, а также знание русского языка (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 176 об. – 177).

Как следствие, в 1853 г. Главное управление Западной Сибири рассмотрело вопрос о необходимости увеличения числа остяцких детей, обучающихся в Кондинской миссионерской школе, до 20 человек, с назначением от казны необходимых для их содержания денежных средств. Подобные же «пункты для образования идолопоклонников» Тобольского и Березовского округов следовало учредить в селах Нахрачинском, Болчаровском, Обдорском, где преподавание Закона Божьего, русского языка и счетоводства намечалось возложить на священников, а остяцкого и самоедского языков – «приписать знающим оные людей», ввести обучение ремеслам, «дабы они по возвращении в свои семейства могли бы вносить в оные... и практические познания, удовлетворяющие материальным нуждам кочевого быта» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 181 об., 183, 186 об.).

Для светской власти подобного рода учебные заведения являлись средством «склонения инородцев к оседлости» и распространения понятий о гражданственности. В этом виделась цивилизаторская миссия «просвещенных» европейцев: улучшение материального положения будет достигнуто только при отказе от кочевого образа жизни, а развитие духовной и социальной сферы следовало вести посредством знакомства с «начальными истинами религии и главными обязанностями к правительству, обществу и ближним» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 186). Для привлечения «кочевых инородцев» к отдаче детей их в училища собирались «предоставить сим детям возможность поступать в уездные училища и гимназии и присваивать им затем права на свободу от податей и вступления в гражданскую службу» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 183).

Подготовленный в 1856 г. проект Обдорского миссионера П.И. Попова составлялся с учетом и в развитие идей, выдвинутых Главным управлением Западной Сибири. Автор поддержал предложение о том, что основными «способами образования народа» должны стать походная церковь и училище (Рапорт 1994: 28). Высказывается мысль о неосуществимости быстрого перехода

коренного населения к оседлости «по бесплодию почвы страны суровой» и из-за особенностей современного состояния их обычаев и нравов. Походная же церковь, «принося свет христианского учения во все места, наполненные мраком заблуждений, свободно может рассеять его» (Рапорт 1994: 28). Она должна привлекать «инородцев» красотой, благолепием, благочестием служителей, «подстрекать их любопытство». Лишь после укоренения христианской веры можно будет перейти ко второму этапу просвещения: организации инородческого училища, в стенах которого сформируется новое поколение, понимающее все выгоды и преимущества оседлой жизни. Помимо Закона Божия, священной истории, арифметики и письмоводства школа должна давать и практически знания и навыки: кузнечное, плотницкое, токарное, столярное ремесла и др. Овладение этими «искусствами» должно будет склонить обучающихся к пониманию выгод оседлости (Рапорт 1994: 29).

Мысль о том, что только изменение образа жизни окажет благотворное влияние на «инородцев», в том числе и в деле их просвещения, высказывалась многими представителями либеральной интеллигенции. Так, К.Д. Носилов утверждал, что «когда он [остяк] станет оседлым, заведет огородничество и хлебопашество, – в чем я нисколько не сомневаюсь..., то будет успешнее достигнуто и прямое назначение монастыря – быть духовным просветителем этого края... Это самое лучшее средство превратить остяка в оседлого человека и сделать его жизнь русской, к чему он и так стремится, как к идеалу» (Носилов 1898: 169–170).

Другой вариант, возможный в то время лишь гипотетически, – организация национальных школ с преподаванием на местном языке и включение в программы обучение традиционным промыслам. О том, что именно в таком направлении надо развивать образование свидетельствует проект, предложенный директором училищ Тобольской губернии в 1852 г. Его автор, четко осознавая объективные факторы, отвращающие коренных жителей от отдачи детей в школы, предлагал следующую образовательную реформу: создать в Березове, Обдорске, Сургуте «общие квартиры» для «инородческих» детей с тем, чтобы помимо изучения чтения, письма, Закона Божия, арифметики они могли под руководством опытных остяков упражняться в стрельбе из лука и «приучались бы владеть всеми орудиями, необходимыми для звериных промыслов». Следовало также добиваться, чтобы они не отвыкали от общения на родном языке. Далее необходимо было наиболее способных учеников направлять для продолжения обучения в Тобольскую гимназию,

а после ее окончания – в Казанский университет. Причем опять же предполагалось, что они не должны забывать родного наречия, для чего с детьми должен был находиться постоянно кто-либо из соплеменников. По возвращении в родные места они бы послужили «примером благотельных последствий, проистекающих от просвещения» (Представление 2006: 177–178).

Существование этих проектов показывает, что наиболее образованные представители духовенства и чиновничества в целом понимали, какой именно путь может привести к успеху в деле просвещения «инородцев». К этому способу решения проблемы образования коренных жителей мы приближаемся только сейчас. В XIX в. для его реализации не было ни подготовленных кадров, ни средств, ни политической воли. Вопрос, в первую очередь, опять же упирался в источники финансирования учебных заведений. В проекте 1852 г. предлагалось обложить население специальным налогом в размере одной белки с мужской души, что при цене белки в 7 коп. серебром должно было принести только в Сургутском отделении Березовского округа до 200 руб. дохода и могло обеспечить содержание десяти детей. Предлагалось взимание пошлин с приезжающих на север промышленников в размере 1 коп. с рубля; увеличение оплаты за аренду рыболовных угодий («песков») (Представление 2006: 175–177). Проект 1856 г. предполагал выделение средств из казны в размере не менее 35 руб. на ученика, не считая оплаты на содержание здания училища (Рапорт 1994: 29). Тем не менее, ни одна из названных инициатив не была поддержана.

Таким образом, 1830–50-е гг. являлись временем зарождения и становления образовательных учреждений для коренного населения Тобольского Севера. Однако шаги, предпринимаемые в данном направлении, были пока еще робкими и непоследовательными, опиравшимися не на систему продуманных мер, а осуществлявшимся в виде различных спорадических действий православной церкви, государственной власти или предпринимателей. Вообще же частная инициатива была едва ли не основным реальным двигателем просвещения «инородцев» в рассматриваемый период. Стремление унифицировать государственную идеологию через распространение христианского воспитания в начальной школе в царствование Николая I в отношении коренного населения Тобольского Севера не подкреплялось системой продуманных мер. Ситуация изменилась лишь в середине 1880-х гг. после создания системы церковно-приходских школ, которые широко распространились в последующий период на Тобольском Севере.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГУТО ГА в г. Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Н.А. 1868. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845–1852 гг.) // Странник. Т. III. № 8. Отд. I. СПб.: Тип. духовного журнала, 63–93.

Базанов Р.Г. 1936. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере: Тобольский Север. Ленинград: Институт народов Севера им. П.Г. Смидовича Главсевморпути при СНК СССР.

Белич И.В. 1999. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов Севера (на примере северных самодийцев): Дис. ... канд. пед. наук. Тобольск.

Главацкая Е.М. 2005. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1.

Иринарх, иер. 1906. История Обдорской Духовной миссии (1854–1904). М.: Печатня А.И. Снегиревой.

Козлов З. 1910. Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской Кондинской школы, за 65 лет (с 1844–1909 г.) ее существования // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях 16, 121–126.

Мавлютова Г.Ш. 2001. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та.

Носилов К. 1898. Кондинский монастырь и его миссионерская деятельность // Православный благовестник. Кн. 2. Т. II. № 12 (июнь). М.: Печатня А.И. Снегиревой, 164–171.

Отношение от 8 июля 1845 г. канцелярии обер-прокурора Святейшего синода генерал-губернатору Западной Сибири князю П.Д. Горчакову об открытии и содержании русских школ в Юганском, Верхнелумпокольском и Ваховском приходах. 2006 // История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск: [Б. и.], 165–167.

ПСЗРИ. 2-е. Т. III. № 2502.

ПСЗРИ. 2-е. Т. VI. № 4199.

ПСЗРИ. 2-е. Т. XI. № 9269.

ПСЗРИ. 2-е. Т. XVII. № 15794.

ПСЗРИ. 2-е. Т. XIX. № 17828.

Предложения от 25 сентября 1845 г. березовского протоиерея Иоанна Заборовского тобольскому губернатору о содержании школы в с. Ларьятском. 2006 // История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск: [Б. и.], 167–170.

Представление от 1 апреля 1852 г. директора училищ Тобольской губернии генерал-губернатору Западной Сибири о распространении просвещения среди коренного населения березовского края. 2006 // История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск: [Б. и.], 171–179.

Проект отношения от 27 апреля 1846 г. генерал-губернатора Западной Сибири обер-прокурору Святейшего синода графу Протасову о содержании школ в приходах Березовского округа и принудительном наборе остяцких детей в школу. 2006 // История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск: [Б. и.], 170–171.

Рапорт священника обдорской Петропавловской церкви П.И. Попова Березовскому духовному правлению «О способах введения образования между инородцами». 1994 // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства 1822–1941 гг.): Сборник документов. Тюмень: Управление по делам архивов Администрации Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Тюменский областной центр документации новейшей истории, 28–29.

Рождественский С.В. 1902. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб.: Издание Министерства Народного Просвещения.

Сулоцкий А., прот. 1867. Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // Странник. № 1, 5–57.

Сулоцкий А., прот. 1867. Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // Странник. № 2. СПб.: Тип. духовного журнала, 65–94.

Устав духовных консисторий. 1841. СПб.: Синодальная типография.

Устав учебных заведений, подведомственных университетам. 2001 // Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв.: Хрестоматия. Т. 1. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 69–72.

Цысь В.В., Цысь О.Л. 2011. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск: Изд-во НВГУ.

Цысь О.П. 2017. К истории создания и упразднения Обдорской миссии в 20–30-х гг. XIX в. // Вестник угроведения 4, 158–167.

REFERENCES

- Abramov N.A.* 1868. In: Strannik [Pilgrim]. Vol.3. No. 8. Pt. 1 (1868): 63–93. (In Russian).
- Bazanov R. G.* Ocherki po istorii missionerskikh shkol na Krainem Severe: Tobol'skii Sever [Essays on the history of missionary schools in the Far North: Tobolsk North]. Leningrad: Institut narodov Severa im. P.G. Smidovicha Glavsevmorputi pri SNK SSSR, 1936. (In Russian).
- Belich I. V.* 1999. Istoriia stanovleniia uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdenii dlia detei narodov severa (na primere severnykh samodijtsev). [The history of the formation of educational institutions for children of the peoples of the North (on the example of northern Samoyedi): Thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences]. Tobol'sk, 1999. (In Russian).
- Glavatskaya E.M.* Religioznye traditsii khantov XVII–XX vv. [Religious traditions of the Khanty in 17th-20th centuries]. Ekaterinburg; Salekhard: RA ARTmedia, 2005. (In Russian).
- State Archives in Tobolsk. Fund I-191. Inventory 1. Case 1. (In Russian).
- Hieromonk Irinarkh.* Istoriia Obdorskoj Dukhovnoj missii (1854-1904) [History of Obdorsk Ecclesiastical Mission (1854-1904)]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy, 1906. (In Russian).
- Kozlov Z.* 1910. In: Shkol'nyi listok pri Tobol'skikh eparkhial'nykh vedomostiakh [School sheet at Tobolsk Diocesan Gazette]. No. 16 (1910): 121–126. (In Russian).
- Mavliutova G.Sh.* 2001. Missionerskaia deiatel'nost' Russkoj Pravoslavnoi tserkvi v Zapadnoi Sibiri (XIX–nachalo XX veka) [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in North-West Siberia (19th – the beginning of the 20th century)]. Tyumen': Izdatel'stvo Tiumenskogo gos. un-ta, 2001. (In Russian).
- Nosilov K.* In: Pravoslavnyi blagovestnik [Orthodox evangelist]. Moscow: Pechatnia A.I. Snegirevoi. Vol. 2. No. 12. (June). Bk. 2. (1898): 164–171. (In Russian).
- In: Istoriia Iugry v dokumentakh iz Tomsk (Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti) [History of Yugra in documents from Tomsk (State archive of the Tomsk region)]. Tomsk: [s.n.], 2006, pp. 165–167. (In Russian).
- The complete collection of the laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. III. No. 2502. (In Russian).
- The complete collection of the laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. VI. No. 4199. (In Russian).
- The complete collection of the laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XI. No. 9269. (In Russian).
- The complete collection of the laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XVII. No. 15794. (In Russian).
- The complete collection of the laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. XIX. No. 17828. (In Russian).
- In: Istoriia Iugry v dokumentakh iz Tomsk (Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti) [History of Yugra in documents from Tomsk (State archive of the Tomsk region)]. Tomsk: [s.n.], 2006, pp. 167–170. (In Russian).
- In: Istoriia Iugry v dokumentakh iz Tomsk (Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti) [History of Yugra in documents from Tomsk (State archive of the Tomsk region)]. Tomsk: [s.n.], 2006, pp. 171-179. (In Russian).
- In: Istoriia Iugry v dokumentakh iz Tomsk (Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti) [History of Yugra in documents from Tomsk (State archive of the Tomsk region)]. Tomsk: [s.n.], 2006, pp. 170–171. (In Russian).
- In: Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva 1822–1941 gg.): Sbornik dokumentov [The fate of the peoples of the Ob-Irtys North (From the history of the national State building in 1822-1941): Collection of documents]. Tyumen': Upravlenie po delam arkhivov Administratsii Tiumenskoi oblasti, Gosudarstvennyi arkhiv Tiumenskoi oblasti, Tiumenskii oblastnoi tsentr dokumentatsii noveishei istorii, 1994, pp. 28–29. (In Russian).
- Rozhdestvensky S.V.* Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (1802–1902) [Historical overview of the activities of the Ministry of Education (1802-1902)]. St. Petersburg: Izdanie Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya, 1902. (In Russian).
- Sulotskii A., archpriest.* In: Strannik [Pilgrim]. No. 1 (1867): 5–57. St. Petersburg: Tip. duhovnogo zhurnala (In Russian).
- Sulotskii A., archpriest.* In: Strannik [Pilgrim]. No. 2 (1867): 65-94. St. Petersburg: Tip. duhovnogo zhurnala (In Russian).
- Ustav dukhovnykh konsistorii [Charter of spiritual consistories]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1841. (In Russian).
- Ustav uchebnykh zavedenii, podvedomstvennykh universitetam // Shkola Tobol'skoi gubernii v XVIII – nachale XX vv [Charter of educational institutions subordinate to universities// School of Tobolsk Guberniya in the 18th-beginning of the 20th century: Reader]. Tyumen': Izd-vo "Vektor Buk", 2001. Vol. 1, pp.69–72. (In Russian).
- Tsys' V.V., Tsys' O.P.* Obrazovanie i prosveshchenie na Severe Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. [Education and enlightenment in the North of Western Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Nizhnevartovsk: Izd-vo NVGU, 2011. (In Russian).
- Tsys' O.P.* 2017. In: Vestnik ugrovedeniia [Vestnik Ugrovedenia]. No.4 (2017): 158–167. (In Russian).

V.V. Tsys'

Nizhnevartovsk, Russia

WORK OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND SECULAR AUTHORITY ON THE ORGANIZATION OF SCHOOLS FOR INDIGENOUS POPULATION OF TOBOLSK NORTH IN 1830–50s

Abstract. The purpose of the article is to study plans for the organization of school education for children of the indigenous population in the Tobolsk North in the epoch of Nicholas I, as well as the problems arising in the implementation of these plans. It has been noted that the interaction of spiritual and secular authorities played an important role in the dissemination of education in the region. It is pointed out that in school construction, there existed objective contradictions between secular authorities of various levels, as well as between the clergy and civilian officials in general. It is emphasized that the main executors of plans to create educational institutions for “inorodtsy” were church clergy and monks. The schools were organized and began their work mainly in the middle – second half of the 1840s. It is concluded that the reasons for the failure of the first attempts to create such educational institutions were as follows: lack of funding and trained teachers as well as the content of school syllabus that was not related to the daily needs of local population. Attention is drawn to the fact that some part of the clergy and officials were aware of possible ways for successful dissemination of education in the Tobolsk North, i.e. teaching in their native language, introducing practice-oriented disciplines into the syllabus, etc. Moreover, sedentarisation of nomadic and semi-nomadic population was pointed out as a necessary prerequisite for these plans. However, there were no relevant conditions for the implementation of such intentions at that time.

Key words: Tobolsk North; Russian Orthodox Church; Nicholas I; clergy; the Ostyaks; education and awareness; missionary work; school construction.

About the author: Valery Valentinovich Tsys', Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Цысь В.В. Деятельность Русской Православной церкви и светской власти по организации школ для коренного населения Тобольского Севера в 1830–50-х гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 60–67.

Tsys' V.V. Activity of Russian Orthodox church and secular authority on the organization of schools for indigenous population of Tobolsk North in 1830–50s // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 60–67.

УДК 93/94

О.П. Цысь
Нижневартовск, Россия

УЧАСТИЕ ДУХОВЕНСТВА ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В ПЕРЕВОДЕ «УСТАВА ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ» 1822 г.*

Аннотация. Целью статьи является реконструкция истории перевода духовенством Тобольского Севера на хантыйский и мансийский языки «Устава об управлении инородцев» (1822 г.) – важнейшего законодательного акта, определившего правовое, административное и социально-экономическое устройство коренных сибирских народов вплоть до начала XX в. В ходе исследования на основе архивных источников проведены анализ и сопоставление факторов, обеспечивавших перевод «Устава». Отмечается, что для осуществления намеченной работы гражданские власти Тобольской губернии вынуждены были обращаться к священнослужителям Березовского и Туринского округов, имевшим навыки практического владения языками и необходимый уровень образования. Указываются трудности, возникшие в процессе перевода. Среди них названы: разнообразие диалектов хантыйского и мансийского языков, затруднявших составление единого общеупотребительного алфавита; отсутствие методик перевода; недостаточная мотивированность духовенства в выполнении предписаний светской власти; нехватка специальных знаний и навыков у лиц, которым поручался перевод «Устава об управлении инородцев» и других нормативных актов. Решительные меры власти всех уровней дали возможность подготовить рукописи переводов «Устава». Делается вывод, что переводы позволили сделать коренное население Тобольского Севера не только объектом, но и субъектом ад-

---

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и Департамента образования и молодежной политики ХМАО – Югры № 18-49-86002.

министративно-правовых реформ М.М. Сперанского. Отмечаются заслуги в решении этой задачи духовенства, которое играло роль фактически отсутствовавшей в тот период в регионе интеллигенции.

Ключевые слова: «Устав об управлении инородцев»; Тобольский Север; остяки; вогулы; Русская Православная церковь; синодальный период; духовенство, перевод.

Сведения об авторе: Ольга Петровна Цысь, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, научный сотрудник лаборатории региональных исторических исследований.

Место работы: ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет».

Контактная информация: 628602, Ханты-Мансийский округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510, e-mail: roshist@mail.ru.

М.М. Сперанский в период своего сибирского генерал-губернаторства разработал знаменитый законодательный акт – «Устав об управлении инородцев» (1822 г.). Юридические нормы этого обширного документа впервые определяли правовое и экономическое положение отдельных групп «аборигенов» («оседлых», «кочевых», «бродячих»), включенных в сословную структуру Российской империи.

Шестидесятым параграфом «Устава» (Устав 1999: 89) предусматривалось, что закрепленные в нем права и обязанности инородцев будут «надлежащим образом внушены и объявлены» последним (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 417. Л. 1а об.; Из журнала 1999: 117). Для этого требовалось перевести соответствующие разделы документа на местные наречия (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 417. Л. 1а; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 1а).

Особое затруднение при выполнении данного пункта документа состояло в том, что его следовало реализовать и в отношении народов, не имевших собственной письменности. К их числу относились жители Тобольского Севера (в современных границах – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ) – остяки (ханты), вогулы (манси) и самоеды (ненцы).

В отечественной историографии рассматривались преимущественно вопросы, связанные с участием православного духовенства в переводе на инородческие языки отдельных христианских священных текстов (Белобородов 2017: 22; Лысенко 2014: 142–143; Сулоцкий 1883: 353–355; Щербич, Темплинг 2011: 143). Привлечение священно- и церковнослужителей к переводам законодательных актов до настоящего времени не привлекало внимания исследователей. Изучение данной темы позволит лучше понять место и роль Русской Православной церкви в управлении коренными народами Сибири, особенности ее взаимодействия с властью и обществом.

Для достижения поставленной цели автором привлечены документальные материалы, сосредоточенные в фонде Тобольской духовной консистории (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156) Госу-

дарственного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». В первую очередь, это переписка Тобольской духовной консистории с канцелярией губернатора и подведомственными учреждениями (Березовским духовным правлением, благочиниями), а также журналы заседаний Совета главного управления Западной Сибири.

Русская Православная церковь проделала большую работу по просвещению народов Сибири, изучению их языков. Можно без преувеличения сказать, что благодаря усилиям приходского духовенства, миссионеров был заложен фундамент изучения грамматики, создания письменности, словарей, школы для «аборигенов» Зауральского края.

Заботы по переводу положений «Устава» для коренного населения Березовского округа возлагались на Тобольское губернское и Березовское окружное начальство. С этой целью березовскому земскому исправнику П.А. Ершову было отправлено несколько экземпляров «Устава». Губернским советом рекомендовалось обратиться за помощью к местным русским старожилам – казакам, в первую очередь, к «переводчикам из тех же казаков», избрав «знающих до трех или четырех различных наречий» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 1а об. – 2).

Это распоряжение поступило в Березов, вероятно, уже зимой 1822–1823 гг. Однако, как сообщал в Тобольск березовский исправник, «опыты, несколько раз им произведенные, показали совершенную безнадежность в выполнении казаками предназначаемого поручения» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 2 об.). Казаки, по его словам, «хотя знают... языки инородцев, могут с ними иметь разговор и понимать их в простых и обыкновенных употребительных выражениях, но не могут учинить перевода [«Устава»] в точной силе», т. к. «не образованы и не обучены совершенно российскому языку» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 417. Л. 3; Оп. 11. Д. 152. Л. 1а об.).

Следует отметить, что до начала XIX в. на Тобольском Севере не имелось постоянно действующих образовательных учреждений. Лишь в 1818 г. здесь было открыто уездное училище.

Появление же сельских школ относится к 1840-м гг. (Цысь, Цысь 2011: 37). Минимальной грамотности, знания местных языков на бытовом уровне, разумеется, было недостаточно, чтобы перевести важнейший законодательный акт, определявший структуру, функции системы местного самоуправления вплоть до начала XX в. Такую задачу смогли бы выполнить, по мнению П.А. Ершова, только более образованные и вместе с тем владеющие не хуже казаков «наречиями» инородцев местные духовные лица во главе с благочинным протоиереем Иоанном Вергуновым. Отец автора «Конька-Горбунка» был глубоко верующим человеком, и у него сложились хорошие отношения с березовским духовенством. Не без участия П.А. Ершова протоиерея И.И. Вергунова в мае 1823 г. назначили смотрителем уездного училища в Березове, в котором учились и сыновья местного земского исправника (Березово 2008: 209).

Исполнявший должность гражданского губернатора¹ статский советник Д.С. Пасенко² в письме от 23 сентября 1823 г. архиепископу Тобольскому Амвросию (Рождественскому) обращался с просьбой «о дозволении заняться переводом прав иноверческих и некоторого из других положений, до инородцев относящихся» духовенству Березовского округа «по неимению виду других способов перевода устава о Инородцах» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 417. Л. 4 об. – 5). Указом 24 апреля 1824 г. Тобольская консистория (с согласия гражданского губернатора Александра Михайловича Тургенева) поручила реализацию этого предписания протоиерею И.И. Вергунову (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 4). Он, в свою очередь, должен был избрать себе помощников, «совершенно знающих наречия», и осуществить сей перевод «в слово в слово» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 4).

Протоиерей попросил выслать ему три печатных экземпляра «Устава», а также попытался обратить внимание на пестрый этнический состав населения Березовского округа, отметив, что переводы «должны делаться с русского на 1) остяцкий; 2) вогульский; 3) самоедский... и в сургутском же отделении должен быть перевод четвертого разговора (разряда), ибо там хотя остяцки говорят остяцким наречием, но весьма во многом не схожим с березовским» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 417. Л. 7 об.). Позднее, уже занимаясь переводами, священники

Березовского округа, стараясь донести до гражданской власти сложившуюся языковую ситуацию, обращали внимание на многообразие диалектных форм хантыйского языка, выделяя три его основных наречия: «низовское» (район нижнего течения Оби), «верховское» (территория от Сургута вверх по Оби) и Ляпинское (Приуралье) (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 42 об.).

Следует признать выбор, сделанный в пользу И.И. Вергунова, далеко не случайным. Еще в 1818 г. в Тобольске было создано отделение Российского Библиейского общества³, одной из основных целей которого являлся перевод текстов Священного Писания на языки народов России (Сулоцкий 2000: 585). Членами отделения являлись ключарь Тобольского кафедрального собора Петр Андреевич Фелицын⁴ и родившийся в «низовом крае», «служивший весь свой век на низу же, среди остяков», березовский благочинный Иоанн Иоаннович Вергунов (Сулоцкий 2000: 587). Первый в течение 1818–1821 гг. при содействии появившихся на свет и живших среди вогулов причетников братьев Поповых перевел на мансийский язык шесть молитв: «Царю Небесный», «Отче наш», «Богородице, Дево радуйся» и др.; Символ веры, заповеди Христовы, псалом «Помилуй меня, Боже», нравоучения «Буду благочестив», таблицу «О должностях христианина», «Священную историю для малолетних детей», краткий «Катехизис» митрополита Платона (Левшина) и все четыре Евангелия. Несколько раз с этими переводами П.А. Фелицын ездил по своему благочинию на Конду, собирая вогулов, читал переводы, а что инородцам казалось непонятным, исправлял, совершенствуя текст. Священники вогульских приходов переписывали эти переводы и читали их прихожанам по домам. По ходатайству Фелицына братья Поповы с Бронниковского были рукоположены в священники (Сулоцкий 2000: 587–588).

В свою очередь, И.И. Вергунов вместе со священником Федором Карповым в 1819 г. для просвещения язычников перевели на остяцкий язык Евангелие от Матфея и «Десятослов». Таким образом, и И.И. Вергунов, и П.А. Фелицын имели достаточно опыта и знаний, чтобы приступить к осуществлению задуманного перевода.

¹ Пост тобольского губернатора в 1821–1824 гг. занимал А.С. Осипов, с мая 1824 г. – А.М. Тургенев.

² Дмитрий Степанович Пасенко (1779–1846) был председателем Тобольской казенной палаты.

³ Архиепископом Тобольским и Сибирским Амвросием (Келембетом) в 1818 г. было открыто отделение религиозно-просветительского Российского Библиейского общества. Вице-президентами Тобольского отделения были назначены сам епархиальный архиерей и губернатор А.С. Осипов.

⁴ Петр Андреевич Фелицын (Смирнов) (1783–1879) – «благочинный низовских церквей», священник, а затем кафедральный протоиерей.

По замыслу реформы М.М. Сперанского сибирские народы требовалось просвещать, приобщать к государственному правопорядку и русской культуре; поставленные задачи местные власти – как духовные, так и светские – должны были решать сообща. Однако осуществление задуманного затянулось на долгие годы. За последующие пять лет дело не сдвинулось с мертвой точки. За это время сменился и губернатор, и епархиальный архиерей.

В марте 1829 г. новый глава гражданской администрации В.А. Нагибин опять обратился к архипастырю Евгению (Казанцеву) с просьбой отдать распоряжение о переводе «Устава», подобно тому, как в свое время это сделал покойный Амвросий (Рождественский) (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 2–2 об.). Аналогичное письмо преосвященный Евгений (Казанцев) получил от председателя Тобольского губернского правления П.И. Кирилова в мае 1831 г.: «Господин генерал-губернатор Западной Сибири заметил, что замедлился перевод узаконений для бродячих инородцев...» и попросил ускорить его подготовку, а также донести о достигнутых успехах (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 3–3 об.).

В чем причины продолжавшихся около семи лет безуспешных попыток перевести на языки коренных обитателей Тобольского Севера столь важные для них законодательные акты?

Во-первых, составление перевода текста положений «Устава» на языки березовских инородцев, по мнению Совета главного управления Западной Сибири, не могло быть реализовано при помощи самих народов Сибири, т. к. «русской грамоты они не знают», азбуки на родном языке не имеют. По отзывам переводчиков, трудностью оказался недостаточный словарный запас бесписьменных языков для составления, как было указано, перевода «в слово в слово», внятно и ясно. Опасались отступлений от оригинала и неверных толкований, которые могли исказить содержание «правительственных правил» (Митрофанов 2016: 200). Однако генерал-губернатор И.А. Вельяминов и члены Совета главного управления пришли к выводу, «что недостаток слов на остяцком самоедском языке не может быть столь велик, чтобы... перевод узаконений получил совершенно превратный смысл» (Митрофанов 2016: 199), а потому 60-й параграф «Устава» в любом случае необходимо исполнить.

Во-вторых, сам протоиерей И.И. Вергунов в переписке с архиереем Евгением (Казанцевым) ссылался на то, что он дважды встречался с губернатором и после бесед с ним пришел к выводу, что лишь распространение среди инородцев систематического школьного образования позво-

лит им усвоить основы правовой культуры. По окончании курса в Березовском уездном училище остяки «отправятся в свои в улусы» и доведут до соплеменников содержание «Устава». «Преподаваемая мысль г. губернатором и приостановила меня, – сообщал И. Вергунов, – в исполнении указа ТДК, а к тому же, не получая более от начальства предписания, полагал к тому, что переводы уже действительно не нужны» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 8 об.).

Подобное объяснение березовского благочинного выглядит по меньшей мере странным. Предложенный им вариант, с одной стороны, противоречил и содержанию 60-го параграфа «Устава», и распоряжению епархиального начальства, а с другой – откладывал решение проблемы на неопределенное будущее. Его ответ следует признать не более чем малоубедительной отпиской. На самом деле, как нам представляется, мотивы о. Иоанна могли быть совершенно иными. На его настроении сказалась судьба перевода на остяцкий язык Евангелия от Матфея и некоторых молитв, выполненного в конце 1810-х гг. (Сулоцкий 2000: 587). Тексты отправили в Св. Синод, оттуда – в духовную цензуру, где они были признаны неудовлетворительными. Их забраковал известный лингвист Г.П. Павский – уроженец Петербургской губернии, который не знал вогульского и остяцкого языков, хотя владел финским⁵. Ряд замечаний был сделан членом духовно-цензурного комитета архимандритом Поликарпом (Главацкая 2005: 271). Такая же судьба постигла и переводы на вогульский язык протоиерея П.А. Фелицина. Св. Синод потребовал исправления текстов, но и И.И. Вергунов, и П.А. Фелицын от дальнейшей работы отказались. Из-за этого, как отмечал И.А. Сулоцкий, их труды не были напечатаны и остались неизвестными, «погибли навсегда»⁶ (Сулоцкий 1883: 354–355).

В-третьих, вся переводческая деятельность совершенно не оплачивалась, ложась дополнительной нагрузкой на и без того обремененное различными обязанностями духовенство. Ожидать в таких условиях особого рвения от березовского протоиерея вряд ли было возможно.

Губернское управление, реализуя распоряжение генерал-губернатора, в 1831 г. поставило в очередной раз перед епархиальной властью задачу поиска духовных лиц, знающих языки инородцев Обь-Иртышского Севера и способных осуществить перевод. Помимо И.И. Вергунова к этой

⁵ Павский Герасим Петрович (1787–1863) – священник, филолог, экзегет, переводчик Библии, основоположник Русской библейской исторической школы.

⁶ В настоящее время тексты переводов хранятся в собрании Государственного исторического музея в составе собрания Е.В. Барсова.

работе решено было привлечь и П.А. Фелицына, как уже отмечалось, знавшего вогульский язык.

В «Записке» П.И. Кирилова, направленной в духовную консисторию, перечисляются документы или их части, которые включались в перечень обязательного перевода: «во всей полноте» – «Устав об управлении инородцев» (ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29126) и «Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных сословий»; параграфы 143–157 «Учреждения для управления Сибирских губерний» (ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29125), которые содержали общую характеристику административно-управленческой структуры сибирских «аборигенов», государственного контроля; параграфы 1–7, 11, 35–52 «Положения о казенных хлебных запасных магазинах» (ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29133), раскрывавшие порядок выдачи казенного хлеба «в кочевьях инородцев» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 20–21). Таким образом, объем работы значительно расширился. Однако пока губернские и епархиальные канцелярии вели переписку по поиску возможных кандидатов, способных осуществить перевод с хантыйского и ненецкого языков (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 18–19, 22–22 об., 28), П.А. Фелицын уже в феврале 1832 г. отчитался о первых результатах своих трудов (ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 24–24 об.). Этому успеху в немалой степени способствовало прежнее двадцатилетнее служение Петра Андреевича благочинным среди новокрещённых вогулов Пелымского края и, по замечанию А.И. Сулоцкого, «природная даровитость» при изучении разговорного языка местных жителей. Помощником П.А. Фелицына на этот раз выступил диакон Иван Рычков, родившийся в с. Верхне-Пелымском, проживший среди вогулов 39 лет и в совершенстве знавший их язык.

В июне 1834 г. работа была полностью завершена. К представленному на имя преосвященного Афанасия (Протопопова) рапорте П.А. Фелицын приложил текст на вогульском языке на 76 листах для дальнейшей передачи в губернское правление (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 55). Предварительно он дважды за казенный счет выезжал в Туринский округ для того, чтобы «поверить» перевод среди вогулов Пелымской и Верхне-Пелымской волос-

тей (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 33, 34, 35, 48–49, 51 об.). Сведения о правах инородцев, изложенные на мансийском языке, были, согласно рапорту протоиерея П.А. Фелицына, встречены жителями Верхне-Пелымской волости «с великой радостью сердца и величайшей благодарностью к монарху», реакция вогулов свидетельствовала о доступности и понятности составленного текста (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 55 об.).

Тяжёлые обязанности для «первоприсутствующего» в березовском духовном правлении И.И. Вергунова стали, возможно, одной из причин его решения об оставлении прежнего места службы и переезде в Псковскую епархию (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 31). Замену И.И. Вергунову найти оказалось непросто. Председатель Тобольского губернского Совета А.Н. Муравьев предложил в 1833 г. архиерею новых исполнителей, «знающих наречие остяков», – вновь назначенного березовского благочинного Н. Кайдалова и священника кушеватского прихода Бешкильцева (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 42–42 об.). Вновь потянулись месяцы переписки, из которой выяснилось, что настоятель кушеватской Троицкой церкви не может участвовать в работе из-за малограмотности и «слабости глаз», а Н. Кайдалов – «по неосновательному знанию их [остяков] разнообразных наречий» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 45, 50 об. – 51). Для того, чтобы ускорить выполнение перевода, генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов в феврале 1834 г. передал в Тобольскую духовную консисторию ассигнацию достоинством в 100 руб., предназначенную тому, кто согласится стать переводчиком (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 51 об., 70).

Наконец, в качестве помощника для Н. Кайдалова появилась кандидатура священника градо-Березовской Воскресенской церкви Луки Вологодского⁷ (Мавлютова 2001: 91). Это был хорошо знавший остяцкий язык уроженец Березовского округа, получивший образование в Тобольской духовной семинарии и в 1831–1833 гг. занимавший должность помощника настоятеля Обдорской миссии. Совместными усилиями Л. Вологодский и Н. Кайдалов приступили к работе в октябре 1834 г. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 63). В сентябре 1835 г. на ра-

⁷ С 1837 г. миссионер Лука Вологодский занимался составлением хантыйского словаря и азбуки, переводом символа веры, молитв и заповедей. Созданные им труды были направлены в Св. Синод и оттуда – в Академию наук. Академик А.М. Шегрен высказал автору «совершенную признательность», однако посчитал необходимым сделать ряд серьезных замечаний и пожеланий, направленных на совершенствование словаря. Л. Вологодский попытался эти пожелания учесть, но А.М. Шегрен потребовал от него дополнительных исправлений и изменений, после чего священник отказался от продолжения работы.

порте Н. Кайдалова о представлении им выполненных переводов «Уставов» на остяцком языке преосвященный начертал следующую резолюцию: «Перевод препроводить при отношении к генерал-губернатору, а трудившимся разделить деньги, назначенные в награду за труды» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 67, 68). В ответном письме благочинный Н. Кайдалов отказался от вознаграждения, сообщил об отправке денег назад, в консисторию, объясняя следующим образом свой поступок: работал не из корысти, а «исправляя с благоволением волю нашего архипастыря» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 68–68 об.). Интересно, что распоряжением архиерея деньги, выделенные генерал-губернатором Западной Сибири, Тобольская консистория ему же и возвратила в

январе 1837 г. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 70 об.).

Несмотря на все сложности, законодательные акты, определявшие правовой статус инородцев, были переведены. Это позволило выполнить требование 60-го параграфа «Устава», а также сделать коренное население Тобольского Севера не только объектом, но и субъектом административно-правовых реформ М.М. Сперанского.

Одну из основных ролей в решении этой задачи играло местное духовенство, которое исполняло функции фактически отсутствовавшей в тот период на Севере Западной Сибири интеллигенции. К тому же это был недооцененный последующими лингвистами опыт создания текстов на языках народов, не имевших собственной письменности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГУТО ГА в г. Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

ТДК – Тобольская духовная консистория

ЛИТЕРАТУРА

Белобородов В.К. 2017. Русские старожилы Сургутского края: последняя книга очерков. Ханты-Мансийск: Принт-Класс.

Березово (Очерки истории с древности до наших дней). 2008 / Редин Д.А. (отв. ред.). Екатеринбург: ИД «Сократ».

Главацкая Е.М. 2005. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 417.

ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152.

Из журнала совета общего Тобольского губернского управления о разделении инородцев Тобольской губернии на разряды и введении у них порядков управления в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 года. 1999 // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов / Конев А.Ю. (ред.-сост.). Тюмень, 111–117.

Лысенко Н.А. 2014. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях Русской православной церкви второй половины XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Мавлютова Г. М. 2001. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та.

Митрофанов В.В. 2016. Очерки по истории Тобольска, Березова и Сургута в XIX веке: Монография. Екатеринбург: ФОРТ ДИАЛОГ – Исеть.

ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29125.

ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29126.

ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29133.

Сулоцкий А.И. 1883. Протоиерей Петр Андреевич Фелицын // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 17, 352–362.

Сулоцкий А.И. 2000. Архиепископ тобольский Амвросий (Келембет) // Сочинения: В 3 т. Т. 2: О сибирском духовенстве / Чупин В.А. (ред.). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики., 555–616.

Устав об управлении инородцев 1822 г. 1999 // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов / Конев А.Ю. (ред.-сост.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 85–111.

Цысь В.В., Цысь О.П. 2011. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та.

Щербич С. Н., Темплинг В.Я. 2011. П.А. Попов – основатель Обдорской миссии // Православие и русская культура: прошлое и современность: Материалы международной научной конференции (г. Тобольск, 19–21 мая 2011 г.) / Кибардина Т.А., Никитина Т.Ю. (отв. ред.). Тобольск: Славянский печатный дом, 140–145.

REFERENCES

- Beloborodov V.K.* Russkie starozhily Surgutskogo kraia: poslednyaya kniga ocherkov [Russian old-timers of the Surgut region: the last book of essays]. Khanty-Mansiysk: Print-Klass, 2017. (In Russian).
- Berezovo (Ocherki istorii s drevnosti do nashikh dnei) [Berezovo (Essays on history from antiquity to the present day) / Editor in chief D.A. Redin]. Ekaterinburg: ID “Sokrat”, 2008. (In Russian).
- Glavatskaya E.M.* Religioznye traditsii khantov XVII–XX vv. [Religious traditions of the Khanty in 17th–20th centuries]. Ekaterinburg: Salekhard: RA ARTmedia, 2005. (In Russian).
- State Archives in Tobolsk. Fund I-156. Inventory 10. Case 417. (In Russian).
- State Archives in Tobolsk. Fund I-156. Inventory 11. Case 152. (In Russian).
- In: Soslovno-pravovoe polozhenie i administrativnoe ustroistvo korennykh narodov Severo-Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo XX veka): Sbornik pravovykh aktov i dokumentov [Socio-legal status and administrative structure of the indigenous peoples of North-Western Siberia (end of the 16th–beginning of the 20th century): Collection of legislative acts and documents/ Editor and compiler A.Yu. Konev]. Tyumen', 1999, pp. 111–117. (In Russian).
- Lysenko N.A.* Ideal sibirskogo sviashchennika-missionera v ofitsial'nykh periodicheskikh izdaniiah Russkoi pravoslavnoi tserkvi vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [The ideal of the Siberian priest-missionary in the official periodicals of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th – early 20th century: Thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Novosibirsk, 2014. (In Russian).
- Mavliutova G.M.* Missionerskaia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi tserkvi v Zapadnoi Sibiri (XIX – nachalo XX veka) [Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia (19th–early 20th century)]. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta, 2001. (In Russian).
- Mitrofanov V.V.* Ocherki po istorii Tobol'ska, Berezova i Surguta v XIX veke: monografiia [Essays on the history of Tobolsk, Berezov and Surgut in the 19th century: Monograph]. Ekaterinburg: FORT DIALOG – Iset', 2016. (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 38. No. 29125. (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 38. Mo. 29126. (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 38. № 29133. (In Russian).
- Sulotskii A.I.* Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofits. [Tobolsk diocesan statements. Unofficial department]. No.17 (1883): 352–362. (In Russian).
- Sulotskii A.I.* Arkhiepiskop tobol'skii Amvrosii (Kelembet) // Sochineniya: v 3 t. T. 2: O sibirskom duhovestve [Archbishop of Tobol Ambrose (Kelembet) // Writings: in 3 vol. Vol. 2: About Siberian clergy] / Chupina V.A. (ed.). Tyumen': Izd-vo Iu. Mandriki, 2000, pp.555–616. (In Russian).
- Ustav ob upravlenii inorodtsev 1822 g. // Soslovno-pravovoe polozhenie i administrativnoe ustroistvo korennykh narodov Severo-Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo XX veka): Sbornik pravovykh aktov i dokumentov / Red.-sost. A.Yu. Konev [Charter on the governance of the indigenous peoples, 1822 // Socio-legal status and administrative structure of the indigenous peoples of North-Western Siberia (end of the 16th–beginning of the 20th century): Collection of legislative acts and documents/ Editor and compiler A.Yu. Konev]. Tyumen': IPOS SO RAN, 1999, pp. 85–111. (In Russian).
- Tsys' V.V., Tsys' O.P.* Obrazovanie i prosveshchenie na Severe Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. [Education and enlightenment in the North of Western Siberia in the 19th – early 20th century.] Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 2011. (In Russian).
- Shcherbich S.N., Templing V.Ia.* In: Pravoslavie i russkaia kul'tura: proshloe i sovremennost': Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii (g.Tobol'sk, 19–21 maia 2011 g.) [Orthodoxy and Russian culture: past and present: Proceedings of the international scientific conference (Tobolsk, May 19-21, 2011)] / Kibardina T.A., Nikitin T.Yu. (ed.). Tobol'sk: Slavianskii pechatnyi dom, 2011, pp.140–145. (In Russian).

PARTICIPATION OF THE TOBOLSKY NORTH CLERGY IN THE TRANSLATION OF THE "STATUTE ON MANAGEMENT OF INORODTSY", 1822

Abstract. The purpose of the article is to reconstruct the history of translation of the "Statute on management of inorodtsy" (1822) into the Khanty and Mansi languages. The "Statute" was the most important legislative act that defined the legal, administrative and socioeconomic communities of the indigenous peoples of Siberia until early 20th century. In the course of the research, based on the archives, an analysis and comparison of the factors ensuring the translation of the "Statute" were carried out. It is stated that for the implementation of the planned work, the civil authorities of the Tobolsk province had to turn for help to the clerics of Berezovsky and Turin districts, who had practical languages skills and the necessary level of education. The author points to the difficulties occurred during the process of translation. Among them are such as a variety of dialects of the Khanty and Mansi languages which made it difficult to compile a single common alphabet; lack of translation techniques; insufficient motivation of the clergy for the compliance with the secular power regulations; lack of specific knowledge and skills among individuals implementing the translation of the "Statute on management of inorodtsy" and other normative acts. The decisive measures of the authorities at all levels made it possible to prepare manuscripts of the "Statute" translations. It is concluded that the translations made it possible to make the indigenous population of the Tobolsk North not only an object, but also a subject of the administrative and legal reforms of M.M. Speransky. Note is also taken of the role of the clergy in this task, which played the part of intelligentsia that actually did not exist in the region at that time.

Key words: "Statute on management of inorodtsy"; the Tobolsky North; the Ostyaks; the Voguls; Russian Orthodox Church; Synodal period; clergy; translation.

About the author: Olga Petrovna Tsys', Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department Russian History, Research Scientist at the Laboratory of Regional Historical Research.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Цысь О.П. Участие духовенства Тобольского Севера в переводе «Устава об управлении инородцев» 1822 г. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 67–74.

Tsys' O.P. Participation of the Tobolsky North clergy in the translation of the "Statute on the management of inorodtsy", 1822. // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 67–74.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 93/94

*Ако Овусу-Ампау Максвелл, С.А. Бокерия
Москва, Россия*

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГАНОЙ И РОССИЕЙ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы и особенности взаимоотношения между Республикой Гана и Российской Федерацией. Предметом исследования являются отношения, существующие между Россией и Ганой. Объектом исследования стала природа отношений в течение трех основных временных периодов. В статье особое внимание будет уделено отношениям между Ганой и Россией со времени обретения Ганой независимости до падения Кваме Нкрумы, нестабильному периоду сменяющих друг друга военных переворотов и отношениям между двумя странами в период с 1992 г. по настоящее время. Москва рассматривает Республику Гана как надежного, проверенного временем партнера, особенно по международным вопросам. Исследование было основано на развитии отношений между Ганой и Россией в период с 1957 по 2017 г. и доказывает, что Гана и Россия на протяжении долгих лет находятся в дружественных отношениях и обладают высоким потенциалом расширения взаимовыгодного двустороннего сотрудничества по широкому кругу вопросов. Цель исследования – повысить уровень знаний относительно отношений России с Ганой и африканским континентом в целом. Исследование показывает, что укрепление сотрудничества между Ганой и Россией может иметь очень высокие перспективы для обеих стран в будущем.

Ключевые слова: Гана; Россия; Советский Союз; антиколониализм; развитие; партнерство; отношение; политические отношения; международные организации; политический диалог.

Сведения об авторах: Светлана Александровна Бокерия¹, доцент кафедры теории и истории международных отношений (ТИМО), Ако Овусу-Ампау Максвелл², аспирант кафедры теории и истории международных отношений (ТИМО).

Место работы: ^{1,2}Российский университет дружбы народов (РУДН).

Контактная информация: ^{1,2}117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; тел.: 8(963)691-59-96; e-mail: maxjordangroup@hotmail.com, e-mail: bokeria_sa@pfur.ru.

От независимости к свержению Нкрумы: преобразование в социализм.

Отношения Ганы с Советским Союзом носили различный характер в разные периоды. В 1957 г. советская делегация во главе с государственным министром И.А. Бенедиктом посетила торжественную церемонию декларации независимости Ганы. Две страны установили дипломатические отношения 14 января 1958 г. Вскоре после этого, в 1959 г., было создано советское посольство в Аккре, а в 1960 г. – посольство Ганы в Москве.

Основа взаимовыгодных отношений была заложена в 1960 г., когда две страны подписали соглашения о торгово-экономическом и культурном сотрудничестве продолжительностью в 5 лет.

В феврале 1961 г. советская делегация во главе с Леонидом Брежневым посетила Гану, а летом 1961 г. делегация Ганы во главе с Кваме Нкрума посетила СССР. В ходе визита обе страны приняли соглашение о культурных и академических связях.

В этот период сложились отношения между общественными организациями двух стран; производился живой обмен художниками, писателя-

ми, спортсменами и академическими работниками. Советский культурный центр в Гане организовал курсы русского языка, в которых участвовало несколько сотен студентов.

Отношения между правительством Хрущева и правительством Ганы во главе с одним из лидеров борьбы за независимость Кваме Нкрума были не всегда простыми. Однако позже они оказались дружественными и плодотворными для обеих сторон. СССР не мог принять политику антиколониализма Нкрумы, существующую бок о бок с его выраженной верой в Великобританию и Британское Содружество – институт, который Советский Союз рассматривал как средство британского империализма.

К. Нкрума боролся за право всех колониальных людей контролировать свои собственные дела и право всех колоний быть свободными от внешнего иностранного контроля, политического или экономического. Книги Нкрума, такие как «На пути к колониальной свободе» (1962), «Неоколониализм, последний этап империализма» (1965) и другие, стали образцом для многих борцов за свободу, особенно в Южной Африке, в пе-

риод деколонизации Африки (Thompson 1969: 287–291).

СССР поддерживал большинство политических инициатив Нкрумы. Правительство Нкрумы организовало две крупные конференции, посвященные усилиям по деколонизации. Первой была Конференция независимых африканских государств в Аккре в 1958 г., на которой был представлен Советский Союз. Затем последовала первая Всеафриканская народная конференция в 1958 г., на которую СССР также направил небольшую делегацию.

В 1962 г. Нкрума организовал международную конференцию «Мир без бомб» в рамках инициативы мира во всем мире, в которой также принимала участие советская делегация. В 1962 г. Нкрума был награжден Международной Ленинской премией за усилия в борьбе за мир.

Сотрудничество с СССР стало значительным фактором развития ганской промышленности. Советский Союз помог недавно деколонизированной стране создать необходимую инфраструктуру: завод по переработке драгоценных металлов в Тарква, интегрированный домостроительный завод в Аккре, рыболовный флот и рыбоперерабатывающий завод и т. д. Советские организации выполнили проектные работы по строительству Буйской гидроэлектростанции. Они также помогали строить дома, учебные центры (например, университет Легона) и больницы (например, в Кумаси). Советские геологи помогли Гане найти месторождения золота, известняка, марганца и фосфоритов.

В феврале 1961 г. Гана и СССР подписали соглашение о сотрудничестве в области мирного освоения ядерной энергии, в соответствии с которым СССР помог Гане создать ядерный реактор в исследовательских целях и лабораторию изотопов в университете Ганы (Легон), с целью подготовки научных кадров для ядерных исследований.

Сотни советских специалистов – геологов, инженеров, врачей и учителей – работали в Гане в 1960-х гг. Производился обмен военными делегациями. В 1970-х гг. советские специалисты проводили работы по поиску нефти в регионе Вольта. С 1961 г. советское правительство также оказывало существенную помощь в обучении ганских национальных кадров. В то время более 2 000 человек получили образование в Советском Союзе, а около 1 000 учеников обучались в советских школах более чем в сорока городах СССР (Bentsi-Enchill 1988: 12).

В 1960-х гг. СССР предоставил 23 займа для Ганы на сумму 53 млн долларов. С 1982 по 1987 гг. СССР выдал Гане кредиты и подарки в размере 19 млн долларов. В 1961 г. было создано советско-ганское Общество дружбы. В 1962 г. в

Аккре состоялась советская торгово-промышленная выставка (Thompson 1969: 283–287).

К сожалению, сотрудничество между Ганой и СССР буквально остановилось после военного переворота в Гане в 1966 г. и политической кончины Кваме Нкрума. Поддерживаемый ЦРУ переворот в Гане был частью конфликта и произошел потому, что президент Нкрума считался союзником Советского Союза и Восточной Европы.

Этот период стал пиком влияния СССР в Гане. Гана стремилась поддержать идею научного социализма Советского Союза. СССР дала Нкруме то, что должно было помочь ему в его мечте объединить Африку.

Переходный период: изоляция от Советского Союза.

После свержения Нкрумы в Гане последовал переходный период с несколькими последовательными режимами. В стране правили: Совет национального освобождения под председательством генерал-лейтенанта Дж.А. Анкра (1966–1969), доктор Кофи Абрефа Бусия (1969–1972), полковник Ачеампонг, председатель Национального совета спасения (СРН) (1972–1978), генерал Фредерик Акуффо (1978–1979) и доктор Хилла Лиманн (1979–1981). Эти режимы почти изолировали себя от Советского Союза и Восточной Европы. Их внешняя политика была направлена к западным державам.

После прихода к власти Национального совета освобождения в 1966 г. (до 1969 г.) техническое и экономическое сотрудничество было заморожено, воздушные связи между Москвой и Аккрой были прерваны, а торговля сократилась. Отношения с социалистическими странами также были прерваны.

Правительство премьер-министра Бусия (1969–1972 гг.) не помешало возобновлению связей между организациями гражданского общества двух стран, включая Общество дружбы между Ганой и СССР. В 1970 г. было заключено соглашение о культурном сотрудничестве.

При правительстве Национального совета спасения (1972–1978 гг.) технико-экономическое сотрудничество и торговые отношения между двумя странами начали восстанавливаться, а отношения Ганы с социалистическими странами нормализовались. 28 октября 1976 г. в Аккре было подписано новое торговое соглашение между СССР и Ганой.

В 1976 г. было восстановлено прямое воздушное сообщение между Москвой и Аккрой, а в июне 1978 г. стороны подписали соглашение о морском судоходстве. Начиная с 1973 г. ганцы снова получили возможность учиться в СССР. Появилась Ассоциация выпускников советских высших учебных заведений. В 1975 г. была

возобновлена деятельность советского культурного центра. Однако отношения во второй половине 1970-х гг. были не такими близкими, как раньше. При правительстве генерала Акуффо отношений между СССР и Ганой почти не существовало.

Ситуация изменилась только после создания Временного совета национальной обороны (PNDC) во главе с Джерри Ролингом, который пришел к власти в 1981 г. Джерри Джон Ролинг был военным лидером Ганы после переворота 31 декабря 1981 г. и до перехода в конституционное правительство в 1992 г. 4 июня 1979 г. он совершил переворот, который сверг режим генерала Фридриха Акуффо, который, в свою очередь, сверг своего предшественника, генерала Ачеампонг (Bentsi-Enchill 1988: 17).

В Аккре 28 октября 1976 г. было подписано торговое соглашение между СССР и Республикой Гана. В этот документ были внесены поправки в ноябре 2007 г.

После переворота 1979 г. Ролинг сделал страну конституционной, что привело к власти Лиманна. Тем не менее, Ролинг организовал еще один переворот, чтобы свергнуть Лиманна в 1981 г. Ролинг был новым явлением в Западной Африке: молодой и лихой, он достиг огромной популярности, когда в 1979 г. уничтожил старый коррумпированный порядок. Он критиковал политическое и экономическое банкротство старого режима, став представителем нового радикального популизма (Adedeji 2001).

Революция 1979 г. привела страну к почти полной изоляции в сфере внешней политики, когда западные государства и почти все африканские государства прекратили свои торговые отношения с Ганой. После того, как правительство Лиманна пришло к власти, отношения с западными и африканскими государствами начали нормализовываться. Однако при правительстве Временного совета национальной обороны (1982–1983 гг.) они снова ухудшились. В 1983 г. отношения Ганы с африканскими государствами начали улучшаться, поскольку Гана начала поддерживать мирное урегулирование межафриканских проблем и проявила поддержку мирным инициативам СССР.

Новый режим, возглавляемый Ролингом, стремился восстановить дружеские отношения и развивать многостороннее сотрудничество с Советским Союзом. Стороны договорились установить политические контакты и обмениваться мнениями по важнейшим международным вопросам. В 1980-х гг. СССР продолжал оказывать помощь в развитии горнодобывающего и обрабатывающего секторов промышленности Ганы.

После того, как Временный совет национальной обороны (PNDC) во главе с Джерри Ролингом пришел к власти, в декабре 1982 г. СССР и Гана подписали соглашение о техническом и экономическом сотрудничестве (Bentsi-Enchill 1988: 17). В соответствии с этим соглашением советские специалисты провели исследование и подготовили технико-экономическое обоснование для строительства Буйской гидроэлектростанции, оказали помощь в создании среднего профессионального техникума в Теме и нефтеперерабатывающего завода в Таркве.

Конституционная Гана и период после распада Советского Союза: многогранные и более глубокие отношения.

В апреле 1991 г. заместитель министра иностранных дел СССР А. Пиотровский посетил Гану. В октябре 1991 г. был подписан протокол о сотрудничестве между советским кондитерским заводом «Красный Октябрь» и частной ганской фирмой в Секонди Такоради.

После распада советской империи Россия неуклонно проявляла интерес во многих сферах в Гане, начиная от политических консультаций и делового и экономического сотрудничества и заканчивая культурой. Особое внимание в России уделялось углублению торгово-инвестиционного сотрудничества с Ганой.

Отрадно, что многие российские компании, осознавая перспективы, открывающиеся на большом рынке страны, активно работали в таких областях, как ядерная энергетика, углеводородная и металлургическая отрасли. Россия также проводила политику, направленную на укрепление многоплановых связей со странами континента на двусторонней и многосторонней основе (Leith, Lofchie 1993).

В 1990-е гг. Гане удалось плавно перейти от военного к демократическому режиму и провести реформы рыночной экономики с помощью МВФ и Всемирного банка. Новая конституция Ганы, восстанавливающая многопартийную системную политику, была обнародована на президентских выборах в Гане в 1992 г. Тогда Ролинг был избран президентом Ганы, а затем – на всеобщих выборах в 1996 году.

Начиная с 2000 г. Гана стала региональной державой в Западной Африке из-за ее растущего экономического процветания и демократической политической системы. Джон Агикум Куфуор из Новой патриотической партии (NPP) выиграл выборы в Гане в 2000 г. и повторил свой успех на выборах 2004 г., находясь на посту два срока подряд. В результате выборов 2008 г. президентом стал Джон Атта Миллс (NDC). После его смерти вице-президент Ганы Джон Драмани Махама заменил его 24 июля 2012 г. После президентских

выборов в Гане в 2012 г. Махама стал 12-м президентом Ганы. Он правил страной до 7 января 2017 г.

Гана является одним из крупнейших в мире производителей золота и какао (второй по величине производитель какао в мире в 2016 г.) (Правительство Ганы 2016). Экономика Ганы сильно привязана к таким товарам, как какао, золото и нефть, которые являются тремя основными источниками дохода и иностранной валюты. Ценовые колебания этих трех ресурсов, увеличение расходов на заработную плату в государственном секторе, дефицит электроэнергии и другие внешние факторы в совокупности замедляют темпы развития страны в последние годы (Oxford Business Group 2016). Ожидается, что новые морские нефтегазовые месторождения ускорят экономический рост. Гана имеет один из самых высоких ВВП на душу населения в Западной Африке. Гана является одним из так называемых «африканских львов», а также членом Движения неприсоединения, Африканского союза, Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) и Группы 24 (G24).

Гана и Россия поддерживают традиционно дружественные двусторонние отношения. Более того, подход Ганы и России к решению основных глобальных проблем аналогичен или совпадает. В 2006 г. президент Ганы Джон Агикум Куфуор выразил удовлетворение в связи с существенным улучшением отношений между Ганой и Россией, отметив, что две страны успешно сотрудничают в Совете Безопасности ООН и на двустороннем и международном фронтах.

В июне 2003 г. делегация Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации во главе с заместителем Председателя Государственной Думы А. Чилингаровым посетила Гану. В июне 2004 г. делегация парламента Ганы во главе со спикером парламента Питером Аетей посетила Россию. В целях содействия развитию двустороннего сотрудничества в экономическом секторе в мае 2003 г. была создана гано-российская торговая палата. В декабре 2003 г. для развития межпарламентских связей была создана гано-российская парламентская группа.

В июне 2007 г. во время саммита G8 в Хайлигендамме (Германия) состоялась встреча президента России Владимира Путина с президентом Ганы Джоном Куфуором. В июле 2007 г. тогдашний министр иностранных дел и президент Ганы Нана Акуфо-Аддо находился с рабочим визитом в Москве. После переговоров с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым был подписан протокол о консультациях между министерствами иностранных дел двух стран.

В сентябре 2009 г. в Нью-Йорке во время рабочего обеда Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна президент Ганы Джон Атта Миллс пригласил президента России Дмитрия Медведева посетить Гану с официальным визитом. В свою очередь, президент России также пригласил своего ганского коллегу в Москву.

В феврале 2013 г. заместитель министра иностранных дел России Михаил Богданов прибыл с рабочим визитом в Гану. Он обсудил с президентом Ганы Джоном Махамом Драмани состояние и перспективы продвижения всего комплекса российско-ганских отношений. Ганская сторона вновь заявила о своей заинтересованности в дальнейшем расширении торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества и в привлечении российских инвестиций в области транспорта, энергетики, сельского хозяйства и горнодобывающего сектора.

В августе 2013 г. министр иностранных дел Ганы Ханна Теттэ посетила Россию с рабочим визитом и провела переговоры со своим российским коллегой Сергеем Лавровым. Они обсудили целый комплекс двусторонних отношений, в первую очередь, сотрудничество в торгово-экономической сфере с акцентом на топливно-энергетический вектор взаимодействия. Они также обсудили меры по укреплению правовой основы отношений и перспективы расширения контактов в сферах науки и образования, проблемы разрешения конфликтов в Африке. В последние годы созданы благоприятные условия для развития российско-ганских торгово-экономических отношений (МИД РФ 2013).

По состоянию на 2012 г., согласно данным Торгово-инвестиционной палаты Ганы, в Гане было зарегистрировано 12 коммерческих структур, которые управлялись и организовывались российскими предпринимателями. Эти компании работали главным образом в сфере добычи золота и торговли.

Сотрудничество между Россией и Ганой в энергетическом и горнодобывающем секторах очень активно. С 2007 г. «ЛУКОЙЛ Оверсиз» вошел в консорциум компаний с «Vanco Ghana Ltd.» и «Национальной нефтяной корпорацией Ганы» для реализации проекта по поиску месторождений нефти и газа в Cape Three Points Deep Water (CTPDW) Ганы. В феврале 2010 г. президент «ЛУКОЙЛа» В. Алекперов и бывший президент Ганы Дж.Э.А. Миллс совместно объявили об открытии коммерческих запасов углеводородов в столице Ганы Аккре.

В октябре 2014 г. в Москве прошло первое заседание российско-ганской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Стороны догово-

рились о реализации совместных проектов в таких областях, как энергетика, управление недрами, геологоразведка, транспорт, промышленность, сельское хозяйство, образование, здравоохранение и т. д.

Весной 2016 г. посольство Ганы в Москве организовало симпозиум, в котором приняли участие дипломаты, видные международные трейдеры и аналитики, а также граждане Ганы, проживающие в Российской Федерации. Симпозиум был частью празднования Дня независимости в Москве. Заседание проходило под председательством Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Гана в Российской Федерации Коджо Кпоку Алабо.

Сотрудничество двух стран также развивается в области ядерной энергетики. В ходе переговоров в ноябре 2011 г. в Москве был подписан меморандум между «Росатомом» и Министерством энергетики и нефти Ганы, в котором стороны договорились о строительстве атомных электростанций в мирных целях в Гане с помощью «Росатома». В сентябре 2015 г. вступило в силу соглашение между Россией и Ганой о сотрудничестве в области ядерной энергии в мирных целях.

Компания «Техно-Никол» – один из крупнейших производителей строительных материалов в России – открыла в Теме (свободная экономическая зона Ганы) склад временного хранения своей продукции, чтобы поставлять строительные материалы на местный рынок и в Западно-Африканский регион.

Россия и Гана также развивают свое сотрудничество в области безопасности. В начале 2005 г. министерство обороны Ганы купило четыре новых вертолета из России.

Россия также участвовала в оснащении вооруженных сил Ганы, чтобы страна могла защищать свою территориальную целостность. В результате специальных переговоров, начатых в 2006 г., Россия создала в Гане авиационный учебный центр для подготовки военных кадров. Российские вертолеты Ми-17, поставляемые в ганскую армию, использовались для поддержки миротворческих операций, проведения медицинской эвакуации, поисково-спасательных операций и движения войск. Российские эксперты, которые привезли вертолеты, в течение шести месяцев находились в Гане для обучения своих ганских коллег, а некоторые офицеры военно-воздушных сил Ганы уже прошли подготовку по эксплуатации и обслуживанию вертолетов в России. В 2013 г. российская государственная компания «Рособоронэкспорт» поставила в Гану еще четыре вертолета.

Гана и Россия также развивают плодотворное сотрудничество в сфере образования. В Уни-

верситете Ганы (Легон) теперь учат русский язык как иностранный. В 2005 г. 300 студентов выбрали изучение русского языка. В 2007 г. российское посольство в Аккре впервые провело конкурс русского языка для студентов, чтобы проверить знания русского языка, истории и культуры. Этот конкурс был частью инициативы правительства России, а позже стал традицией и ежегодным ритуалом, в ходе которого российские дипломаты читают лекции, организуют выставки, посвященные историческим и культурным событиям в России. В настоящее время существует также партнерство между Институтом русского языка им. А.С. Пушкина и Университетом Ганы.

В последние годы политика России в Гане и Африке в целом заметно активизировалась. Москва считает Республику Гана надежным, проверенным временем партнером. Москва и Аккра поддерживают активный политический диалог, интенсифицируя развитие торгово-экономических, инвестиционных и военно-технических связей, расширяют культурный и образовательный векторы взаимодействия и сотрудничество в области мирной ядерной энергетики. Россия высоко ценит идентичность или сходство позиций России и Ганы в сфере ключевых вопросов международной повестки, включая создание более демократического мирового порядка, обеспечение региональной и стратегической стабильности, разоружение, борьбу с международным терроризмом и другие глобальные вызовы и угрозы.

Перспективы взаимоотношений.

Отношения между Ганой и Россией действительно будут укрепляться в ближайшие годы. У двух стран сформирована основа плодотворного сотрудничества, что обеспечивает большую перспективу на будущее.

Гана и Россия активно сотрудничают в ООН и других международных организациях. Страны придерживаются одинаковых взглядов по ряду крупных международных проблем и противодействуют глобальным вызовам и угрозам. Обе страны заинтересованы в усилении роли Организации Объединенных Наций, построении новой системы глобальной безопасности и взаимодействию в борьбе с международным терроризмом.

Россия и Гана имеют общую точку зрения на ситуацию в Африке, стремятся искоренить нищету и обеспечить устойчивое развитие стран региона. Гана и Россия заинтересованы в поиске ответов на глобальные вызовы и угрозы; путей предупреждения и урегулирования кризисов и конфликтов, в том числе в субрегионе Западной Африки. В число их интересов входят миротворческие усилия Организации Объединенных Наций на континенте, а также растущая роль Африканского союза и субрегиональных ассоциаций, таких

как Экономическое сообщество западноафриканских государств.

Помощь в достижении устойчивого развития на африканском континенте, поддержка программы «Новое партнерство в интересах развития Африки», а также намерение совместно с государствами «Группы семи» и межправительственными международными организациями разработать механизмы для ее осуществления определяют принципиальную позицию России.

В интервью, предоставленном Информационному агентству Ганы в Аккре, г-н Валерий Орлов, Посол Российской Федерации в Гане, вновь подтвердил намерение российского правительства углубить отношения с Ганой в интересах обеих стран и поддержать развитие Африканского континента. Он сказал, что верит в то, что важные события, которые происходили между двумя странами на протяжении многих лет, придадут новые масштабы их традиционной дружбе, импульс их отношениям и углубят связи между ними.

В ответ на опрос Информационного агентства Ганы «Внешняя политика России в период президентства Владимира Путина» г-н Орлов рассказал о начале строительства нового комплекса посольства России в Аккре в качестве символического события, которое четко подтвердило намерение российского правительства развивать отношения между двумя странами. Он сказал, что комплекс будет первым недавно созданным посольством России в Африке за последние 15 лет. Г-н Орлов отметил, что правительство Российской Федерации увеличило количество стипендий, предоставленных Гане, в 10 раз.

Он сослался на заявление, приписываемое президенту России Владимиру Путину, в котором президент России признал колоссальный вклад Ганы в урегулирование конфликтов в Западной Африке и на африканском континенте и заявил, что Москва готова продолжать укреплять сотрудничество и открывать новые области долгосрочной совместной работы. Г-н Орлов сказал, что Российская Федерация считает Гану надежным и проверенным временем ведущим партнером в Западноафриканском субрегионе.

Российская железнодорожная компания Geo Services заявила, что готова инвестировать более 12,5 млрд долларов в развитие железнодорожной системы Ганы. Сергей Камнев, генеральный директор Geo Services, возглавил делегацию для

участия в мероприятии, организованном министерством путей сообщения, по вопросам развития Восточной железнодорожной линии и внутреннего судоходства. Ожидается, что Восточная железнодорожная линия будет завершена к 2020 г. По словам министра путей сообщения Ганы, по стране пойдут скоростные поезда со скоростью более 500 км в час, что сделает путешествие более быстрым и легким.

Стороны обменялись мнениями о перспективах дальнейшего развития дружественных отношений России и Ганы. Есть объективные предпосылки для более широкого политического диалога между Москвой и Аккрой по актуальным международным и африканским вопросам, а также значительный потенциал для расширения отношений в торгово-экономической, военной, технической, гуманитарной, культурной и других областях.

Заключение

В результате анализа отношений Ганы и России в течение трех основных периодов истории Ганы авторы пришли к выводу, что отношения между двумя странами имеют солидный потенциал для дальнейшего расширения сфер сотрудничества. Начальный этап отношений между Ганой и Россией был связан с установлением крепких взаимных дипломатических связей; в период после свержения Кваме Нкрумы последовало постепенное охлаждение отношений между двумя странами в результате сильного влияния колониального «господина» Ганы, Великобритании, а также влияния Запада в Гане после падения Кваме Нкрумы. Сменявшие друг друга военные режимы также в значительной степени способствовали дальнейшему охлаждению отношений Ганы и России. С принятием конституции Республики Гана 1992 г. наметилась новая тенденция в отношениях между Ганой и Россией. Между двумя странами сложились очень плодотворные отношения, активно развивающиеся в таких областях, как атомная энергетика, углеводородная промышленность, металлургия. Россия также проводит прагматичную политику, направленную на укрепление многоплановых связей со странами континента на двусторонней и многосторонней основе. Эти события проливают свет на будущее российских отношений в Гане и на деятельность России в Западноафриканском субрегионе и в Африке в целом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

PNDC – Provisional National Defense Council

NDC – National Democratic Congress

NPP – New Patriotic Party

ЛИТЕРАТУРА

Замечания и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Республики Гана Х. Теттом, Москва, 7 августа 2013 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел России. URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rafr.nsf/89414576079db559432569d8002421fc/44257b100055e32d44257bc0003fb2e6> (2018. 01 мар.).

Кулькова О.С., Сануси Х.А. 2016. Прошлое и настоящее российско-ганских отношений: партнерство, проверенное временем // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Т. 16. № 2, 114–128.

Немченко В. 2007. Золотой юбилей в Аккре // Азия и Африка сегодня 6, 44–45.

Немченко В. 2008. «Год русского языка» в университете Ганы // Азия и Африка сегодня 6, 53.

Немченко В. 2009. Гана. Президентские выборы 2008–2009 // Азия и Африка сегодня 5, 37–39.

Потехин И.И. 1965. Становление новой Ганы. М.: Наука.

Размыслов С.С. 2015. Формирование новой Ганы. М.: Наука.

Adedei L.D. 2001. The Legacy of J.J. Rowling in the Politics of Ghana 1979–2000 // African Studies Quarterly. Vol. 5, Iss. 2, 1–27.

Arnold G. 2005. Africa: Contemporary History. Leningrad: Atlantic Books. Ghana Economy. Report. Oxford Business Group.

Bentsi-Enchill N.K. 1988. Year Six of the PNDC: The PNDC and National Policies // West Africa. January 11, 17.

Bokeriya S. A., Omo-Ogbebor D. O. 2016. Boko Haram: a new paradigm to West Africa security challenges // Vestnik RUDN. International Relations. Vol. 16. No. 2, 274–284.

Leith C.J., Lofchie M.F. 1993. Political Economy of Structural Adjustment in Ghana / Hates R., Krueger A.O. (ed.). Political and Economic Interactions in Economic Policy Reforms: Evidence from eight countries. Oxford, U.K.: Cambridge, Blackwell.

Mingle E., Abdul-Rahaman S. 2012. We're making good progress // The Ghanaian Times. 17.02.

Natufe O.I. 2011. Soviet policy in Africa: from Lenin to Brezhnev. Bloomington: iUniverse.

Oxford Business Group. URL: <http://www.oxfordbusinessgroup.com/ghana-2016> (2018. 05 мар.).

Thompson W. S. 1969. Ghana's Foreign Policy, 1957–1966: Diplomacy Ideology, and the New State. Princeton: Princeton Legacy Library.

REFERENCES

Zamechanija i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyh del Rossii S.V.Lavrova na sovmestnoj press-konferencii po itogam peregovorov s Ministrom inostrannyh del Respubliki Gana H. Tettom, Moskva, 7 avgusta 2013 g. [Remarks and Response to Media Questions by Russian Foreign Minister Sergey Lavrov at Joint Press Conference Following Talks with Minister of Foreign Affairs of the Republic of Ghana H. Tetteh, Moscow, August 7, 2013]. Available at: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rafr.nsf/89414576079db559432569d8002421fc/44257b100055e32d44257bc0003fb2e6> (Accessed on 2018. 1 Mar). (In Russian).

Kulkova O.S., Sanusi H.A. In: Vestnik RUDN. Seria: Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik RUDN. International Relations]. Vol. 16. No. 2 (2016): 114–128. (In Russian).

Nemchenko V. In: Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]. No. 6 (2007): 44–45. (In Russian).

Nemchenko V. In: Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]. No. 6 (2008): 53. (In Russian).

Nemchenko V. In: Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]. No. 5 (2009): 37–39. (In Russian).

Potekhin I.I. Stanovlenie novej Gany [The Emergence of a New Ghana]. Moscow: Nauka, 1965. (In Russian).

Razmyslov S.S. Formirovanie novej Gany [Formation of New Ghana]. Moscow: «Nauka», 2015. (In Russian).

Adedei L.D. In: African Studies Quarterly. Vol. 5, Iss. 2 (2001): 1-27.

Arnold G. Africa: Contemporary History. Leningrad: Atlantic Books. Ghana Economy. Report. Oxford Business Group, 2005.

Bentsi-Enchill N.K. In: West Africa. January Iss. 11 (1988): 17.

Bokeriya S.A., Omo-Ogbebor D.O. In: Vestnik RUDN. International Relations. Vol. 16, No. 2 (2016): 274–284.

Leith C.J., Lofchie M.F. Political Economy of Structural Adjustment in Ghana / Ed. By Robert Hates and Ann O. Krueger. Political and Economic Interactions in Economic Policy Reforms: Evidence from eight countries. Oxford, U.K.: Cambridge, Blackwell, 1993.

Mingle E. & Abdul-Rahaman S. In: The Ghanaian Times, 17.02.2012.

Natufe O.I. Soviet policy in Africa: from Lenin to Brezhnev. Bloomington: iUniverse, 2011.

Oxford Business Group. Available at: <http://www.oxfordbusinessgroup.com/ghana-2016> (Accessed on 2018. 5 Mar.).

Thompson W. Scot. Ghana's Foreign Policy, 1957-1966: Diplomacy Ideology, and the New State. Princeton: Princeton Legacy Library, 1969.

GHANA-RUSSIAN RELATIONS: HISTORY AND PERSPECTIVES

Abstract. The article considers main stages and peculiarities in the relations between the Republic of Ghana and the Russian Federation. The subject of study is the relationship between Russia and Ghana. The problem of the study is the nature of the relations between the two nations that for the purpose of this study have been divided into three main time periods. The article will specifically focus on the relations between Russia and Ghana since its independence until the fall of Kwame Nkrumah, as well as on the unstable period of successive military coups and the relations between the two countries from 1992 to date. Moscow regards the Republic of Ghana as a reliable and time-tested partner, particularly in international issues. The study is based on the development of the relations between Ghana and Russia from 1957 to the present. It proves that Ghana and Russia have maintained friendly relations for many years and have a high potential for expanding mutually beneficial bilateral cooperation on a wide range of issues. The aim of the study is to increase the awareness regarding Russia's relations with Ghana and the African continent as a whole. The study shows that strengthening of cooperation between Ghana and Russia may have very high prospects for both countries in the future.

Key words: Ghana; Russia; Soviet Union; anti-colonialism; development; partnership; relationship; political relations; international organisations; political dialogue.

About the authors: Bokeriya Svetlana Aleksandrovna, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Affairs; Owusu-Ampaw Maxwell Ako, Postgraduate student at the Department of Theory and History of International Affairs.

Place of employment: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Максвелл Овусу-Ампау Ако, Бокерия С.А. Отношения между Ганой и Россией: история и перспективы // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 75–82.

Owusu-Ampaw M., Bokeriya S.A. Ghana-Russian Relations: History and Perspectives// Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 75–82.

УДК 93/94

Е.В. Вдовченко
Ростов-на-Дону, Россия

Джи Ын Ли
Пусан, Республика Корея

ОБРАЗ МИРОВОГО ДРЕВА В ПОГРЕБЕНИИ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОДОНЬЕ И НА КОРЕЙСКИХ ДИАДЕМАХ: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИИ

Аннотация. Статья посвящена образу мирового древа, который обнаружен на роговом реликварии в женском погребении хазарского времени в Нижнем Подонье (Кастырский VI, к. 2, п. 6). Ближайшая аналогия этому реликвию – реликвиарий с Маяцкого городища, который имеет на своей поверхности рисунок дерева с тремя парами ветвей. Другая аналогия, близкая именно этому образу мирового древа, с костяного футляра из комплекса Кастырский найдена на другой окраине Евразии на триста лет раньше – это изображения мирового древа на царских диадемах из Кореи. В статье анализируется семантика изображения мирового древа на реликвирии, а также на диадемах. Исследуется связь мирового древа на диадемах с женскими персонажами на памятниках иранского культурного мира. Дерево на короне – это классический образ мирового древа как символа центра мира, и этот символ подчеркивает сакральные функции правителя. При интерпретации назначения мирового древа на диадеме следует учитывать связь корейских диадем с шаманизмом, а также с образом царя. Появление образа мирового древа может быть связано с происхождением этих образов из степной зоны Центральной Азии. В Корее диадемы фиксируются в V в. н.э. и связаны с культурным влиянием кочевого мира. Хазары являются по происхождению частью тюркского мира Центральной Азии и переселились в Восточную Европу в конце VI – начале VII в. н.э. На настоящий момент культурная связь между диадемами и реликвирием – авторская гипотеза, и ее правомерность покажут дальнейшие исследования.

Ключевые слова: мировое древо; салтово-маяцкая культура; Силла; Нижнее Подонье; Корея; образы пространства; погребальный обряд; диадема; царь; шаманизм.

Сведения об авторах: Евгений Викторович Вдовченков¹, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений; Ли Жи Ын², кандидат исторических наук, профессор-исследователь.

Место работы: ¹Южный федеральный университет; ²Университет Донг-А, Пусан, Республика Корея.

Контактная информация: ¹344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 33, тел. 8(863)218-40-00, e-mail: vdovchenkov@yandex.ru; ²Республика Корея, г. Пусан, Кымсэмно-485-бонкиль, 65, тел. 051-512-0311, e-mail: counselling@mest.go.kr.

В 1984 г. при работе над оросительной системой возле хутора Кастырский в Константиновском районе Ростовской области проводились раскопки под руководством В.Г. Житникова. Этот район находится в 30 км к востоку от места впадения в Дон крупнейшего правого притока – реки Северский Донец. В кургане № 2 могильника Кастырский VI было найдено впущенное погребение, которое относится к хазарскому времени¹ (Житников 1985: 41–45). Оно ориентировано на юго-запад, погребальное сооружение – яма с заплечиками. В погребении находился костяк, который определен как женский, 18–20 лет. Наряду со стандартным погребальным инвентарем этой культуры (сосуд, лепной кувшинчик, железная бляха (зеркало?), серебряный перстень) в районе таза был найден костяной футляр, сделанный из трубчатой кости (рис. 1). Размеры футляра: высота 36 см, в нижней части ширина 5,7 на 3,2 см, в верхней части ширина 3,1 на 2,1 см. Дно, видимо, было кожаным и не сохранилось. В нем находились 12 глазчатых бус. Это погребение по инвентарю можно датировать IX в. н.э. Оно относится ко времени более позднему, чем памятники соколовского типа.

Футляр – это реликварий для хранения разных предметов. Очень интересен рисунок на этом изделии. Вся поверхность футляра занимает стилизованное изображение мирового древа, состоящего из ствола и трех симметрично расположенных ветвей, заканчивающихся листьями (рис. 2). У основания ствола обозначены парные симметричные изображения птиц. По нижнему краю

нанесен широкий меандр. По верхнему краю идет пояс треугольников.

Это погребение (рис. 3) связано с тюркской культурной традицией, о чем говорят погребальный обряд, инвентарь и ориентация погребенного.

Параллели. Ближайшая аналогия этому реликварию по времени и культурной принадлежности – реликварий с Маяцкого городища (рис. 4) (Флерова 2013: 62, 122, таб. X). Это двусторчатое изделие имеет на своей поверхности рисунок дерева с тремя парами ветвей, вокруг которого обозначены ромбы.

Другая аналогия, близкая именно этому образу мирового древа, с костяного футляра из комплекса Кастырский VI, к. 2, п. 6 найдена на другой окраине Евразии на триста лет раньше – это изображения мирового древа на диадемах из Кореи (рис. 8). В юго-восточной части Кореи, в городе Кёнджу и его окрестностях, т. е. на территории бывшей столицы царства Силла, в курганах находят золотые и бронзовые диадемы с золотым покрытием и различными золотыми украшениями. Эти курганы располагаются компактно, рядом друг с другом в центре бывшей столицы Силла, они считаются царскими курганами. Золотые погребальные предметы находятся в царских курганах, датированных V–VI вв. н.э.

С V в. в курганах Силла появился обычай класть золотые предметы в погребения, до этого времени пышные золотые предметы нигде не использовались. В тех же комплексах находят серьги, поясные ремни, головные диадемы, кольца, тапочки и другие предметы.

Таблица 1

Комплект золотых предметов из царских курганов Силла

	Южный курган Хуангнамдэчонг		Северный курган Хуангнамдэчонг		Курган Гым- гуанчонг		Курган Чонмачонг		Курган Собонгчонг		Курган Гымрёнг- чонг	
	Внутри деревянного гроба	Вне деревянного гроба	Внутри	Вне	Внутри	Вне	Внутри	Вне	Внутри	Вне	Внутри	Вне
Золотая диадема			★		★		★		★		★	
Бронзовая диадема с золотым покрытием	★	★				★	★	★				

¹ Хотим поблагодарить Виктора Георгиевича Житникова, руководителя Археологической лаборатории Южного федерального университета, за возможность использовать в работе неопубликованные материалы его раскопок.

Окончание табл. 1

Золотой или серебряный внутренний головной убор		★				★	★	★				
Золотые украшения к головному убору		★				★	★	★				
Грудное украшение	★		★		★		★		★		★	
Золотой поясный ремень	★		★		★		★		★		★	
Длинный меч с украшениями	★			★	★		★	★			★	
Погребенный (предположительно)	Царь (мужчина возраста 60 лет)		Царица		Царь		Царь		Женщина из царской семьи		Принц	

К числу этих курганов можно отнести северный курган Хуанамдэчонг (курган № 98 района Хуанамдонг), курган Гымгуанчонг (курган у деревни Носори № 128), курган Чонмачонг (курган № 155 района Хвангамдонг), курган Собонгчонг (рис. 8).

Семантика изображения на реликварии. Идея мирового древа на реликварии обозначает идею центра мира. Традиционные общества жили в сакрализованном космосе. Пространство, согласно их представлениям, нуждалось в освоении, упорядочивании, которое происходило посредством сакрализации. Ориентация в пространстве – важнейшее условие выживания и существования человека. Сакральные локусы, особенно Центр мира – важнейшие элементы сознания, без которых невозможна была ни ориентация в мире, ни успешные действия самого разного характера. Следует отметить соответствие, неразрывную связь сакрального и «реального» пространства в сознании человека традиционного общества. Сакральные локусы теснейшим образом были связаны с ритуалами.

Точкой отсчета Вселенной был акт творения, в ходе которого этот мир был создан, давший начало и пространству, и времени, неразрывно связанным между собой. Этот акт творения регулярно воспроизводился обществом с помощью ритуала. Социум соотносился с космосом, являлся его важнейшей частью. Архаичное сознание не отделяло мир человеческий от мира природного, а существование космоса без регулярных усилий людей представлялось невыносимым. Как пишет А.В. Подосинов: «Эгоцентризм картины мира составляет основу, начало, первичный принцип, исходный пункт любой ориентации в древних культурах» (Подосинов 1999: 266).

Идеи пространства выражены в разных архаических культурах весьма сходным образом. Сакральный центр социума был центром мира. Он обозначался алтарем, святилищем, храмом, мировым деревом или мировой горой. Маркерами

центра могли выступать как отдельные атрибуты (например, очаг рода), так и избранные личности, в качестве которых выступали предводители племени. Мировое древо (мировая гора) – это центр космоса, организующий его в вертикальной проекции, пронизывающий три сферы вселенной (нижний мир, средний мир – земля, верхний мир – небо). Мировое древо – место встречи земного и небесного. Трехчастность вселенной повторяется в каждой части мироздания. Микрокосмос (человек, социум, дом) по структуре подобен макрокосмосу, поскольку построен на таких же космологических принципах.

На футляре мы видим мировое древо и симметричные изображения птиц. Изображения мирового древа есть с обеих сторон футляра. Птицы довольно схематичны, и только у одной из 4 птиц обозначены лапки. Вся картинка (с обеих сторон футляра) состоит из трех частей и отражает трехчастность мироздания. Верхний мир отражен треугольниками по верху. Меандр внизу маркирует пространство нижнего мира. Направление обозначено меандром и ориентировано против часовой стрелки.

Средний мир – это основная часть изображения. Мировое древо, собственно говоря, и соединяет все три мира, что особенно хорошо видно по стволу, открывающемуся в верхний мир. Для мирового древа характерны изображения оленей или птиц, маркирующих средний мир и являющихся постоянными атрибутами мирового древа.

Может быть, неслучайно такой костяной предмет с особым семантическим статусом находится именно в женском погребении. Апотропей и обереги в древности и раннем средневековье чаще попадают в детских и женских погребениях, например, сосуды с зооморфными ручками в погребениях салтово-маяцкой культуры.

Диадемы из курганов эпохи Силла – самые эффектные находки из царских курганов V–VI вв. Структурообразующий элемент диадемы – мировое древо в центре, по бокам – рога оленей, которые

обозначают симметричную пару оленей, а также иногда изображения птиц.

Диадемы интерпретируются как свидетельство существования шаманизма в Корее (Забияко, Ван 2015: 115–119; Li Ogg 1978). Атрибуты шаманского костюма хорошо известны по археологическим и этнографическим данным. В традициях тунгусо-маньчжурских народов шаманский головной убор украшался в верхней части либо рогами таежных животных, либо направленными вверх узкими металлическими пластинами, на концы которых во многих случаях крепились колокольчики, ленты, изображения птиц и некоторые другие ритуальные предметы (Забияко, Ван 2015: 115–116).

Ю.В. Ионова трактует диадемы как признак шаманизма: «Шаманизм как одна из ранних форм религии известен в Корее с глубокой древности и был в течение веков господствующей религиозной идеологией. Шаманы занимали высокое положение при дворах феодальных правителей. Нередки были случаи, когда в одном лице сочетались высшие светские и жреческие функции. Так, в одном из ранних корейских государств, в государстве Силла (IV в.), король выступал и как верховный шаман, о чем свидетельствует найденная золотая королевская корона с украшениями в виде “шаманского дерева” или рога оленя» (Ионова 1980: 5).

Статус шамана-царя, жреца-царя вполне типичен для древних обществ. Также типично соединение в социальном положении человека жреческого, шаманского звания с рангом государственного служащего. Иррациональная форма власти правителя проявлялась в том, что он участвовал в определенных наиболее важных обрядах, жертвоприношениях, и именно божественные силы санкционировали его особый социальный статус и деятельность.

Но следует обратить внимание на то, что это дерево на короне есть классический образ мирового дерева как символа центра мира, который подчеркивает сакральные функции правителя.

Царь, который господствует и в социальном, и в природном мире, имеет такие атрибуты, завязанные на центр мира, как трон и диадема. Мифологическое сознание предполагает дублирование символов и образов для их большей эффективности. Мировое дерево подчеркивает центральное положение царя (царицы).

Связь мирового дерева с женскими персонажами хорошо известна для иранского культурного мира. Очень эффектными образами мирового дерева являются изображения на диадемах знатных сарматок среднесарматской эпохи (рис. 5). Это находки из Кобяковского некрополя, курган № 10, из могильника у Усть-Лабинской станицы,

курган № 46, и из самого известного и богатого сарматского комплекса – кургана Хохлач. Для сравнительного анализа приводится близкая им находка из Тилля-Тепе (Афганистан). Симметричные изображения козлов, оленей, птиц по отношению к мировому дереву очень типичны. Высокий сакральный статус этих атрибутов головных уборов очевиден. Установлено, что подобные композиции символизируют идею постоянного возобновления жизненного цикла и связаны с моделью мира древнего населения Евразии (Гугуев 1992).

Мы видим также интересный образ, помогающий раскрыть связь мирового дерева и женского персонажа, в пазырыкской культуре Алтая. Это пазырыкский ковер из 5-го кургана (рис. 6). Женщина-богиня сидит на кресле-троне. Одной рукой женщина прикрывает рот, в другой – держит цветущую ветвь Древа жизни, которое как бы вырастает из ножки стула-трона. Стебель ветви изысканно изогнут и завершается 10-ю разнообразными цветами, которые образуют 4 идентичные пары (Баркова 1998: 140–141). Левый нижний отросток ветви имеет форму стилизованного рога животного. Именно из него как бы вырастает остальная ветвь.

Фрагмент ритона с изображением культовой сцены из Мерджан в Прикубанье конца IV–III вв. до н.э. содержит как изображение богини на троне и предстоящего всадника, так и мировое дерево рядом с ней (рис. 7).

Следует указать на два важных отличия упомянутых примеров использования мирового дерева в иранском культурном мире. Во-первых, они связаны с женскими персонажами, в то время как в Корее – и с мужскими, и с женскими образами.

Во-вторых, изображение на этих диадемах все же отличается по исполнению от образа на коронах из курганов эпохи Силла. И если идея, положенная в основу, видимо, одна и та же, то концепция и художественное решение отличаются.

И в этом плане ближайшим аналогом диадемам Силла является изображение на реликварии из комплекса Кастырский VI.

При интерпретации назначения мирового дерева на диадеме следует учитывать, что если на первый план выходит шаманизм и фигура правителя как шамана, то тогда мировое дерево – это соединитель всех трех миров, вертикаль коммуникации с другими мирами. Если же на первый план выходит функция именно царя и правителя, то мировое дерево – это символ центра мира и символ правителя как повелителя космического и социального пространства.

Вывод. Образ мирового дерева с рогового реликвария, анализируемый нами, связан с куль-

турным миром Центральной Азии и Дальнего Востока. В Корее диадемы фиксируются в V в. н.э. Хазары являются по происхождению частью тюркского мира Центральной Азии и переселились в Восточную Европу в конце VI – начале VII в. н.э. Хазарский каганат – самый западный осколок Тюркского каганата и самый долгоживущий – до X в. Но исторически хазары происходят из Центральной Азии.

Что же касается курганов в Корее и культурных инноваций, то они появились в V в. н.э. и связаны, видимо, со степной традицией. Хроно-

логический и географический разрыв может быть преодолен в свете масштабных миграционных и политических процессов, охвативших евразийские степи в I тыс. н.э.

Таким образом, изображения на реликварии и на коронах происходят предположительно из близких культурных ареалов. В рядовом хазарском погребении изображение мирового дерева оказалось связано не с диадемой и статусом правителя, а обозначало сакральность такого предмета, как реликварий.

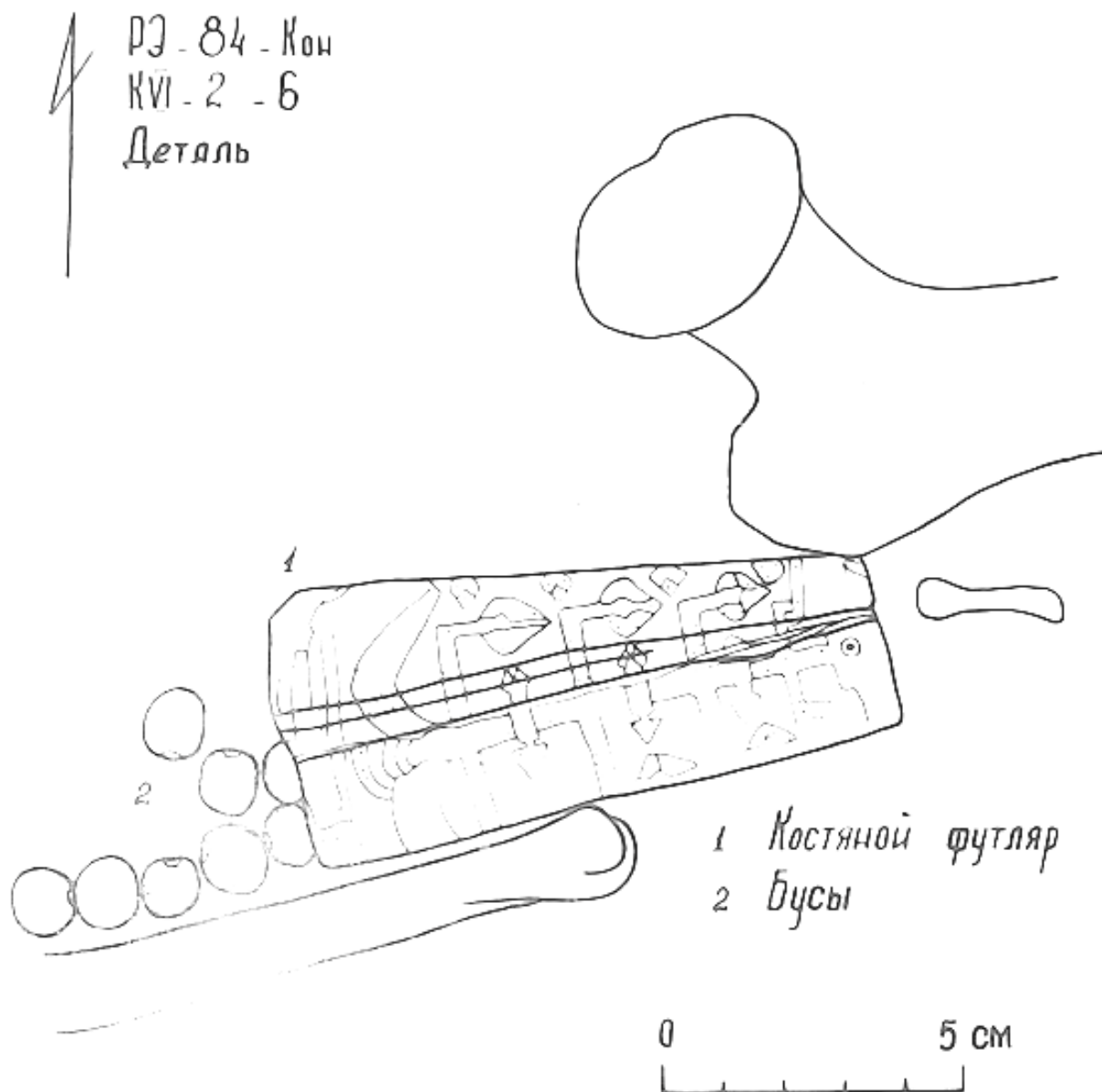

Рис. 1. Кастырский VI, к. 2, п. 6. Костяной футляр в районе таза (Житников 1985: рис. 114)

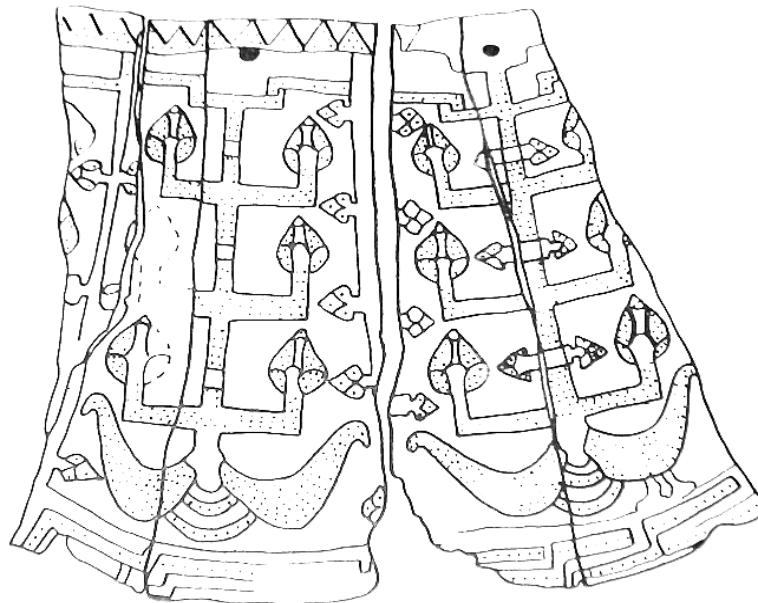

Рис. 2. Мировое древо на костяном футляре (Житников 1985: рис. 127)

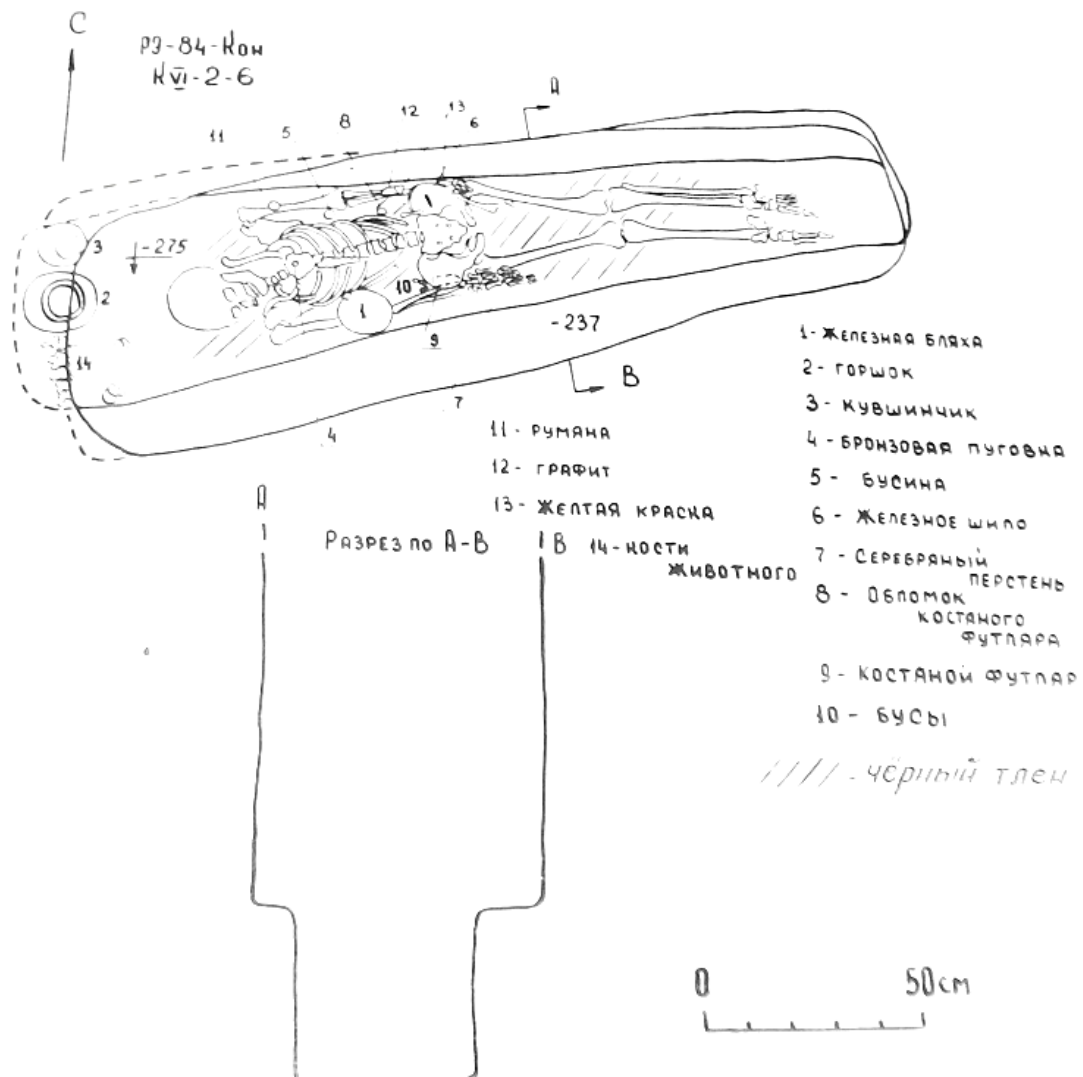

Рис. 3. Кастырский VI, к. 2, п. 6. План погребения (Житников 1985: рис. 112)

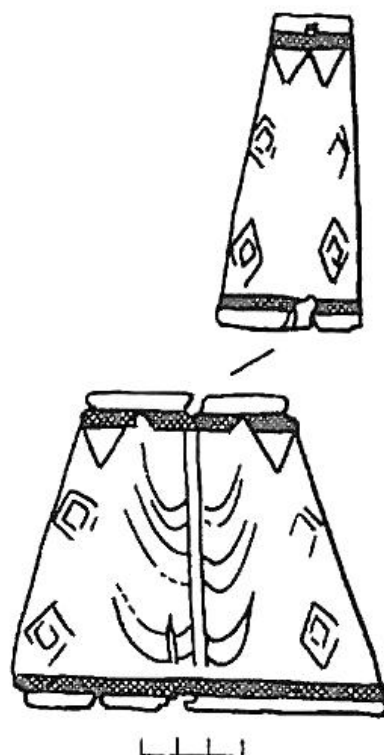

Рис. 4. Роговой футляр. Маяки (Флерова 2013: 122: таб. X)

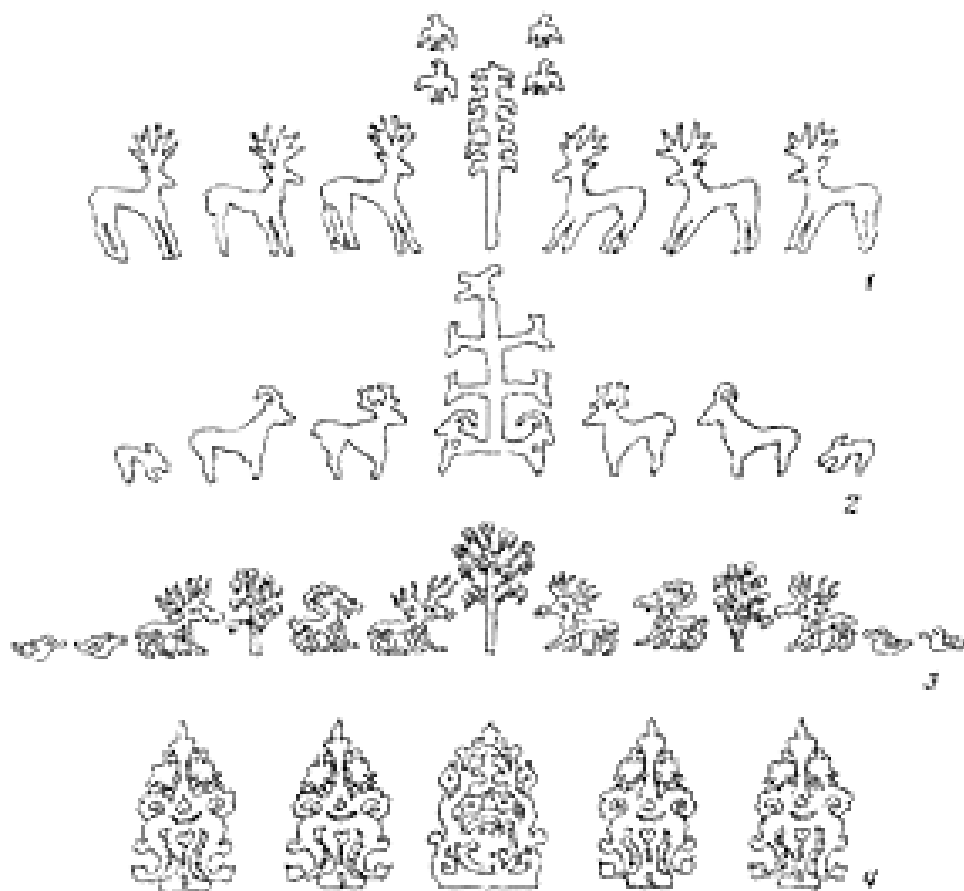

Рис. 5. Образы мирового дерева. Фризы диadem: 1 – Кобяковский курган, реконструкция; 2 – Усть-Лабинская, курган 46, реконструкция; 3 – Хохлач, часть фриза; 4 – Тилля-Тепе, погр. 6 (Гугуев 1992: рис. 3)

Рис. 6. Войлочный ковер из Пазырыкского кургана 5. Фрагмент, прорисовка (Баркова 1998: рис. 1)

Рис. 7. Фрагмент ритона с изображением культовой сцены. Скифская культура. Конец IV - начало III вв. до н.э. Курган у деревни Мерджаны, Прикубанье, Россия, Эрмитаж (Артамонов 1966: 77, таб. 331)

Рис. 8. Золотая диадема, курган Собонгчонг (Gold Crown 2018)

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: Артيا; Советский художник.

Баркова Л.Л. 1998. Большой войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 137–142.

Гугуев В.К. 1992. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // Вестник древней истории 4, 116–129.

Житников В.Г. 1985. Отчет о работе Константиновского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1984 г. Ростов н/Д: [б. и.].

Забяко А.П., Ван Ц. 2015. Юйшань // Наскальные изображения Северо-Восточного Китая. Благовещенск: Амурский государственный университет, 115–119.

Засецкая И.П. 2011. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.

Ионова Ю.В. 1980. Шаманство в Корее (XIX – начало XX в.) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.: Наука, 4–35.

Подосинов А.В. 1999. Ex oriente lux. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры.

Флерова В.Е. 2013. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС.

Li Ogg. 1978. An aureole of legend on a golden crown // The UNESCO courier. December, 44–49.

Gold Crown from Seobongchong Tomb. URL: <https://www.museum.go.kr/site/eng/relic/search/view?relicId=752#> (2018. 24 февр.).

REFERENCES

Artamonov M. I. Sokrovishha skifskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Jermitazha [Treasures of Scythian barrows in the collection of the State Hermitage Museum]. Praga; Leningrad: «Artiya»; «Sovetskij hudozhnik», 1966. (In Russian).

Barkova L. L. Bol'shoj vojlochnyj kovèr iz Pyatogo Pazyrykskogo kurgana [Large felt carpet from the Fifth Pazyryk mound]. In: Drevnie kul'tury Central'noj Azii i Sankt-Peterburg. Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 70-letiju so dnja rozhdenija A.D. Gracha [Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg: Proceedings of the all-Russian scientific conference dedicated to the 70th anniversary of A.D. Grach]. St. Petersburg: Kul't-inform-press, 1998, pp. 137–142. (In Russian).

Guguev V.K. Kobyakovskij kurgan (K voprosu o vostochnyh vliyaniyah na kul'turu sarmatov I v. n.eh. – nachala II v. n.eh.) [Kobyakovskiy mound (To the question of Eastern influences on the culture of the Sarmatians in the I century AD – beginning of the II century AD)]. In: Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]. № 4 (1992): 116–129. (In Russian).

Zhitnikov V.G. Otchet o rabote Konstantinovskogo otrjada Rostovskogo gosuniversiteta v zone stroitel'stva Konstantinovskoj orositel'noj sistemy v 1984 g. [Report on the work of Konstantinovsky team of Rostov State University in the construction zone of the Konstantinovo irrigation system in 1984]. Rostov n/D: [s.n.], 1985. (In Russian).

Zabijako A.P., Van C. Jujshan' // Naskal'nye izobrazhenija Severo-Vostochnogo Kitaja [Yushan // Rock paintings of Northeast China]. Blagoveshhensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2015, pp.115–119. (In Russian).

Zaseckaja I.P. Sokrovishha kurgana Hohlach. Novoчеркассский клад [Treasures of the Khokhlach Burial Mound. Novoчеркассск Hoard]. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Jermitazha, 2011. (In Russian).

Ionova Ju.V. Shamanstvo v Koree (XIX – nachalo XX v.) [Shamanism in Korea (XIX-early XX century)]. In: Simvolika kul'tov i ritualov narodov zarubezhnoj Azii [Symbolism of cults and rituals of abroad Asia peoples]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 4–35. (In Russian).

Podosinov A.V. Ex oriente lux. Orientacija po stranam sveta v arhaicheskikh kul'turah Evrazii [Ex oriente lux. Orientation on the cardinal points in archaic cultures of Eurasia]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. (In Russian).

Flerova V.E. Graffiti Hazarii [Graffiti of Khazaria]. Moscow: Editorial URSS, 2013. (In Russian).

Li Ogg. An aureole of legend on a golden crown. In: The UNESCO Courier. December (1978): 44–49.

Gold Crown from Seobongchong Tomb. Available at:<https://www.museum.go.kr/site/eng/relic/search/view?relicId=752#> (Accessed on 2018. 24 Feb.)

Ye.V. Vdovchenkov
Rostov-on-Don, Russia
Ji Eun Lee
Busan, Republic of Korea

THE IMAGE OF WORLD TREE IN THE BURIAL OF THE KHAZAR PERIOD IN THE DON BASIN AND ON KOREAN DIADEMS: THE QUESTION OF CULTURAL CONTACTS ON THE TERRITORY OF EURASIA

Abstract. The article is devoted to the image of the world tree. The image was found on the corneous reliquary in the female burial of the Khazar period in the Lower Don region (Kastyrsky VI, mound 2, grave 6). The closest analogy to this is the reliquary from the Mayak fortified settlement, which has a tree pattern with three pairs of branches on its surface. Another analogy close to this particular image of the world tree is from the bone case from the Kastyrsky complex. It was found on the other edge of Eurasia three hundred years earlier, i.e. the images of the world tree on the royal diadems from Korea. The article analyses the semantics of the world tree image on the reliquary, as well as on the diadems. A link to the world tree on the diadems containing female characters on the monuments of the Iranian cultural world is investigated. The tree on the crown is a classic image of the world tree as a symbol of the world center. It emphasises the sacral functions of the ruler. When interpreting the meaning of the world tree on the diadem, the link of the Korean diadems with shamanism and the image of the king should be taken into account. The emergence of world tree images can be attributed to their origin from the steppe zone of Central Asia. In Korea, diadems date back to the 5th century AD and are associated with the cultural influence of the nomadic world. Ethnically, the Khazars are a part of the Turkic world of Central Asia, they moved to Eastern Europe in the late 6th early 7th centuries AD. At the moment, the cultural link between the diadems and the reliquary is the author's hypothesis, and further research will show its validity.

Key words: World Tree; Saltovo-Mayaki Culture; Silla; Lower Don River region; Korea; images of space; funeral rite; diadem; king; shamanism.

About the authors: Yevgeny Viktorovich Vdovchenkov¹, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Archeology and Ancient History at the Institute of History and International Relations; Li Ji Eun², Candidate of Historical Sciences, Professor-Researcher.

Place of employment: ¹Southern Federal University; ²Dong-A University, Busan, Republic of Korea.

Вдовченков Е.В., Ли Джы Ын. Образ мирового древа в погребении хазарского времени в Подонье и на корейских диадемах: проблема культурных контактов на территории Евразии // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 82–91.

Vdovchenkov Ye.V., Li Ji Eun. The Image of World Tree in the Burial of the Khazar Period in the Don Basin and on Korean Diadems: The Question of Cultural Contacts on the Territory of Eurasia // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 82–91.

УДК 398.324

В.И. Колесов
Краснодар, Россия

ИЗ «РУМ-МИЛЛЕТ» В РОССИЙСКИЕ ИНОРОДЦЫ: НАЧАЛО ПРОЦЕССА ГРУППООБРАЗОВАНИЯ ГОРСКИХ ГРЕКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Аннотация. В фокусе исследовательского внимания в статье находятся трансформационные процессы на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. в условиях закончившейся русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и начавшегося противостояния с местным кавказским населением, получившего наименование Кавказской войны. На смену османской миллетной системе пришли российские модели управления и социокультурные практики. Местное аборигенное население в правовой иерархии Российской империи было отнесено к категории «инородцы». Цель статьи – на примере адыгоязычной общности горских греков продемонстрировать противоречивый процесс группообразования как совокупности меняющихся социальных связей. В качестве методологии применена акторно-сетевая теория Бруно Латура, примененная к историческим реалиям первой половины XIX в., что позволило представить причисление индивида к группе как постоянно идущий процесс. Рассмотрены возможные пути формирования и пополнения греческого населения региона, его взаимосвязь с анатолийской частью Турции, Крымом и Мариупольщиной. Сохранив привычные коммуникации с адыгами и черкесогаями, горские греки всю первую половину XIX в. консолидируются в более менее устойчивую группу, постепенно трансформируясь из конфессионального «сословия», обусловленного османской миллетной системой, в этническую общность «века национализма». Выявлены конкретные семейные истории греков Демтировых, Серафимовых, Кокшевых в процессе переселения на территорию Российской империи. Группообразование горских греков может быть примером процессов «этнизации» кавказских групп первой половины XIX в.

При написании статьи автор использовал неопубликованные документы Государственного архива Краснодарского края и источники личного происхождения середины XIX в. – дневниковые записи англичанина Джеймса Бэлла и воспоминания француза Тэбу де Мариньи.

Ключевые слова: трансформация; Северо-Западный Кавказ; миллет; Российская империя; османская империя; горские греки; черкесогаяи; колонизация; группообразование; инородцы; Гривенский Черкесский аул.

Сведения об авторе: Владимир Игоревич Колесов, независимый исследователь.

Контактная информация: 353002, Россия, г. Краснодар, ул. Карасунская набережная, д. 151, тел. 8 (918) 465-77-66, E-mail: kolesov_v@yahoo.co.uk.

Северо-Западный Кавказ становится ареной межимперского противостояния во второй половине XVIII в., когда несколько русско-турецких войн перенесли военные действия и на эту территорию. Левобережье Кубани входило в состав Анапского пашалыка Османской империи, правобережье было частью Крымского ханства. Помимо кочующих на правобережье Кубани ногайцев, крымских татар и живущих в Закубанье черкесов (западных адыгов) население региона постоянно пополнялось выходцами с Севера – беглыми крестьянами и казаками, недовольными реформами, проводимыми Российскими администрациями, а с

Запада, Юга и Востока – турецкими, армянскими, греческими и еврейскими торговцами и ремесленниками, для которых обыденностью было перемещение по любым османским территориям от Диарбекира до Крыма, от Стамбула до Батума. В торговых путях Северо-Западный Кавказ был одной из «вершин» воображаемого треугольника: Анатолия (уже – Понтийская область) – Крым – Северо-Западный Кавказ. С переселением части крымских христиан Екатериной II в Приазовье в 1777–1778 гг. (будущие мариупольские греки и нахичеванские армяне) этот «треугольник» превратился в «ромб», в котором Северо-Западный

Кавказ занимает важное промежуточное звено между османским Понтом и российским Крымом, а также примыкающим к нему донским побережьем Азовского моря. Примером таких торговых и иных сетей может быть совокупность документов, собранных (в основном, в Российском государственном архиве древних актов) и опубликованных Ю. Головкин, о торговых операциях в азовских портах в 1777–1782 гг. В этом сборнике встречаются факты торговых коммуникаций ростовского грека, пассажира рейса Царьград–Таганрог, понтийских (Керасунд, Унье, Трапезунд), анатолийских, архипелагских и константинопольских греков с Таганрогом (Головкин 2008: 8, 63).

Население Северо-Западного Кавказа юридически являлось подданными «турецкого» султана, но фактически османы контролировали лишь черноморское побережье Кавказа, поэтому, например, из адыгских «этнических» групп лишь отдельные натухайские общины и часть шапсугских находились под влиянием анапского паши. В последней четверти XVIII в. ситуация изменилась кардинально – после 1774 г. де-юре правобережье Кубани стало российским, и население Северо-Западного Кавказа оказалось под влиянием новых дискурсов, в том числе в области этнической номенклатуры. Левобережье Кубани, пространство проживания «черкесских» «этнических» групп, юридически до 1829 г. являясь турецкой провинцией с центром в Анапе, фактически представляло собой полунезависимую совокупность территорий между двумя империями – Российской и Османской.

Каждая из империй стремилась распространить свою власть на население Северо-Западного Кавказа, часть которого признавало формальную юрисдикцию Блистательной Порты и фиксировалось в российских источниках как «турецкоподданные». Но фактически Закубанье и даже шире – Северо-Западный Кавказ – можно определить как фронт – пространство взаимопроникновения между Империями в трех компонентах: территориальном, человеческом и процессуальном (Боук 2001: 148). По словам А. Рибера: «Обитатели пограничных зон между соперничающими империями были полиэтничны и склонны “к сомнительной лояльности”, т. е. переходили на сторону победителей в кризисные моменты» (Рибер 2004: 60–61). Дополняя цитированное выше, можно заметить, что в этот период многие группы еще не обладают этнической идентичностью, поэтому они скорее не полиэтничны, а полиидентичны (т. е. обладают набором идентичностей, ситуационно проявлявшихся в конкретном случае). В данный набор идентичностей входили конфессиональная,

сословная, территориальная, общинная, родовая и иные модели.

Империи боролись за население, одновременно распространяя свои принципы управления. Переселив на Северо-Западный Кавказ Черноморское казачье войско (далее – ЧКВ) в 1792–1793 гг. (Фролов 2005), Россия сделала коммуникацию с адыгскими (черкесскими) обществами каждодневным явлением жизни своих подданных. Переселенные казаки в своих повседневных практиках стали взаимодействовать с представителями адыгских этнических групп, а также с армянами, греками, евреями, проживающими в регионе. Например, нор-нахичеванские жители, армяне-купцы Минас Христофоров, Авак (Ован?) Петрович и Мурза Якимов, находившиеся на рыболовных заводиках по берегам в урочищах Темрюк, Бейсуг и Койсуг, в октябре 1792 г. способствовали получению леса черноморскими казаками во главе с прапорщиком Иваном Аристовым (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190. Л. 66–67), а затем были приняты в войско и в начале XIX в. фиксируются как офицеры ЧКВ. По берегам Азовского моря располагались греческие рыбные заводы, во главе одного из них был грек Христофор Турчин, заключивший с вновь прибывшим ЧКВ контракт на продолжение своей деятельности (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 158. Л. 141, 153).

Привлекая на свою сторону население Северо-Западного Кавказа, Российская империя формировала лояльность среди адыгоязычных христиан региона – армян и греков, но не гнушалась приемом на территорию ЧКВ мусульман – черкесов и татар. Продвижение на Северный Кавказ со стороны России было не только военным, а сопровождалось миграциями населения, созданием новых общин и исчезновением прежних (Barrett 1995: 579). Так, в 1799 г. на территории ЧКВ появился Гривенский Черкесский аул, а чуть позже Татарское селение Ады (Короленко 1902: 73–79, 89–95; Чемсо 2002), где концентрировалось выходящее из Закубанья население.

Этнические (и иные) идентичности групп и обществ Северо-Западного Кавказа формировалась в результате «взаимодействия различных сил в масштабе всей макросистемы континентальных империй» (Миллер 2006: 36), в данном случае Османской и Российской империй. Армяне и греки, проживавшие среди адыгского населения Северо-Западного Кавказа, фиксировались в документах российской администрации как «закубанские», а позднее – как «горские» (Русско-адыгские 1957: 59; ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 368. Л. 4; ГАКК. Ф. 720. Оп. 1. Д. 8. Л. 677 об., 680, 681 об.). В исторической науке применимо к этим армянам утвердилось понятие «черкесогаи» (Щербина 1916), ведущее свое происхождение от

церковного территориального термина, хотя самоназвание представителей этой группы «ермел». Самоназвание греков «урым» тюрко-турецкого происхождения в адыгейском языке обозначает греков вообще и указывает либо на Крым, либо, минуя Крым, непосредственно на Анатолию и Понт, в качестве возможных источников заимствования (Кузнецов 1997: 31). Помимо заимствования данное понятие могло распространиться как термин правовой системы Османской империи, в которой миллет – категория, обозначающая самоуправляющуюся религиозную общину. Всё население империи входило в тот или иной «миллет», который превратился в так называемое конфессиональное сословие. Существовали мусульманский, греческий, армянский, армянокатолический, латинский, иудейский миллеты и т. д. (Улунян 1994: 69–80; Ortaуl 2004: 15–22). В греческий «Рум-миллет» входило всё население Османской империи, относящееся к Греческой Восточной церкви, невзирая на лингвистические характеристики. Территория Северо-Западного Кавказа ко времени заселения российскими переселенцами (с 1792 г.) уже была давно «освоена» крымскими, нор-нахичеванскими, понтийскими армянскими группами, а также крымскими, понтийскими и мариупольскими греками.

Ф.А. Щербина, ссылаясь на утверждения армавирских армян, писал о начале XVI в. как о времени появления их в Черкессии (Щербина 1916: 2). В «Пояснительной записке о личных правах туземного населения Кубанской области» чиновник Комиссии по разбору сословных прав утверждал: «Сии последние [«горские армавирцы»] вышли к Кубанским горцам из Крыма не позже конца XVI века и, заручившись покровительством сильных лиц водворились между ними вероятно с торговыми целями...» (ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 55 об.). Семейная легенда черкесогаев Богарсуковых повествовала о переселении этого рода из Крыма к черкесам в середине XVII в. (Богарсуков 1913: 2). Эту же дату Богарсуковы сообщали российским чиновникам в своих прошениях (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 798. Л. 22–24 об.). Документы свидетельствуют о связях крымских и «кубанских» армян. Подобные социокультурные и экономические отношения, несомненно, способствовали сохранению армянской идентичности у армян, живущих между черкесами. Крымские контакты оставались важными и после изменения демографической ситуации на Северо-Западном Кавказе: вывода армян, наряду с остальными христианами, из Крыма в 1780-е гг. и образования Нахичевани-на-Дону, а также появления на кавказской арене исторических событий черноморских казаков. Нахичеванские армяне (как мы уже показывали выше) не прекращали

приезжать на правобережье Кубани и в Закубанье.

Проживали армяне и греки в турецкой крепости Анапа, в центре оттоманских владений на Северо-Западном Кавказе, откуда периодически переходили/переселялись на российскую территорию. Об этом можно судить из переписки руководства Черноморского казачьего войска и османского чиновника, находящегося в Анапе. Мотивируя отказ выдавать бывших российских подданных – солдат и черноморских казаков, анапский паша говорил в 1793 г. российским представителям, что «вы же не отдаёте беглецов “греческого и армянского закона”» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 106). Кроме того, Н.И. Веселовский, ссылаясь на турецкий источник – работу Джебедета-паши «Викай-и девлети алия-и Османние» (События высокого государства Османского), пишет о наличии в турецкой Анапе большого количества армян, которые в 1780-е гг. даже добивались права «устроить свой квартал» (Веселовский 1914: 14). Сообщая о населении турецкой Анапы в 1808 г., Веселовский со ссылкой на Клапрота, указывал численность жителей около 3 тыс. чел., из которых «треть составляют турки, а прочие – черкесы, армяне и греки» (Веселовский 1914: 44).

Российское завоевание Кавказа подразумевало «культурное освоение» территории и горских обществ: «письменная» культура «навязывала» бесписьменную свои формирующиеся понятия и категории, в том числе и этнического характера. Переход из одной социальной системы в другую сопровождался процессами «называния», «поименования» бытия, в том числе и определением таких статусных категорий, как, например, «дворянство» или «подданство».

По имеющимся у автора архивным материалам первые семьи горских армян селятся в Гривенском ауле в 1804 г. В «Ведомости о числе содержащихся в Екатеринодарском карантине бежавших из плена из черкес разного звания людей и о числе выходящих в Россию из-за Кубани черкес и армян» видим даты выхода в российские пределы армянских семейств: 9.04.1804 г. армяне Хачадур Темгуов (Темиров) с женою его Дуспи, детьми Каспаром, Титу, Санупом, Панзиамом и с «ясирами из черкес»; армянка вдова Ширин с сыновьями Михаилом, Аванесом (его женой Занезан), дочерью Фиж; армянин Тич Баронов с женою Курин, сыном Балабаном и с «ясирами из черкес» переселились на «нашу сторону» и были поселены в Гривенский аул (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 6 об. – 8). 13 апреля переселяются армяне Киркор Мержанов, Повагем Агупов и «ясиры их из черкес», они тоже оседают в Гривенском Черкеском ауле (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491.

Л. 13). 30 апреля того же года вдова-армянка Даш с сыном Нахупшем и дочерью Наск попали в поле зрения Екатеринодарской карантинной заставы и были определены на жительство все туда же – в Гривенский аул (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 15–16 об.). В этом же деле встречается упоминание и о греках, прошедших через карантинные мероприятия 7–9 июня 1804 г. Но, судя по характеристике «жительствовавший за Кубанью зашедший туда из Трапезона грек Данила Пандели (турецкоподанный Опандилов), жена его Екатерина, сын Иван, ясирь из черкес Анна Гошемаф», просящие о русском подданстве и о водворении в Таганрог или Мариуполь (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 46 об. – 47, 48), являлись временными жителями Закубанья, но имели крепостную из черкес, что свидетельствует об определенных социальных отношениях. С другой стороны, данный пример может быть показателем как в вопросе происхождения данной группы греков, так и их самосознания – раз имелись связи с греками Трапезунда, откуда эта группа могла произойти, и Мариуполя, куда они стремились. Скорее всего, благодаря именно этим связям у черкесоговорящих греков поддерживалось стабильное греческое/православное самосознание.

Устойчивые связи христианского населения Северо-Западного Кавказа (армян и греков) с Понтом (и шире – с Анатолией) не только в торговых отношениях, но и в культурных коммуникациях отражены и в более поздних документах. 18 октября 1821 г. поступили в Екатеринодарский карантин вышедшие «в оной с закубанской стороны, пожелавшие вступить в вечное подданство Российскому престолу Греки Козьма Николаев сын Ямгур и Лефтер Иванов и Армянин Мурат Мадросов», которые на допросе сообщили о себе («через переводчика показали») сведения. «Козьма Ямгур, Лет ему от роду 36. Вдов, родом с Города Амасии что в Анатолии прилежащей к Черному морю, звания купеческого, имел у себя семейство жену Марию, дочь тамошнего купца Гаджиюрия; было с нею прижитых детей сыновей четыре: Николай, Харалампий, Иван и Кириак. Из сего семейства жена его умерла назад тому 5 лет, также и из сыновей Николай и Кириак умерли. А Харалампий 7 лет и Иван 5-ти теперь лет оставлены им у тестя Гаджиюрия в Амасии живущего - Цельные уже три года отлучился он с того места Амасии по торговому промыслу на корабле купеческом анапского жителя турка Окуз-оглу, с намерением достигнуть в Крым в Город Феодосию, но противною морскою погодою занесено судно в Город Анап, Где он Козьма Ямгур пробыл пять месяцев а после того отправился в черкесам сапсутам к речке Обун, и тут по разным местам обращался до самого прибытия на сию сторону. То-

вары имел он свои собственные... на две тысячи круж. Из всех сих товаров продал в Анапе на пятьсот круж на наличные... между тем случилось ему бывать в Анапе где в турецкого купца Емер Али взял товару на семьсот шестьдесят круж в долг В прошедшее сего года лето с тем, чтобы оние теперь отдать... он Ямгур невыполнил потому, что те товары раздал в долг... почему Купец Емер Али осердясь и пригласивши десять человек черкес искал его Ямгура либо убить либо зафативши продать в плен о чем он Ямгур узнавши пригласил еще с собой Грека Лефтера Иванова и армянина Мурата в тех местах обращавшихся нанял пять черкес вывести его с теми товарищами к Российским границам, единственно с желанием вступить в подданство России. Заплатил из оных черкес первоначально одному живущему в ауле Богондур по имени не знает товаром на 80 круж, другому пистолет стоящий 60 круж, третьему кобылу стоящую 60 круж, четвертому саблю стоящую 43 кружи, а пятому седло и некоторое платье. Кои доставляли его попеременно тайным образом и избегали до самой Кубани и последний предоставил к Екатеринодарской пристани. Всем сим черкесам имен и из каких мест не знает. Намерение его Козьмы Ямгура простиралось еще и такое, чтобы вступя в подданство России достигнуть в город Феодосию к находящимся там родным его братьям Миная и Христаня Ямгуровых, кои были турецкоподанные; семейства их оставлены ими в Амасии, они же сами лет до тридцати торгуют по купеческому промыслу в помянутом Городе Феодосии; будучи же он в черкес в горах, слышал от приездившаго туда с Константинополя армянина Тороса, что будто бы те его братья нынешнего года летом семейства свои забрали к себе Феодосию, по случаю гонения на христиан турков» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 803а. Л. 14–14 об.). Каждый такой нарратив позволяет увидеть новые формы коммуникации между различными армянскими и греческими группами, проливает свет на механизм перемещения их по Османской империи и через границы Российской империи.

Второй грек Лефтер Иванов поведал историю, схожую с повествованием Ямгура, но обладающую некоторыми особенностями: «Лет ему от роду 22. Холост родом с города Амасии что в Анатолии, имеет там родного отца из торговцев грека Ивана Тафриз-оглу, а мать Катирину, отоль два года с половиною оставя тех родителей в живых, отправился по торговому промыслу и з собственным товаром на купеческом турецком корабле (которому хозяина имени не знает) прямо в Анап, в котором и по горам у Закубанцов и во владении нотухиж при речке Мозедич лежащем, также по местам у сапсугов обращался по тако-

вому промыслу; но отдавши и свой товар разным народам и по разным местам в долги, и не получив оных, остался в бедственном положении, наконец по случаю носящихся в тамошних местах слухов о гонении на греков со стороны турков, полагая себе опасность возвратиться в свою Родину, назад тому дней 15 решился удалиться с Закубанской стороны и прибегнуть под покровительство российскому престолу; почему с места пребывания своего селения Мезинич владения Казабат оглу, зная что грек Козьма Николаев Ямгур и армянин Мурат Мадросов недалеко оттоль находившись намерены также обратиться в Российские места, поехал к ним и вместе с ними прибыл к Екатеринодарской пристани, были провозжаемы сюда черкесами за платеж, который производил грек Козьма, как он ему Лефтер объявлял; но чем именно сей платеж произведен ему Лефтеру неизвестно» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 803а. Л. 15 об. – 16). Армяне, как более многочисленная группа в регионе, гораздо чаще встречаются в документах, иллюстрирующих масштабные перемещения в плоскости: Анатолия – Крым – Северо-Западный Кавказ – устье Дона. Этот «географический ромб», сложившийся в период функционирования Византийской и Трапезундской империй, продолжал поддерживать коммуникационную активность и в XIX в. В Закубанье транзитно проживали жители турецких городов Диарбекира, Эрзерума, других анатолийских мест, следовавшие в Карасубазар и Нор-Нахичевань (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 803а. Л. 12, 17; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 904. Л. 1).

В апреле 1824 г. инспектор Мазуренко, чиновник Екатеринодарской карантинной конторы докладывал Войсковому атаману Черноморского казачьего войска Матвееву о людях, пересекших российско-османскую границу по реке Кубань. «...Вышедшие с Закубанской стороны 16 числа сего месяца Турецкоподанные Два Грека... показывают..., что они оба Греческие Священники, турецкой державы города Трапезона прихода церкви Иоанна Крестителя. Когда воспоследовал в Турции между Греками и Турками мятеж, и от последних презрение и гонение вообще на Христиан, то турецкое начальство с них первого священника Теодора томя тюремным заключением за то что исходатайствовал у Константинопольского патриарха дозволение о перестройке упомянутой церкви по ея ветхости на новую, наконец наложили на него взыскание заплатить в Турецкую казну 16 000 левов, в числе коих испросив от добротных дателей 6 000 левов уплатил уже туркам, а 10 000 не находя способов в своих Соотечественников вовнутре Греции по непрерывному беспокойству испросить, предположил намерение обратиться для сей надобности к Грекам

и другим Христианам обитающим между Закубанскими народами; на что испрося позволение от трапезонского Греческого преосвященного митрополита Парфения и пашпорты, взяв с собою того же прихода младшего священника Теодора Егорьева, отлучились оттоль..., но не решились отправиться к Закубанцам сухопутно спасаясь худых последствий от турков, а сыскали случай переехать судном чрез Черное море в Россию в Город Феодосию; оттоль пошли в Город Симферополь к Господину Гражданскому Губернатору и у него испросили без срочные Пашпорты Сентября 13 прошлого 1823 года на пропуск их чрез Черноморию сухим путем За Границу в Турцию, по коим чрез Здешний Центральный Карантин Ноября 3 и пропущены сии Священники. И спознавши Закубанью свою надобность и опасаясь итти сухим путем в свои места по тем же причинам кои выше сего пояснены, Возвратились в Россию на сей же Карантин, с таким намерением чтобы явиться лично к Господину Таврическому Гражданскому Губернатору и испросить у него новые пашпорта на проезд морем в Турцию, где удобнее им сыскать случай достигнуть к своим местам... Мещанка Черкасова, повывдась она в городе Мариуполе с прописанными двумя греческими священниками и узнав что с них младший Теодор Егоров есть ближайший ея родственник потому что родная сестра ее Прасковья находится за ним в супружестве, и который объявил ей что он намерен иметь свидание со своим тестем а ея Черкасовой родным отцом Греком Иваном Лекторуком живущим между Абазинскими народами при речке Пчас, по Сему пожелала и она Черкасова вместе с ным Теодором отправится Закубань и повывдется с отцом и другим родством, на что испросила у господина Таганрогского градоначальника 13 сентября прошлого 1823 года пашпорт сроком на 10 месяцев, по коему с малолетним ея сыном Дмитрием, вместе с упомянутыми священниками при здешнем Карантине перепущена Закубань ноября 3 и оттоль сего месяца 16 числа возвратились и отправится на свое жилище в г. Мариуполь...» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 904. Л. 10–11). Этот документ может доказывать существование не только постоянных торговых, но и брачных связей между греческим населением Закубанья, Мариупольщины и Понтийской историко-этнографической области. Кроме того, можно предположить, что османская административная система, включавшая Закубанье в Анапский, Потийский и Трапезундский пашалык (поэтому паша именовался трехбунчужным (ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8. Л. 6)), коррелировалась с границами греческой православной митрополии с центром в Трапезунде. Именно поэтому священники данного прихода направились к своему родственнику в

Закубанье для сбора денежных средств и выполнили задуманное. Мариупольские греки тоже поддерживали отношения с населением Северо-Западного Кавказа, например, один из них, уроженец с. Мангуш, Иван Асланов в августе 1841 г. был зачислен в Черноморское войско (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 657. Л. 27).

Близость нахождения Понтийской области (северо-восток Анатолии) способствовала наиболее активной коммуникации черкесогаев с понтийскими армянами. 31 августа 1832 г. комендант Геленджикской крепости полковник Чайковский докладывал о прибывшем в Геленджик человеке. «Турецкоподанный Армянин католик Богос Рафаилов, житель города Трапезонта, прибывший в Геленджик для торговли на купеческом судне из Сухум кале и билетом тамошнего Коменданта, как знающий хорошо черкесский язык употребляется мною в переговорах с приезжающими сюда Горцами; но как мало знающий по Русски, он переводит Черкесский язык на Турецкий, знающему сей последний язык Нашебургского пехотного полка Прапорщику Спиранди. Сей Армянин с 1811 года в продолжении 20 лет проживал по торговым делам между Черкесами, наиболее в окрестностях Геленджика и Суджук-кале; бывал во многих горских значительных местечках и аулах, совершенно знает местоположение и пути от Геленджика до Усть Лабы, и по берегу до Сухум кале» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 333. Л. 71–71 об.). Впоследствии этот человек принял российское подданство в 1834 г. и привез свою семью из Трапезунда (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 383. Л. 42–42 об.). Третий раз Богос Рафаилов упоминается в 1848 г. в рапорте Начальника I отделения Черноморской береговой линии полковника Ясинского Временнокомандующему Черноморской кордонной линией Ращпилю. «Племянник... Богоса Рафаилова, Закубанский Армянин Хагуп Степан, живущий в горах близ Кубани на Инне (приписка на документе снизу простым карандашом – «Живет в мирном ауле Энем»), притесняемый постоянно горцами, которые действительно в настоящее время преследуют всех армян... изъявил желание переехать... к дяде своему в Новороссийск...» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 966. Л. 23). Особенно важно для нас упоминание о полилингвизме Богоса Рафаилова – знании им как турецкого, так и черкесского языков. В качестве переводчика в 1840 г. его приняли в штат 1-го Отделения Черноморской Береговой Линии в Новороссийске (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 37. Л. 63 об.).

Пример инкорпорации анатолийского грека в черкесское общество описан в путевых заметках Тэбу де Мариньи, который в качестве купца, сотрудника русской торговой миссии, а затем вице-консула Нидерландов несколько раз посетил чер-

кесское побережье Черного моря в 1813–1824 гг. В 1818 г. он побывал в районе р. Пшады: «Несколько черкесов вышли нам навстречу. Среди них был один старый грек, поселившийся в этой стране 40 лет назад; его женой была черкешенка, которая нарожала ему много детей и умерла 2 года назад от холеры. Этот старик пригласил нас войти в один из складов, где у него находилось около 600 пудов соли». И позже автор называл этого человека «греко-черкесом». Из слов Мариньи следовало, что грек занимался торговлей. Далее Мариньи сообщает имя этого грека и приводит ценные наблюдения о религиозной сфере: «5 мая, в воскресенье, грек Димо попросил у меня разрешения помолиться на судне, перед крестом в каюте; я охотно разрешил. Он принес несколько свечей из желтого воска, которые черкесы, как и мы, используют в своих религиозных обрядах, и зажег их в знак нашего искупления. С ним пришел один местный житель, который во время молитвы хранил уважительное молчание...» (Мариньи 2006: 36–37, 42–43). Судя по этому факту, грек Димо не имел возможности проводить молитву в приемлемых условиях за неимением церковной атрибутики.

Индивиды с двойственной греко-черкесской идентичностью выбирали стратегию адаптации и оставались жить среди черкесов. Англичанин Белл, путешествовавший по Черкесии в конце 1830-х гг., в письмах в мае 1837 г. несколько раз упоминал такую личность: «Человек, раненный в Абуне, происходящий из древнего греческого рода, и, похоже, являющийся знатоком седельного производства, в своем умении в том был полезен моему хозяину...». В другом письме от 22 мая 1837 г. Белл назвал этого человека «наш греко-черкес...» (Бэлл 2007: 119, 128).

Практически нам очень мало известно о населенных пунктах, где в Закубанье проживали армяне и греки. Кроме вышеупомянутых («во владении нотухиж при речке Мозедич лежащем», «селения Мезинич владения Казабат оглу», «между Абазинскими народами при речке Пчас», «район Пшады», аул Энем), встречаются еще сведения об Армянских аулах, например, «в Чичинейских владениях» (черченевцы – часть бжедугов) (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 416. Л. 17). Или в 1822 г. «выбежавший из плена» рядовой Тенгинского полка Кирило Филиппов рассказывал, что два года назад был взят в плен и доставлен к «большому Салтану Магмет Кирею». Пытаясь бежать, Филиппов был пойман «Закубанскими Армянами Барсуком с товарищами, живущими в лесу под абазинскими горами в ауле называемом армянским и чрез четыре дня поведен ими в аул к Абазинскому князю Мегмет Кирею, тут за него заплатил он Магмет Кирей тем армянам 35 тук

кумачу...» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 63. Л. 46–46 об.).

Попавший в Гривенский аул в 1823 г. грек Урус (Николай) Демтиров/Тентемиров/ Дмитриев/Дмитров в январе 1824 г. просил разрешения местного начальства пропустить его за Кубань «для взятъя сюда его семейства для совместного его с ним жительства – в 10 душах обего пола состоящего, находящегося в Чирчинейском владении» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–10 об.), в другом документе – «в армянском ауле Хатузика в Чирчинейских Владениях» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 868. Л. 116 об.). Именно его семейство, связанное различными узами с черкесогаями Чентамировыми, Бароновыми, было первой греческой семьей, поселившейся в Гривенском ауле, соответственно, на земле ЧКВ, территории Российской империи.

После Демтировых, вторым было семейство Николая Сафире, в ноябре 1832 г. «изъявившего желание водвориться на всегдашнее жительство в Гривенском ауле». В Екатеринодарском карантине рассматривалась его просьба, а также предложение Н.С. Заводовского «Грека Николая Сафире... перепустить из Закубани с его семейством». Вопрос был решен положительно: по явке грек должен быть перепущен в Марьянский кут с семейством и имуществом, в котором и подвергнут 21-дневному карантинному наблюдению (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 153. Л. 58, 61 об., 62). До этого на Екатеринодарском меновом дворе Николай Сафире показал, что он родился за Кубанью в «Абазехском племени», потом перешел на жительство в «Хамышейские владения в аул Гадьгабль», семейство его состоит из жены, двух сыновей и двух дочерей, и он желает поселиться в Гривенском ауле. Просьбу его удовлетворили (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1286. Л. 2–4).

Позднее, в июле 1840 г. из-за Кубани к Екатеринодарскому меновому двору прибыли грек Ян Какше (Кокше) с женою Урун-Хан и детьми: сыном Назаром, дочерьми Марьею, Софьею и Нашхо, а также семейство армянина Балдысара Григорьева с женою Еленою, сыном Вартерем, дочерью Гозарь и крепостным мальчиком Гачеке. В Екатеринодарском карантине 19 июля «при вопросе» прибывшие показали: «до сего же жительство они имели в Абазехского народа», переселились из-за Кубани по собственным своим желаниям и намерены водвориться в России на всегдашнее жительство, где начальство им укажет. 20 июля 1840 г. те же люди были допрошены уже в Канцелярии Наказного Атамана Войска Черноморского, где и сообщили следующие сведения. Армянин Богдасар Киркоров «показал», что ему 70 лет, жене его Елене 35, сыну Вартересу 17, дочери Кугар 15 и крестьянину Гажимафу

12. Все они вероисповедания григорианского, кроме крестьянина, происходящего из «Черкес Абазехского племени и исповедующего магометанскую веру». Жительство имели при речке Сухупс и с давнего времени имели желание перейти на жительство в Черноморию. В июне того же года, собравшись со всем имуществом, отправились в аул Хамышевского владельца дворянина Салимкирея, где находились до 17 июля, а потом прибыли на Екатеринодарский меновый двор, где и переправились вместе с 12 штуками рогатого скота и 3 лошадьми. Грек Яни Кокче сообщил: «ему 40 лет, жене Ханик 30, сыну Назару 13, дочерям Марье 10, Софии 6 и Сирме 3. Все они вероисповедания Греческого, жительство имели при реке Сухупс, вместе с армянином Киркоровым отправились в аул Селимкирея, откуда по прибытии в Екатеринодарский меновый двор переправились вместе с имуществом и 7 штуками собственного рогатого скота в российские пределы». Обе семьи имели «истинное желание принять присягу на верное подданство Государю Императору и поселиться на жительство в Гривенском Черкесском ауле» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618. Л. 352–353 об., 381).

Следующий по времени документ 1841 г. рассказывает о переходе на российскую территорию через Павловский пост «выбежавшего из гор Шапсугского племени» грека Семеона Серафимова 31 года с женою Пак (Пако) 28 лет, сыновьями (Маркидис (Маркидич, Марнизич) 12 лет, Андрей 9 лет, Степан 6 лет и Хапак 3 года). На месяц им были выданы кормовые деньги из расчета 10 коп. на взрослого и 5 коп. на малолетнего в день. Греческое семейство было водворено в Гривенный Черкесский аул (куренное управление), о чем и доложил «Куренный Атаман» урядник Гацук Татаюк. Серафимову был выдан билет о дозволении забрать два раза по три арбы леса, заготовленного в хуторе поручика Султана Сагат Гирея и доставить в Гривенский аул для устройства домовладения (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1648. Л. 241–251).

Таким образом, в Гривенском Черкесском ауле (с 1842 г. – станица) сконцентрировалось несколько семей горских греков: Демтировы, Серафимовы, Кокшевы, Дефтенковы/Довтенок (форма написания фамилии Деф(в)теровы/Леф(в)теровы, адыгская форма, скорее всего, – Лекторук). Затяжной конфликт, вылившийся в разбирательства на страницах исторических документов, привел к миграции армян и греков из Гривенской Черкеской станицы. К декабрю 1847 г., когда составлялись сведения об армянах и греках Гривенского аула в связи с их переселением в Переясловскую станицу, горских греков насчитывалось 7 семей (фамилии Демтировы, Серафимовы, Кокшевы, Дефтенковы): 33 человека –

18 мужчин и 15 женщин (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1841. Л. 144–147 об.).

В то же время, в первой половине XIX в. среди «вольнопromышленников торгующих закубанью» встречаются греки, которых позже на страницах исторических документов обнаружить не удалось. Например, «Грек Юрий Апостело» заплатил пошлину в размере 3 руб. 72 коп. на Екатеринодарском меновом дворе за перевоз через Кубань в ноябре 1843 г. 124 пудов 3 фунтов товаров «войсковыми каюками» (ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 277. Л. 28). 19 апреля 1844 г. вышел на Екатеринодарский частный карантин «закубанский грек» Яков Тевдеров, при нем мать его Десеус, жена Серим, сын Берух, дочери Гацекун, Фав, Кулат, Нагуасх и воспитанник Тлесмих. Они были «только в необходимом одеянии» [то есть без товаров. – В.К.] и парой быков с арбой (ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 666. Л. 14 об. – 15). Возможно, они вернулись в Закубанье или переехали в иные регионы.

Православные греки и армяне, адепты одной из древних христианских церквей, в новых российских пределах получили особый юридический статус – «инородцы». Вышедший в 1832 г. во второй редакции «Устав об управлении инородцев» распространился на Кавказ. В Положении о Черноморском казачьем войске, Высочайше утвержденном 1 июля 1842 г., было зафиксировано: «В пределах... войска обитают инородцы под наименованием: 1. Владельцев. 2. им подвластных. 3. вольных Черкес и 4. Армян» (ГАКК. Ф. 720. Оп. 2. Д. 19. Л. 3; ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 269. Л. 1 об.). Географически их определяли еще и как «азиатцев» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 457. Л. 55), наряду с адыгами, тем самым присоединяя к «горским» группам, дифференцируя от «европейцев» и выстраивая определенную иерархию. Таким образом, понятия «инородцы» и «горские» дискурсивно являются синонимами чуждости, многоаспектно характеризую место черкесогаев и греков в иерархии представлений элит империи. Закубанские греки прошли трансформацию, аналогичную православному населению других периферийных районов Османской империи, где в первой половине XIX в. исчезла/модифицировалась миллетная система, например, на Балканах и в получившей независимость Греции (Roudometof 1998: 11–48).

Итак, в первой половине XIX в. в условиях Кавказской войны и по итогам Адрианопольского

мирного договора 1829 г. между Османской и Российской империями Северо-Западный Кавказ стремительно трансформировался. Из турецкой «глухой» провинции, части Анапского пашалыка он превращался в удаленную окраину все более и более внедряющейся на Кавказ Российской империи. Миллетная система, каким-то образом обуславливающая длительное существование христиан (армян и греков) в адыгском большинстве, потеряла свою актуальность. Перед греками, проживавшими среди местного населения, встал новый выбор, актуализированный, с одной стороны, российской колонизацией, с другой – исламизацией адыгов. Принятие российского подданства означало не только формирование новых связей, способствующих группообразованию (влияние русских православных священников, чиновников и т. д.), но и изменение прежних – с адыгами, пусть не до полного разрыва, но достаточно конфликтационных из-за обстановки военных действий. Группообразование приобрело конкретные поселенческие рамки: горские греки из различных мест обитания в Закубанье собираются в Гривенский Черкесский аул.

Процесс группообразования греков-урым продолжился в Переясловской станице, пока окончание Кавказской войны и последовавшие административно-территориальные преобразования (объединение ЧКВ и Кавказского линейного казачьего войска в единое Кубанское войско и создание Кубанской области взамен Черномории и Правого фланга Кавказской линии) в начале 1860-х гг. кардинально не изменили ситуацию в регионе, актуализировав новые стратегии – мухаджирство (эмиграцию) коренного адыгского населения, переселение и укрупнение аулов, исчезновение с карты целых этносоциальных образований. Процессы отнесения себя к той или иной группе, постоянно идущие процессы, состоящие из неопределенных, хрупких, противоречивых и меняющихся связей (Латур 2014: 43) в новых условиях приобрели новые векторы. Сохранив привычные коммуникации с адыгами и черкесогаями, горские греки всю первую половину XIX в. консолидируются в более менее устойчивую общность, постепенно трансформируясь из конфессионального «сословия», обусловленного османской миллетной системой, в этническую группу «века национализма».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ЛИТЕРАТУРА

Боук Б. 2001. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Мануйлов А.Н. (отв. ред.). Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции (Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар: РИЦ «Вольные мастера», 147–155.

Бэлл Дж. 2007. Дневник пребывания в Черкессии в течение 1837–1839 годов: В 2 т. / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа.

Веселовский Н.И. 1914. Военно-исторический очерк города Анапы. Петроград: [Б.и.].

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 158.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 803а.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 904.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1286.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1648.

ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1841.

ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 8.

ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 416.

ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 269.

ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 277.

ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 37.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 63.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 157.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 333.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 383.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 457.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 798.

ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 966.

ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 153.

ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 666.

ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9.

ГАКК. Ф. 720. Оп. 1. Д. 8.

ГАКК. Ф. 720. Оп. 2. Д. 19.

ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 368.

Головка Ю. 2008. Азовські порти в зовнішній торгівлі 1777–1782 рр. (рапорти азовського губернатора В. Черткова) / Головка Ю. (упорядн.). Запоріжжя: Тандем-У.

Короленко П.П. 1902. Горские поселенцы в Черномории // Сысоев В., Дьячков-Тарасов А. (ред.). Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. III. Екатеринодар: Кубанское областное правление, 71–115.

Кузнецов И.В. 1997. Pontica Caucasica Ethnica II // Кузнецов И.В. (ред.). Studia Pontocausica 3. Понтийские греки. Краснодар: [Б.и.].

Латур Б. 2014. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ВШЭ.

Миллер А.И. 2006. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое научное обозрение.

Н.П. Богарсуков [некролог]. 1913 // Кубанский край. № 962–60. 13 марта, среда.

Рибер А. 2004. Сравнивая континентальные империи // Миллер А.И. (ред.). Российская империя в сравнительной перспективе: Сборник статей. М.: Новое издательство, 33–70.

Русско-адыгейские торговые связи. 1793–1860 гг.: Сборник документов. 1957. Майкоп: Адыг. кн. из-во.

Тэбу де Мариньи. 2006. Поездки в Черкессию / Пер. с фр. Нальчик: Эль-Фа.

Улуян Ар.А. 1994. Миллет как этно-конфессиональный феномен Османской империи // История. Культура. Этнология: Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы (Салоники, сентябрь 1994 г.). М.: ИСИБ РАН.

Фролов Б.Е. 2005. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань // Колесов В.И. (ред.). Historia Caucasica: Региональный исторический сборник научных статей. Вып. 4. Краснодар: Краснодар. гос. ист.-археол. музей-заповедник им. Е.Д. Фелициана.

Чемсо А.К. 2002. Гривенно-Черкесская станица. Краснодар: Известия.

Щербина Ф.А. 1916. История Армавира и черкесо-гаев / Щербина Ф.А. (сост.). Екатеринодар: Электротип. т-во «Печатник».

Barrett T.M. 1995. Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus // *Slavic Review*. V. 54. № 3 (Fall 1995).

Ortaylı İlber. 2004. The Ottoman Millet System and its Social Dimensions // *Ortaylı I. Ottoman Studies*. Istanbul: Istanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 15–22.

Roudometof Victor. 1998. From *Rum Millet* to Greek Nation: Enlightenment, Secularization, and National Identity in Ottoman Balkan Society, 1453–1821 // *Journal of Modern Greek Studies*. Vol. 16.

REFERENCES

Boeck Brian. In: *Sotsial'naya organizatsiya i obychnoe pravo: Materialy nauchnoi konferentsii [Social organization and customary law: Proceedings of the scientific conference (Krasnodar. 24–26 August, 2000)]* / Manujlov A.N. (ed.). Krasnodar, 2001, pp. 147–155. (In Russian).

Bell J. *Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov. V dvukh tomakh.* [Journal of Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839 by Bell James Stanislaus. In two volumes / Transl. from English by K.A. Malbakhova]. Vol. 1. Nalchik: El'-Fa, 2007. (In Russian).

Vesselovsky N.I. *Voenno-istoricheskiy ocherk Anapy [Military and Historic Essay of Anapa-city]*. Petrograd: s.n., 1914. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund 249. Inventory 1. Case 158. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 190. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 258. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 491. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 803a. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 904. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 1286. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 1618. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 1648. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 249. Inventory 1. Case 1841. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 250. Inventory 1. Case 8. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 250. Inventory 2. Case 416. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 252. Inventory 1. Case 269. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 252. Inventory 1. Case 277. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 260. Inventory 1. Case 37. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 63. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 157. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 333. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 383. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 457. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 798. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 261. Inventory 1. Case 966. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 324. Inventory 1. Case 153. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 324. Inventory 1. Case 666. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 348. Inventory 1. Case 9. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 720. Inventory 1. Case 8. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 720. Inventory 2. Case 19. (In Russian).

State Archive of Krasnodarsky krai. Fund. 774. Inventory 1. Case 368. (In Russian).

Golovko Yu. *Azov'ski porti v zovnishnij torgivli 1777–1782 rr. (raporti azov'skogo gubernatora V. Chertkova)* [Azov ports in the foreign trading in 1777-1782 (reports of the Azov governor V. Chertkov) / Golovko Yu (ed.). Zaporizhzhya: Tandem-U, 2008. (In Russian).

Korolenko P.P. In: *Izvestiya Obshchestva lyubitelej izucheniya Kubanskoj oblasti [News of the Society of Fans of Studying the Kuban Region]* / Sysoeva V., D'yachkova-Tarasova A. (ed.). Iss. 3 (1902). Ekaterinodar: Tip. Kubanskogo obl. pravleniya, 71–115. (In Russian).

Kuznetsov I.V. In: *Studia Pontocausica 3. Pontiyskie greki [Studia Pontocausica 3. The Pontic Greeks]* / Kuznetsov I.V. (ed.). Krasnodar: s.n., 1997. (In Russian).

Latour B. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling The Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]* / Transl. by I. Polonskaya; ed. by S. Gavrilenko. Moscow: VShE, 2014. (In Russian).

Miller A.I. Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe nauchnoe obozrenie, 2006. (In Russian).

N.P. Bogarsukov [obituary] // Kubansky krai [Kuban region]. No. 962–60. 13 March, Wednesday, Ekaterinodar, 1913. (In Russian).

Rieber A. In: Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive: Sbornik statej [The Russian Empire in Comparison Perspective. collection of articles] / Miller A.I. (ed.). Moscow: Novoe izdatelstvo, 2004, pp. 33–70. (In Russian).

Russko-adygejskie torgovye svyazi. 1793–1860 gg.: Sbornik dokumentov [Russian-Adyghe trade relations. 1793–1860. Collection of documents]. Maykop: Adyg. kn. izd-vo, 1957. (In Russian).

Taitbout de Marigny. Poezdki v Cherkesiyu [Travels in Circassia / Transl. from French]. Nal'chik: El;-Fa, 2006. (In Russian).

Ulunyan Ar.A. In: Istoriya. Kul'tura. Etnologiya: Doklady rossijskih uchenyh k VII Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniyu Yugo-Vostochnoj Evropy (Saloniki, sentyabr' 1994 g.) [History. Culture. Ethnology: Reports of Russian scientists to the VII International Congress on the Study of South-Eastern Europe. (Thessalonica, September 1994)]. Moscow: ISiB RAN 1994. (In Russian).

Frolov B.E. In: Historia Caucasica: Regional'nyj istoricheskij sbornik nauchnyh statej [Historia Caucasica: Historia Caucasica: Regional Historical Collection of Scientific Articles] / Kolesov V.I. (ed.). Iss. 4. Krasnodar: Krasnodar. gos. ist.-arkheol. muzey-zapovednik im. Ye.D. Felitsyna., 2005. (In Russian).

Chemso A.K. Grivenno-Cherkesskaya stanitsa [Grivenskaya Circassian village]. Krasnodar: Izvestia, 2002. (In Russian).

Shcherbina F.A. Istoriya Armavira i cherkesogayev [The History of Armavir and Cherkesogai] / Shcherbina F.A. (comp.). Ekaterinodar: Elektro-tip. t-vo "Pechatnik", 1916. (In Russian).

Barrett T.M. 1995. In: Slavic Review. V. 54, No. 3 (Fall 1995).

Ortaylı İlber. In: Ottoman Studies. Istanbul: Istanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2004, pp. 15–22.

Roudometof Victor. In: Journal of Modern Greek Studies. Vol. 16 (1998).

V.I. Kolesov
Krasnodar, Russia

FROM "RUM-MILLET" TO RUSSIAN "INORODTSY": BEGINNING OF GROUP FORMATION OF MOUNTAIN GREEKS IN THE NORTH-WESTERN CAUCASUS (FIRST PART OF 20th CENTURY)

Abstract. The article focuses on the transformational processes in the North-Western Caucasus in the late 19th century that took place after the Russo-Turkish War of 1828–1829 and in the context of confrontation with local people, later called the Caucasian War. Russian governmental models and sociocultural practices came to replace the Ottoman Millet system. The native Caucasian population was categorized as "Inorodtsy" according to the "Laws about Estates". The aim of the article is, using the example of Circassian language community of mountain Greeks, to demonstrate the controversial process of group formation as a complex of changing social networks. The actor-network theory of Bruno Latour was used as a methodology. Applied to the historical realities of the first half of the 19th century, it made it possible to present the identification of an individual with a particular group as an ongoing process. The author also considers possible ways of formation and expansion of the Greek population in the region, their relationship with the Anatolian part of Turkey, Crimea and the Mariupol region. Having preserved their relations with the Adygs and Cherkesogai, during the first half of the 19th century Mountain Greeks consolidated into a relatively stable group, gradually transforming from the confessional "class" of the Ottoman millet system into an ethnic community of the "century of nationalism". It is shown how the process of migration to the territory of the Russian Empire affected family histories of some Greeks (i.e. the Demtirovs, Seraphims and Kokshevs). Group formation of the mountain Greeks can be an example of the processes of "ethnisation" of the Caucasian groups in the first half of the 19th century.

When writing the article, the author used unpublished documents from the State Archive of the Krasnodar region and personal archives from the mid-19th century, such as diary records of the Englishman James Bell and memories of the Frenchman Tabou de Marigny.

Key words: transformation; North-Western Caucasus; Millet System; Russian Empire; Ottoman Empire; Mountain Greeks; Cherkesogai (Circassian Armenians); colonisation; group forming; Inorodtsy; Grivensky Circassian aul (village).

About the author: Vladimir Igorevich Kolesov, independent researcher.

Place of employment: independent researcher.

Колесов В.И. Из «Рум-миллет» в российские инородцы: начало процесса группообразования горских греков Северо-Западного Кавказа (первая половина XIX в.) // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 92–102.

Kolesov V.I. From "Rum-Millet" to Russian "Inorodtsy": Beginning of Group Formation of Mountain Greeks in the North-Western Caucasus (first part of 20th century) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 92–102.

УДК 94(37)

Е.В. Литовченко, С.В. Шилина
Белгород, Россия

ПАТРОНАТ И ЭВЕРГЕТИЗМ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЧИНЕНИЙ АВТОРОВ V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI вв.)

Аннотация. В данной статье рассматриваются два явления позднеантичного общества: патронат и эвергетизм. Проводится анализ фактов, свидетельствующих о континуитете в сфере патронатных отношений в период поздней Античности, раскрывается специфика и динамика феномена эвергетизма, а также на основе произведений писателей латинского Запада V – первой половины VI вв. выявляется соотношение этих двух явлений. В статье подробно описываются отношения «патрон–клиент», перечисляются права и обязанности обеих сторон, приводятся конкретные примеры предоставляемых клиентам услуг. В исследовании также дается определение явлению «эвергетизм», раскрываются его характерные, отличающие от патроната, черты. Эвергетизм, в отличие от патроната, лишен взаимовыгодного характера, т. е. фактически это явление приближено к благотворительности. Благодаря приведенным фактам и конкретным примерам, а также по свидетельствам позднеантичных писателей авторы данной статьи приходят к выводу о том, что традиция клиентелы сохранилась в почти неизменном, «классическом», виде, а явление эвергетизма трансформировалось из античной формы в христианскую благотворительность.

Ключевые слова: патронат; эвергетизм; патрон; клиент; аристократия; поздняя Античность; благотворительность.

Сведения об авторах: Елена Викторовна Литовченко, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории¹; Софья Викторовна Шилина, аспирант кафедры всеобщей истории².

Место работы: ^{1,2}Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Контактная информация: ^{1,2}308007, Белгородская область, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14, к. 4, тел.: 89103244211, 89087841309; ¹e-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru; ²sony_alyмова@mail.ru.

Благотворительность или поддержка власть имущими нуждающихся граждан – явление, в той или иной мере присущее любой эпохе и выступающее, на наш взгляд, одним из факторов стабильности общества. Однако, данным феноменам, как и целому ряду других, не менее важных для общественного бытия, в разные времена присуща своя специфика, выявление которой позволяет составить целостное представление о конкретном временном отрезке. Кроме того, пристальное внимание исследователей сегодня сосредоточено на так называемых «переходных» периодах, в числе которых и поздняя Античность. Динамика «классических» явлений в переходные периоды представляет большой интерес в плане конструирования стратегии выживания в кризисное время, поскольку полученные выводы, с поправкой на современные реалии, могут быть полезны и в настоящий момент.

Цель исследования – анализ фактов, свидетельствующих о континуитете в сфере патронатных отношений в период поздней Античности, определение специфики и динамики феномена

эвергетизма, а также соотношения этих двух явлений.

Методологическим ориентиром данного исследования является просопографический подход в интерпретации британского историка Кэтрин Китс-Рохан, тесно связывающей его с биографией и генеалогией: «Просопография – это, по сути, то, что может рассказать нам о различных типах связей между людьми, анализ совокупности данных о деятелях прошлого, и, следовательно, о том, как они функционировали в социальных, политических, экономических, духовных институтах своего времени»¹ (Keats-Rohan 2000: 2). В данном случае нас интересует определенный вид связи – отношения патроната и эвергетизм в поздней Античности.

В качестве основных источников использовались произведения писателей латинского Запада V – первой половины VI вв., времени до 476 г., когда произошло резкое изменение в политической расстановке сил, и полвека спустя. В течение

¹ Подробнее об этом см.: (Prosopography Approaches 2007).

этого периода мы наблюдаем процесс трансформации имперского пространства в «постимперское», характеризующееся большой степенью локализации и обособления территорий. Так, влиятельные галльские сенаторы, даже когда их связи с Италией и имперским правительством ослабевали, продолжали, тем не менее, преследовать те же идеалы, цели и амбиции, что и сенаторы всей империи. Однако одним из краеугольных камней их образа жизни стало отстаивание местных интересов (Mathisen 1993: 57–58). Здесь мы имеем в виду, в первую очередь, тех авторов, властные полномочия которых в той или иной степени осуществлялись в пределах их провинций, а взгляды и этапы деятельности зафиксированы в обширной переписке: Сидоний Аполлинарий (430–486), Руриций Лиможский (440–510), Авит Вьеннский (470–517(519)), Эннодий Павийский (473(474)–521) и др. Все они обладали немалой духовной властью на своей территории, являясь епископами, а учитывая нестабильную ситуацию того времени, исполняли и административные функции, т. е. фактически управляли местным обществом². В конечном счете епископы стали настолько влиятельными на местной арене, что их часто рассматривали как логических преемников римских имперских чиновников. Действительно, само выживание города в эти смутные времена могло зависеть от наличия сильного епископа (Mathisen 1993: 78–79).

Кроме того, степень преданности местному епископу была значительно выше той, что отводилась в прошлом светскому патрону, ибо епископ оказывал влияние не только на материальную, но и на духовную жизнь своих клиентов. Авторитет епископа наделял его личность и характер аурой влияния и неуязвимости, которой не владел ни один светский властелин. Более того, епископ после своей смерти часто получал статус святого. Так что его идеи продолжали жить (Rur. Ep., 2.3, 2.39: «*patronum haberetis ex filio*»).

Касаясь вопроса о патронате в позднеантичную эпоху, необходимо в первую очередь определиться с тем, что в целом представляет собой данное явление. Патронат в древнеримском обществе выступал в качестве особой формы социальных отношений, представлявшей собой покровительство по отношению к более бедным гражданам со стороны богатых и обеспеченных. Богатого гражданина называли патроном, а перешедших под его покровительство – клиентами. С одной стороны, это неуклонно вело к попаданию

бедных римлян в зависимость, а с другой – предоставляло им средства к существованию (Cornell, Lomas 2002: 39). В связи с этим патронат следует понимать не только как форму зависимости, но и как форму социальной поддержки. В поздний период существования Римской империи под покровительство богатых римских граждан переходили отдельные поселения и даже города. Данный феномен получил название «патроциний» (*patrocinium*)³, однако в настоящем исследовании не является предметом изучения.

Отношения «патрон–клиент» можно расценивать как один из инструментов, поддерживающих стабильность в римском обществе. Необходимо отметить, что обе стороны несли определенные обязательства. Патрон был обязан обеспечивать клиента одеждой, пропитанием, иногда деньгами. В домах патронов в определенный день недели, который назывался клиентским, устраивались специальные обеды и раздачи денег. Кроме того, патрон всегда охотно оказывал поддержку клиентам и в плане их продвижения по социальной лестнице, ведь если клиенту удавалось занять сколько-нибудь значимую должность, то это сулило значительные выгоды патрону. Клиент, в свою очередь, был обязан поддерживать своего патрона во время народных собраний, при необходимости сопровождать и охранять его, оказывать всевозможную иную помощь, прославлять. Система клиентелы фиксировала социальное неравенство, характеризовалась иерархичностью и асимметричностью структуры (Winterling 2009: 35) и представляла собой разветвленную сеть отношений, охватывающую большинство членов общества, так как патрон сам мог быть обязанным кому-то, более высокому по статусу, также как клиент мог иметь несколько патронов, чьи интересы иногда пересекались (Литовченко 2015: 159). Таким образом, специфика патронатных отношений заключалась в их иерархизованности и взаимовыгодности, и одна из наших задач – проанализировать модель данных общественных отношений в позднеантичный период на предмет динамики основополагающих черт клиентелы.

В период поздней Античности покровительство или протекционизм по-прежнему занимали центральное место в политической, социальной и духовной сферах жизни римского общества. Ярким примером может служить корреспонденция Симмаха: из 198 писем первых двух книг 62 (т. е. около трети) являются письмами-рекомендациями разного рода. Подобная информация содержится также в письмах Сидония (Sid. Ep., I, 9, III,

² Подробнее об этом явлении см.: (Andreassen 2010; Arnheim 1972; Bowersock 1986; Breukelaar 1994; Gilliard 1984: 153–175; Heather 2001: 437–468; Lizzi Testa 2009: 525–539; Mathisen 1979; Patzold 2014: 523–543 et al.).

³ Подробнее об этом см.: (Коптев 1995: 100–132; Неронова 1983: 221–239; Marcone 2008: 361–363).

4, IV, 9, 24, VI, 4, 5, 8, VII, 2, 6, 8, 9, VIII, 6, 5), Руриция (Rur. Ep., 2.1, 2.3–2.5, 2.15, 2.50, 2.62), Авита (Avit. Ep., 10, 11, 45, 48) (Литовченко 2015: 160).

Впрочем, даже ориентируясь только на количество писем, так или иначе затрагивающих вопросы, связанные с клиентскими отношениями, мы фиксируем их резкое уменьшение: у Симмаха во второй половине IV – начале V вв. (умер в 402 г.) такого рода посланий, по крайней мере, в пять раз больше, чем у Сидония. Это объясняется тем, что круг знакомых Симмаха не был ограничен пределами одной провинции, как у более поздних авторов, переживших падение Западной Римской империи и все предшествующие и последующие события, характеризующие нестабильную ситуацию на бывших римских территориях с разладившимся почтовым сообщением, не лучшим состоянием дорог и промышляющими на них разбойниками (Sid. Ep., VI, 4; Rur. Ep., II, 64).

Преследуя местные интересы, провинциальная аристократия стремилась иметь как можно больше власти, влияния и авторитета (*potentia* или *potestas*) на своих территориях. Для них был важен их социальный статус и, пожалуй, они смирились с тем, что этот статус значителен не в масштабах империи (это касается Сидония); другие же (их активная деятельность пришлась на последнюю четверть V – первую половину VI вв.) никогда и не помышляли об этом.

Тот факт, что количество клиентов по-прежнему выражает могущество патрона, подтверждают многочисленные свидетельства. Например, Павлин Пеллейский, описывая свое положение в начале V в., заявлял: «показателем моего процветающего положения была, в немалой степени, окружающая меня почтительная толпа и поддержка клиентов» (Euch. 436–437). Люди подобного рода не только обладали наибольшим влиянием в обществе; они также использовали свое положение таким образом, чтобы все знали об их обширных возможностях (Mathisen 1993: 98–99).

Члены знатных римских фамилий в позднеантичную эпоху были окружены толпой последователей и иждивенцев, известных как клиенты, даже более чем в период ранней Империи. Аммиан Марцеллин пишет об этом, отмечая, что римские нобили ходили по улицам Города только в сопровождении клиентов (Amm. Marc., XIV, 6, 12–17). Сидоний также указывает на этот обычай: аристократы, чьи дома он часто посещал, не покидали своего жилища, пока не наберется достаточная толпа клиентов (Lançon 2001: 63). В тринадцатом письме второй книги Сидоний сообщает нам, что Петроний Максим, известный своим 78-дневным правлением (17 марта – 31 мая

455 г.), был славен прежде всего «...обширным патронажем...» (Sid. Ep., II, 13, 4). Также позднеантичный литератор пишет о почти обязательном участии клиентов в трапезе (Sid. Ep., IV, 9, 1) и о некоторых обязанностях клиентов, наиболее распространенных в то время (Sid. Ep., III, 4, VI, 5)⁴.

Иерархичность клиентской структуры также можно проследить по письмам Сидония, поскольку он сам был патроном по отношению к нижестоящим по социальной лестнице и, одновременно, клиентом у более богатых и могущественных.

Так, должность префекта в 468 г. Сидоний получил благодаря покровительству римского сенатора Базилия, известного, в том числе, и своей обширной клиентелой: «Если кто-либо покинул его дом в какой-то момент, то он делал это, сопровождаемый целой толпой клиентов, напоминавшей человеческий поток, под давлением которого любой мог быть просто “выжат” на улицу» (Sid. Ep., I, 9). Базилий посоветовал ему воспользоваться своими литературными талантами и сочинить панегирик императору Антемию. Совет оказался дельным, и Сидоний получил возделенный пост (Sid. Ep., I, 9).

В других случаях Сидоний выступает в качестве патрона, например, по отношению к своим друзьям Турпиону и его сыну Турну (Sid. Ep., IV, 24). В данных обстоятельствах Сидоний играет роль посредника между Турпионом, занявшим определенную денежную сумму в прошлом у другого знакомого Сидония, Максима, который на момент написания письма исполнял обязанности священника в Лерине. Сидоний просит об отсрочке выплаты кредита в связи с болезнью Турпиона и не только договаривается об этом, но и получает заверения от Максима в том, что он не будет требовать погашения процентов, удовольствовавшись только основной суммой долга. Присутствуют в корреспонденции Сидония и письма-рекомендации (Sid. Ep., VI, 5, 8). В восьмом письме шестой книги Сидоний просит епископа Грека взять под патронаж неудачливого, но честного торговца, имя которого автор письма не называет. В другом послании Сидоний хлопочет перед епископом Ефронием за Симплиция, представителя позднеимперского нобилитета, подобного главе церковной организации Клермона, в качестве будущего главы церкви Буржа (Sid. Ep., VII, 8). В судьбе Симплиция Сидоний принял самое деятельное участие, выступив с речью перед жителями Буржа в поддержку его кандидатуры на пост епископа.

⁴ Чаще всего это были поручения, связанные с доставкой посланий друзьям, когда клиент использовался в качестве *cursor* или *nuntius*, т. е. посыльного.

В шестом письме восьмой книги Сидоний свидетельствует о сохранении такого обычая, связанного с функционированием института клиента, как раздача спортулы (Sid. Ep., VIII, 6, 5). В целом, в числе услуг, предоставляемых клиентам, присутствовали: помощь в судебных разбирательствах, примирение между ссорящимися родственниками, рекомендательные письма и посредничество с другими властителями (*potentates*) (Sid. Ep., II, 5, III, 9, 10, IV, 22). В корреспонденции Руриция также упоминается такая специфическая форма патронатных отношений как посредничество при заключении брака. В одном из писем к будущим родственникам его сына, Намацию и Церонии, Руриций обсуждает размер брачного дара (*donatio nuptialis*), при этом выясняется, что обсуждаемый брак был осуществлен при помощи посредника, некоего священника Постума, которого Руриций величает «наш взаимный покровитель» (*patroni communis domni Postumini*) (Rur. Ep., 2.2).

Авит Вьеннский в своих посланиях также свидетельствует о клиентеле как о распространенном явлении, консервирующем «классический» вариант патронатной связи (Avit. Ep., 10, 45, 48). Встречаются в его корреспонденции и рекомендательные письма: «Помогите человеку, который уже вам обязан за свою должность, “поднять” своего сына, чтобы он был еще в большем долгу» (Avit. Ep., 48).

Такого рода «посреднические» или рекомендательные письма не были редкостью в позднеантичный период и практически ничем не отличались от писем Плиния Младшего I–II вв. н.э. или Симмаха, большая часть из которых была написана во второй половине IV в.: «Дузариус, *vir clarissimus*, совершенно справедливо достигший высочайшего ранга среди профессоров медицины, хотел бы, чтобы его родственник и тезка был представлен тебе как патрону по моей рекомендации. Я рад удовлетворить эту просьбу человека, весьма близкого мне, и свидетельствую свое почтение тебе пожеланиями здоровья и благосклонности к нему. Будь добр проявить заботу о рекомендованном мною человеке, в качестве достойной замены моему личному общению с тобой» (Symm. Ep., 3.97).

Анонимный автор «Поэмы о провидении Божьем»⁵ (*Carmen de Providentia Divina*) упоминает о выгоде, которую извлекали лица, наделенные властью: «Обычно принято называть благословенными тех, кто, благодаря своему авторите-

ту (*potestas*), занимал самые высокие должности и обладал имуществом, приносящим огромную прибыль. Все восхищаются дорогой одеждой и красивой мебелью, роскошными поместьями, бесчисленными рабами и внимательными клиентами» (Carm. de prov. Div. 860–865). Сходство между этими привилегиями и теми, которые укрощали аристократов в целом, конечно, неслучайно. Ибо без *potentia* никто не мог надеяться на достижение или сохранение аристократического статуса (Mathisen 1993: 58–59).

Стремление патронов преследовать исключительно местные интересы частично вызвано отсутствием возможности занимать имперские должности. Кроме того, необходимо принимать во внимание разницу в общественной ситуации в средиземноморском мире в зависимости от того, к какой границе рассматриваемого периода близок тот или иной автор. Если мы будем опираться на свидетельства Симмаха, наиболее близкого к нижней границе периода, когда еще сохранялось имперское единство, то получим картину совсем иного рода, нежели, следуя за Рурицием, Авитом, или Эннодием, представлявшим время после падения Западной Римской империи, вплоть до конца первой четверти VI в. В эту нестабильную эпоху, характеризующуюся невероятной подвижностью государственных образований и их границ, мы наблюдаем процесс локализации потомственной римской аристократии в пределах бывших римских провинций, ныне – варварских королевств.

Именно поэтому быть *potens* в частной жизни становилось все более почетным занятием. Однако самые влиятельные и амбициозные властители все еще считали, что состоять на государственной службе будет полезным дополнением в стремлении к местной власти (Schlumberger 1989: 99). Тем самым, находясь при исполнении служебных обязанностей, они должны были помогать своим родственникам-аристократам, не занимавшим служебных постов (Arnheim 1972: 6–7). Когда в начале 470-го г. друг Полемий стал префектом претория Галлии, Сидоний написал ему: «Ты, конечно, помнишь, что в то время, когда ты состоишь на государственной службе, ты никогда не должен забывать о личной милости» (Sid. Ep., II, 3, III, 6, IV, 14, V, 18). В общем, мелкие местные патроны могли надеяться на то, что они будут пользоваться привилегиями их более влиятельных собратьев, за это они готовы были даже сносить унижение, о чем нам сообщает Фавст Регийский, настоятель Леринского монастыря, а впоследствии епископ города Рьева в Южной Галлии: «Даже если какой-то влиятельный человек (*potens*) оскорбит наше достоинство, мы не осмелимся ответить ему тем же. Почему

⁵ Авторство иногда приписывалось Св. Просперу Аквитанскому, создателю Хроники Проспера Аквитанского (*Prosperi Tironis Epitoma Chronicon*), но данная гипотеза не получила веских доказательств (White 2000: 114).

нет? Дабы не получить от этого влиятельного человека еще более серьезного унижения... Если же равный или, возможно, нижестоящий по статусу человек злоупотребляет нами... Мы непременно мстим за нашу обиду» (Faust. Sermon. 21, 232–236).

Эвергетизм как явление в чем-то схож с патронатом, но, безусловно, имеет свои особенности. Феномен эвергетизма изучен в меньшей степени, чем патронат, как в зарубежной, так и в отечественной историографии⁶. Вероятно, это объясняется тем, что под влиянием распространяющегося христианства античный эвергетизм сливался с христианской благотворительностью.

Под античным эвергетизмом понимается позиция, занимаемая богатыми гражданами, воспринимаящими участие в управлении не только и не столько как право, но и как определенную обязанность. В связи с этим в своей политической деятельности они прибегали к использованию личных средств: строили за свой счет бани, амфитеатры, сооружали различные монументы, устраивали грандиозные представления (в том числе гладиаторские бои) и мн. др. (Вен 2003: 50).

Очевидно, что патронат и эвергетизм – не одно и то же: патроны были готовы, когда это необходимо, накормить своих клиентов, оказать им юридическую, финансовую помощь и другие подобные услуги. Почти любой богатый человек являлся частным патроном, с кругом клиентов и иждивенцев, которым он предоставлял материальные блага (включая еду из своих запасов). Патрон был покровителем, но не обязательно эвергетиком. Щедрость благодетеля-эвергетика проявлялась в интересах населения в целом, а не только его личных клиентов.

Отличительной чертой эвергетизма также был его более или менее добровольный характер. Обязательство совершения благодеяния было моральным, а не установленным законодательно. Кроме того, система эвергетизма давала возможность более богатым и амбициозным людям получить преимущество над своими соперниками в конкурентной борьбе за честь и престиж в отдельно взятой местности (Garnsey, Whittaker 2008: 330–332).

Таким образом, специфика эвергетизма состоит в том, что благодеяние направлено не на конкретного человека – клиента, а на общество в целом, вследствие чего не имеет обратной связи,

лишено взаимовыгодного характера, т. е. фактически это вариант античного благодеяния, весьма приближенного к благотворительности. Безусловно, нельзя игнорировать тот факт, что посредством разного рода благотворительных акций складывалось положительное общественное мнение о человеке, который их осуществлял. И если последнее не имело значения для христианства («...когда творишь милостыню, не труби перед собою...») (Мф. 6.2)), то для епископов из аристократии общественное признание традиционно считалось показателем их власти, что в наибольшей степени роднит античный эвергетизм с патронатом.

В то же время эвергетизм схож и с христианской милостью, о чем мы уже упоминали выше. В Ветхом Завете содержатся предписания желаемого для христианина поведения в этом плане: «...к бедному ты будь снисходителен и милостыню ему не медли; ради заповеди помоги бедному и в нужде его не отпускай его ни с чем. Трать серебро для брата и друга и не давай ему заржаветь под камнем на погибель; располагай сокровищем твоим по заповедям Всевышнего, и оно принесет тебе более пользы, нежели золото; заключи в кладовых твоих милостыню, и она избавит тебя от всякого несчастья...» (Сир. 29.11–15). Слова Апостола Павла подтверждают добровольность пожертвований, идущих от сердца: «Каждый уделяет по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор. 9:7).

Можно констатировать, что в переходное позднеантичное время мы наблюдаем одно из уникальных явлений – слияние концепций античного эвергетизма и христианской благотворительности. Следствием упрочения христианской церкви в качестве доминирующей в позднеантичном городском обществе становится религиозный контекст благодеяний богатых людей, а затраты на традиционные гражданские памятники, удобства и услуги сокращаются. Значительно увеличиваются расходы на церковные здания и их оформление, а также периодическую реконструкцию и ремонт. На наш взгляд, это и есть эвергетизм позднеантичного образца, поскольку при этом создавались рабочие места для безработных, а церковные здания предназначались всему населению, все в большей степени христианизирующемуся. Кроме этого, христианская церковь уже активно практиковала и раздачу благотворительной милостыни под наблюдением высшего духовенства. Епископы в силу своей должности контролировали ресурсы и распределяли их среди бедных, вдов и сирот (списки которых сохранились, по крайней мере, в таких крупных городах, как Рим и Иерусалим). Епископы, таким образом,

⁶ Термин «эвергетизм» (в переводе с греческого *εὐεργετέω* означает «я делаю добро») впервые употребил французский исследователь Андрэ Буланже, имея в виду явление, характерное для практики состоятельных или высокопоставленных лиц, распределяющих часть своего богатства всему сообществу, а не отдельным лицам, в отличие от клиентелы. Об эвергетизме см.: (Cornell, Lomas 2002; Kalinowski 1996; Zuiderhoek 2009).

стали покровителями автоматически и *ex officio* (Garnsey, Whittaker 2008: 330–332).

Итак, христиане должны были следовать складывающейся церковной традиции милосердия, однако, необходимо было решить вопрос о размерах оказываемой адресной помощи. Два античных сочинения со схожими названиями «Об обязанностях» позволяют нам высветить контраст между классическим эвергетизмом и христианской благотворительностью – *De Officiis* Цицерона, написанное в середине I в. до н.э. для его сына, и *De Officiis Ministrorum* Амвросия Медиоланского, IV в. н.э., предназначенное для его духовных сыновей, клира. Труд Амвросия является фактическим переложением работы Цицерона, «приспособленным», по словам С.Л. Утченко (Утченко 1993: 165), к нуждам священнослужителей, но содержит другие вопросы. Должны ли мы продавать церковное серебро, чтобы выкупить из плена наших сограждан? Безусловно, Амвросий говорил, что должны, и делал это, хотя его оппоненты считали, что он стремится к демонстрации своего превосходства над знатными родами, чьи имена красовались на пожертвованном церкви серебре. Предписывает ли учение Христа отдавать все, что мы имеем? Еще в конце II – начале III вв. н.э. Климент Александрийский в своей работе «Кто из богатых спасется» (*Quis dives salvetur*) подчеркивал, что христианин, который дает умеренно, более полезен для общества, чем тот, кто раздает бедным все, чтобы стать очередным именем в епископском списке благотворителей (Clark 2011: 37). Примеров подобного рода помощи в позднеантичный период немало: сын Эпархия Авита Эктиций около 470 года, например, предоставил колоссальную помощь голодающим (Greg. Tur. Hist., Fr. 2.24). Аристократка Евгения Марсельская (Martindale 1980: 416) накормила голодных, а нобили Фирмин и Григория из Арля (*Vita Caes.*, 1.8), потратили свое богатство на бедных. Влиятельные миряне также участвовали в выкупе пленных.

Как считает британский историк Джиллиан Кларк, епископ как источник поддержки, не только моральной, но и материальной – «позднеантичное новшество», включающее концептуальное противопоставление позиции «классического» благотворителя, отдающего свои средства в обмен на славу и престиж в городском сообществе, и христианского епископа, жертвующего материальные средства нуждающимся прихожанам в обмен на почитание Церкви, молитвы за бедных и воздаяние в виде восхождения в рай (Clark 2011: 38). Многие епископы поощряли практику систематических пожертвований в пользу церкви и монастырей, которые, в свою очередь, продолжали оказывать помощь голодающим или предос-

тавляли земли в аренду. Священники несли ответственность за имущество и заботились о бедных. Христианский поэт Пруденций в конце IV в. описал случай с Лаврентием, священником (архидиаконом римской христианской общины), преданным мученической смерти в Риме в середине III в. Император Валериан потребовал отдать ему всю церковную казну, и Лаврентий попросил три дня, чтобы собрать средства. Он продал все имущество, раздал богатства бедным и через три дня привел к императору толпу нищих и обездоленных со словами: «Вот истинное достояние Церкви!» Разгневанный правитель велел поджарить дерзкого священника на медленном огне. Говорят, что стойко перенося мучения на раскаленной решетке, святой произнес знаменитую фразу: «Эта сторона уже готова, переверните на другую».

Так оформлялась христианская благотворительность, значительное место в которой, кроме раздач бедным, занимала деятельность, связанная с постройкой и ремонтом церковных зданий и монастырей (Sid. Ep. 3.12, 4.15.1, Venant. Carm., 6.5), финансирование разного рода церковных церемоний (Avit. Ep., 50, 64), игравших серьезную роль в рассматриваемый нами период в качестве противовеса развлечениям языческого толка, все еще пользующимся популярностью, с которыми Церковь активно боролась. В постройку и отделку церковных зданий вкладывались большие средства, и это, безусловно, объясняло то впечатление, которое они производили на прихожан своим убранством: сооружения «были наполнены светом и цветом, с многочисленными масляными лампами, расположенными среди отражающих свет серебряных чаш; занавесями из дорогих тканей, расшитых золотом, разноцветным мозаичным покрытием, переливающимся на свету, с ликами святых, благотворителей, библейскими сюжетами, выложенными мозаикой на полу и стенах» (Clark 2011: 54).

О строительстве зданий (по большей части церквей) мы узнаем как из писем, так и из надписей на самих зданиях, если таковые сохранились (по крайней мере, многие надписи зафиксированы в разного рода письменных источниках). Какую цель преследовали в позднеантичное время, высекая хвалебные надписи о людях, финансировавших строительство и транслируя их в своих литературных произведениях? Помимо очевидного стремления противостоять усилиям времени, избегая забвения, была и еще одна важная цель – восхвалять великих людей прошлого, чтобы подстрекать ныне живущих к подобной добродетели (Procop. De aed., I, 2). Это сентенция Прокопия в честь Юстиниана, правда, византийский писатель связывал эти вопросы напрямую с патронажем,

отмечая, что история показывает, как те, кто получал пособия, проявляли благодарность по отношению к своим благодетелям, тем самым сохраняя добродетель своих покровителей навсегда (Kalinowski 1996: 193).

Разумеется, фундаментальная проблема сохранения памяти оставалась решающей для патронов зданий в период поздней Античности. Так, Либаний писал о приезде Модеста относительно его строительства портика в Антиохии: «...Можешь ли ты довести до желаемого завершения этот широкий, грандиозный, высокий портик, угодный Дионису, и, тем самым, позволить ему стоять, пока существует человечество, сохраняя имя его строителя» (Lib. Ep., 196.1).

В нескольких письмах Сидония упоминается о строительстве церковных зданий (Sid. Ep., II, 10, V, 8). Так, восьмое послание пятой книги адресовано Секундину, поэту, автору гекзаметров в честь епископа Пацентия, высеченных на стене базилики, построенной последним в Лионе. Речь идет о Базилике Святых апостолов Петра и Павла, построенной в V в. на месте языческого храма⁷. Пацентий был епископом Лиона ок. 450 г., где и возвел упомянутый собор⁸.

Сидоний описывает красоту этого сооружения в десятом письме второй книги (Sid. Ep., II, 10, 3). Базилика несколько раз перестраивалась, в результате самой старой частью сооружения сегодня остается крипта VI в., а более ранние строки Секундина, высеченные на алтаре храма при его постройке в V в., сохранились только в передаче Сидония. В данном письме Сидония представлен также портрет Пацентия, судя по всему, весьма достойного человека, отличавшегося истинно христианским рвением, милосердием к обездоленным и склонностью к аскетизму: «...недавно была построена церковь в Лионе, и успешное завершение *<строительства>* стало *<следствием>* рвения епископа Пацентия; ты знаешь о его святой, напряженной и аскетической жизни, о том, как благодаря своей изобильной щедрости и любви к бедным, он возводит на равную *<своим добродетелям>* высоту храм *<с такой же>* безупречной репутацией...» (Sid. Ep., II, 10, 2).

Именно по просьбе Пацентия Сидоний сделал соответствующую посвятельную надпись, в которой дается описание церкви, возвышающейся во всем ее великолепии, «...с высоко вздымающимся фасадом, смотрящим на равноденствен-

ный восход солнца. Вся наполненная светом изнутри, а позолота кессонного⁹ потолка притягивает золотые солнечные лучи. Вся базилика яркая, декорированная разнообразными сортами мрамора, пол, своды и окна украшены фигурами самого разного цвета, а мозаика цвета весенней зелени окантована смальтой сапфирового оттенка. Вход в тройной портик гордо покоится на Аквитанских колоннах; второй портик подобной конструкции закрывает атриум на дальней стороне, а пространство между ними поддерживается целым лесом колонн...» (Sid. Ep., II, 10, 4).

Информация подобного рода содержится также в переписке Авита. Во вступлении к пятидесятому письму автор извиняется за то, что не смог присутствовать на освящении церкви, которую Аригий восстановил во всем ее великолепии, по видимому, после вторжения врага (Sid. Ep., 50, 1).

Авит вполне мог хорошо знать художественное описание Сидонием церкви Пацентия в Лионе (Sid. Ep. II, 10), поскольку использовал схожие выражения. В другом письме Авит воссоздает церемонию, на которой он не мог присутствовать лично: «...ибо после того, как они осмотрели все части великой конструкции, они непременно бы отметили элегантность форм строения, его гармоничные пропорции, размеры, высоту крыши, прочность основания, а также величину пожертвования, необходимого в связи с большими затратами на строительство» (Avit. Ep., 50, 2).

Из написанной в VI в. эпитафии Венанция Фортуната известно также о строительстве церкви Рурицием Лиможским в честь Св. Августина. Эпитафия посвящена собственно Рурицию и его внуку с таким же именем: «Каждый из них в свое время, верный своему долгу, построил церковь, посвященную святому покровителю, один – в честь Августина, другой – Петра» (Venant. Carm., 6, 5).

Магн Феликс Эннодий, будучи епископом, также совершает ряд действий, не входящих в круг его обязанностей, но объясняемых именно тем, как он понимал свою должность, и являющихся, по сути, христианской благотворительностью. Он организует восстановление разрушенных тицинских церквей, заботится о восстановлении города, договаривается о бесплатном возвращении пленных и об уменьшении налогов для лигурийцев. Ярким примером следует считать и обеспечение пленных воинов Одоакра питанием, кровом, возможно, и лечением. Это было продиктовано, в первую очередь, заботой о родном городе, что становится понятно из текстов Эннодия.

⁷ Позже и ныне Кафедральный собор Сен-Жан или Собор Святого Иоанна Крестителя (фр. Cathédrale Saint-Jean-Baptiste de Lyon).

⁸ Позднее, в VII в. как придел к основному зданию церкви был пристроен баптистерий Св. Иоанна.

⁹ Кессон – многоугольное углубление; кессонный потолок включает поперечные и продольные балки, декорированные орнаментом.

Своей мудрой политикой Епифанию, жизнь которого описывает Эннодий, удается сохранять дружеские отношения с Теодорихом и Одоакром и, тем самым, уберечь родной Тицин от разрушения. К тому же, пользуясь расположением обоих правителей, епископу удавалось договориться об освобождении пленных в ситуациях, когда, как подчеркивает Эннодий, даже золото вряд ли смогло бы помочь (Ennod. Vita Epiph., 114–116) (Сапенко 2016: 87–88).

Таким образом, приведенные нами факты свидетельствуют о сохранении традиции клиентелы в почти неизменном, «классическом», виде. Клиентела в позднеантичный период, по сути, – проявление устойчивого типа социального поведения, выразившегося в определенной системе социальных действий, цель и содержание которых сохраняли ту же направленность, что и в предшествующее время. При этом круг клиентских связей с конца V – начала VI вв. сузился до границ отдельных территорий бывшего пространства Западной Римской империи и продолжал функционировать в их пределах.

Что же касается эвергетизма, свидетельства позднеантичных авторов иллюстрируют транс-

формацию его античной формы в христианскую благотворительность. Позднеантичный эвергетизм со временем стал проявляться не в виде ярких акций для завоевания популярности у населения, а в виде мероприятий, направленных на улучшение жизни провинции, за духовную жизнь которой отвечал тот или иной епископ, прежде всего, в долгосрочной перспективе. Он терял свою прагматическую составляющую и приближался к благотворительности. Таким образом, в рассматриваемый нами период отмечается амбивалентный характер данного явления: с одной стороны, представители нобилитета, как светского толка, так и в христианском клире, демонстрировали вполне античную тенденцию – совершать благодеяния с целью прославить свое имя и упрочить положение рода; с другой стороны, распространение христианства с его концепцией бескорыстного служения и поддержки нуждающихся ради привлечения новых адептов в лоно Церкви обусловило становление христианской благотворительности, освобожденной от идеи извлечения взаимной выгоды.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 2 Кор.** – Апостол Павел. Второе послание к Коринфянам
Мф. – Евангелие от Матфея
Сир. – Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова
Avit. Ep. – Авит. Письма
Carm. de prov. Div. – Поэма о Провидении Божьем
CSEL – Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinarum
Ennod. Vita Epiph. – Эннодий. Житие блаженнейшего мужа Епифания, епископа Тицинской церкви
Euch. – Евхаристик
Faust. Serm. – Фавст. Проповеди
Greg. Tur. Hist. Fr. – Григорий Турский. История франков
Lib. Ep. – Либаний. Письма
MGH. AA. – Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi
MGH. SRM. – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum
PL – Patrologia latina
Procop. Deaed. – Прокопий Кесарийский. О постройках
Rur. Ep. – Руриций. Письма
Sid. Ep. – Сидоний. Письма
Symm. Ep. – Симмах. Письма
Venant. Carm. – Венанций Фортунат. Стихи
Vita Caes. – Житие Цезария Арелатского

ЛИТЕРАТУРА

- Вен П. 2003. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / Пер. с фр. Л.А. Торчинского. М.: Научный мир.
 Коптев А. В. 1995. Сельские патроцинии и императорская политика во второй половине IV – первой половине VI вв. // От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда: Ардвисура, 100–132.
 Литовченко Е.В. 2015. Особенности клиентских отношений в позднеантичный период (по письмам Сидония) // ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Вып. IV: Сб. науч. тр. к 50-летию проф. Н.Н. Болгова. Белгород: ООО «Эпицентр», 158–164.
 Неронова В.Д. 1983. Поздняя Римская Империя (III–V вв.) // История Древнего мира. Упадок древних обществ. М.: Наука, 221–239.

- Сапенко В.Ю. 2016. Эвергетизм и патронат в сочинениях Магна Феликса Эннодия // Кондаковские чтения – V. Античность – Византия – Древняя Русь / Болгов Н.Н. (отв. ред.). Белгород: НИУ «БелГУ», 84–88.
- Утченко С.Л. 1993. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 159–174.
- Alcimus Ecdicius Avitus Viennensis episcopo*. Opera quae supersunt. 1883 / Peiper R. (ed.) // MGH. AA. T. VI. Pt. 2. Berlin: Weidmann.
- Andreassen K.A. 2010. The nature of episcopal authority in fifth-century Gaul. Lake Forest: Lake Forest College.
- Arnheim M.T.W. 1972. The senatorial Aristocracy in the Late Roman Empire. Oxford: Clarendon.
- Bowersock G.W. 1986. From emperor to bishop: The selfconscious transformation of political power in the IVth century A.D. // Classical Philology. Vol. 81. № 4, 298–307.
- Breukelaar A.H.B. 1994. Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Carmen de providential divina. 1901 // Molinier A. Les Sources de l'histoire de France – Des origines aux guerres d'Italie (1494). I. Époque primitive, mérovingiens et carolingiens. Paris: A. Picard et Fils, 44.
- Clark G. 2011. Late Antiquity: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press.
- Cornell T., Lomas K. 2002. Bread & Circuses. Evergetism and municipal patronage in Roman Italy. L.; N.Y.: Routledge.
- Ennodius Magnus Felix. Opera Omnia. 1882 // Hartell G. (ed.). CSEL. Vol. VI. Wien: Vindobonae.
- Fausti Reiensis praeter sermones pseudo-Eusebianos opera. Accedunt Ruricii Epistulae. 1891 // Engelbrecht A. (ed.). CSEL. Vol. XXI. Wien: Vindobonae, Tempsky.
- Garnsey P., Whittaker C.R. 2008. Trade, industry and the urban economy. Elite redistribution – liturgies, evergetism and patronage // The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge: Cambridge University Press, 330–332.
- Gilliard F.D. 1984. Senatorial Bishops in the Fourth Century // Harvard Theological Review 77, 153–175.
- Gregorii Turonensis. Opera Omnia. 1884–1885 // Arndt W., Krush B. (eds.). MGH. SRM. T. 1. Hannoverae: Hannoverae Impensis bibliopolii Hahniani.
- Heather P.J. 2001. State, lordship and community in the West (AD 400-600) // The Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Cambridge: Cambridge University Press, 437–468.
- Kalinowski A.V. 1996. Patterns of Patronage: The Politics and Ideology of Public Building in the Eastern Roman Empire (31 BCE – 600 CE). Ottawa: National Library of Canada.
- Keats-Rohan K.S.B. 2000. Prosopography and Computing: A Marriage Made in Heaven? // History and Computing 12(1), 1–11.
- Lançon B. 2001. Rome in Late Antiquity. Everyday Life and Urban Change, AD 312-609. N.Y.: Routledge.
- Libanii Opera Omnia. 1927 / Foerster R. (ed.). Vol. 1–7. Leipzig: Teubner.
- Lizzi Testa R. 2009. The Late Antique Bishop: Image and Reality // Rousseau Ph. (ed.). A Companion to Late Antiquity. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 525–539.
- Marcone A. 2008. From patronage to patrocinium // The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge: Cambridge University Press, 361–363.
- Martindale J.R. 1980. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD. 395–527. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mathisen R.W. 1979. The ecclesiastical aristocracy of fifth-century Gaul: a regional analysis of family structure. Thesis. University of Wisconsin-Madison.
- Mathisen R.W. 1993. Roman aristocrats in barbarian Gaul: strategies for survival in an age of transition. Austin, TX: University of Texas Press.
- Patzold S. 2014. Bischöfe, soziale Herkunft und die Organisation lokaler Herrschaft um 500 // Chlodwigs Welt. Organisation von Herrschaft um 500. Stuttgart: Franz Steiner, 523–543.
- Paulinus Pellaeus. Eucharisticus. 1888 // Brandes G. (ed.). CSEL. Vol. XVI. Poetae Christiani Minores. Pt. I. Wien: Vindobonae.
- Procopius. Opera Omnia. 1962 // Loeb Classical Library. Vol. VII. De aedificiis. Leningrad: William Heineemann, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Prosopography Approaches and Applications: A handbook (Prosopographica et Genealogica). 2007 / Keats-Rohan K.S.B. (ed.). Oxford: University of Oxford.
- Ruricii Epistularum libri duo. 1891 // Engelbrecht A. (ed.). CSEL. Vol. 21. Fausti Reiensis et Ruricii Opera. Wien: Vindobonae, 349–442.
- Schlumberger J.A. 1989. Potentes and potentia in the Social Thought of Late Antiquity // Clover F.M., Humphreys R.S. (eds.). Tradition and innovation in the Late Antiquity. Madison: University of Wisconsin press, 89–104.
- Sidonius Apollinaris. Epistolae et carmina. 1887 // Luetjohann C., Krusch B. (eds.). MGH. AA. Vol. 8. Sidonius, Faustus, Ruricius. Berlin: Weidmann.

- Symmachi Q.A.* 1883. *Quae supersunt* // Seek O. (ed.). MGH. Vol. 6. Berlin: Weidmann.
- Venanti Honori Clementiani Fortunati Presbyteri Italici. Opera Poetica.* 1885 // Krusch B., Leo F. (eds.). MGH. AA. Vol. IV. Berlin: Weidmann.
- Vita Caesarii Arelatensis*, by Bishop Cyprian of Toulon and others. 1896 // Krusch B. (ed.). MGH. Vol. 3. Hannover: Hahn, 433–501.
- Winterling A.* 2009. *Politics and Society in Imperial Rome.* Oxford: Wiley-Blackwell.
- White C.* 2000. *Early Christian Latin Poets (The Early Church Fathers).* L., N.Y.: Routledge.
- Zuiderhoek A.* 2009. *The Politics of Munificence in the Roman Empire: Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor.* Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press.

REFERENCES

- Veyne P.* Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii [Writing History: Essay on Epistemology / Transl. from French by L.A. Torchinsky]. Moscow: Nauchnyi mir, 2003. (In Russian).
- Koptev A.V.* In: Ot prav grazhdanstva k pravu kolonata. Formirovanie krepostnogo prava v pozdnej Rimskoj imperii [From the citizenship rights to the right of colonatus. Formation of serfdom in the late Roman Empire]. Volgoda: Ardivisura, 1995, pp. 100–132. (In Russian).
- Litovchenko E.V.* In: IRESIONA. Antichnyi mir i ego naslediyе. Vypusk IV: Sbornik nauchnyh trudov k 50-letiyu prof. N.N.Bolgova [IRESIONA: Antique world and its heritage. Issue IV: Collection of scientific works devoted to the 50th anniversary of Prof. N.N.Bolgov]. Belgorod: OOO “Epitsentr”, 2015, pp. 158–164. (In Russian).
- Neronova V.D.* In: Istoriya Drevnego mira. Upadok drevnih obshchestv [History of the Ancient World. The decline of ancient societies]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 221–239. (In Russian).
- Sapenko V.Yu.* In: Kondakovskie chteniya – V. Antichnost – Vizantiya – Drevnyaya Rus [Kondakov Readings – V. Antiquity – Byzantium – Ancient Rus / Executive editor-compiler by N.N. Bolgov]. Belgorod: NIU “BelGU”, 2016, pp. 84–88. (In Russian).
- Utchenko S.L.* In: Mark Tulliy Tsitseron. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyah [Marcus Tullius Cicero. On Moral Duties. On Old Age. On Friendship.]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 159–174. (In Russian).
- Alcimus Ecdicius Avitus Viennensis episcopo.* Opera quae supersunt // Peiper R. (ed.) // MGH. AA. Vol. VI, Pt. 2. Berlin: Weidman, 1883.
- Andreassen K.A.* The nature of episcopal authority in fifth-century Gaul. Lake Forest: Lake Forest College, 2010.
- Arnheim M.T.W.* The senatorial Aristocracy in the Late Roman Empire. Oxford: Clarendon, 1972.
- Bowersock G.W.* In: Classical Philology. Vol.81, No. 4 (1986): 298–307.
- Breukelaar A.H. B.* Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994.
- Carmen de providential divina. *Molinier A.* Les Sources de l'histoire de France – Des origines aux guerres d'Italie (1494). I. Époque primitive, mérovingiens et carolingiens. Paris: A. Picard et Fils, 1901, p. 44.
- Clark G.* Late Antiquity: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Cornell T., Lomas K.* Bread & Circuses. Euergetism and municipal patronage in Roman Italy. L.; N.Y.: Routledge, 2002.
- Ennodius Magnus Felix.* Opera Omnia. // Hartell G. (ed.). CSEL. Vol. VI. Wien: Vindobonae, 1882.
- Fausti Reiensis praetersermones pseudo-Eusebianos opera. Accedunt Ruricii Epistulae// Engelbrecht A. (ed.).CSEL. Vol. XXI. A. Wien: Vindobonae, Tempisky, 1891.
- Garnsey P., Whittaker C.R.* In: The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 330–332.
- Gilliard F.D.* In: Harvard Theological Review. Iss. 77 (1984): 153–175.
- Gregorii Turonensis.* Opera omnia // Ed. by Arndt W., Krush B. MGH. SRM. Vol. 1. Hannoverae, 1884–1885.
- Heather P.J.* In: The Cambridge Ancient History Cambridge: Cambridge University Press, Vol. XIV (2001): 437–468.
- Kalinowski A.V.* Patterns of Patronage: The Politics and Ideology of Public Building in the Eastern Roman Empire (31 BCE – 600 CE). Ottawa: National Library of Canada, 1996.
- Keats-Rohan K.S.B.* In: History and Computing. Vol.12, Iss. 1 (2000): 1–11.
- Lançon B.* Rome in Late Antiquity. Everyday Life and Urban Change, AD 312–609. N.Y.: Routledge, 2001.
- Libanii Opera Omnia / Foerester R.* (ed.). Vol. 1–7. Leipzig: Teubner, 1927.
- Lizzi Testa R.* The Late Antique Bishop: Image and Reality// Rousseau Ph. (ed.). A Companion to Late Antiquity. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2009: 525–539.
- Marcone A.* In: The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. Cambridge: Cambridge University Press, 2008, pp. 361–363.
- Martindale J.R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Mathisen R.W. The ecclesiastical aristocracy of fifth-century Gaul: a regional analysis of family structure. Thesis. University of Wisconsin-Madison, 1979.

Mathisen R.W. Roman aristocrats in barbarian Gaul: strategies for survival in an age of transition. Austin, TX: University of Texas Press, 1993.

Patzold S. In: Chlodwigs Welt. Organisation von Herrschaft um 500. Stuttgart: Franz Steiner, 2014, pp. 523–543.

Paulinus Pellaeus. Eucharisticus // Brandes G. (ed.). CSEL. V. XVI. Poetae Christiani Minores. Pt. I Wien: Vindobonae, 1888.

Procopius. Opera Omnia. Loeb Classical Library. Vol. VII. De aedificiis. Leningrad: William Heinemann, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1962.

Prosopography Approaches and Applications: A handbook (Prosopographica et Genealogica) / Ed. by Keats-Rohan K.S.B. Oxford: University of Oxford, 2007.

Ruricii Epistularum libri duo // Ed. by Engelbrecht A. CSEL Vol. 21. Fausti Reiansiset Ruricii Opera. Wien: Vindobonae, 1891, 349–442.

Schlumberger J.A. In: Tradition and innovation in the Late Antiquity / Clover F.M., Humphreys R.S. (eds.). Madison: University of Wisconsin Press, 1989, 89–104.

Sidonius Apollinaris. Epistolae et carmina // Luetjohann C., Krusch B. (eds.). MGH AA. Vol. 8. Sidonius, Faustus, Ruricius. Berlin: Weidmann, 1887.

Symmachi Q.A. Quae supersunt // Seek O. (ed.). MGH. Vol. 6. Berlin: Weidmann, 1883.

Venanti Honori Clementiani Fortunati Presbyteri Italici. Opera Poetica. 1885 // Krusch B., Leo F. (eds.). MGH. AA. Vol. IV. Berlin: Weidmann.

Vita Caesarii Arelatensis, by Bishop Cyprian of Toulon and others // Krusch B. (ed.). MGH. Vol. 3. Hannover: Hahn, 1896, pp.433–501.

Winterling A. Politics and Society in Imperial Rome. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.

White C. Early Christian Latin Poets (The Early Church Fathers). L.; N.Y.: Routledge, 2000.

Zuiderhoek A. The Politics of Munificence in the Roman Empire: Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2009.

E.V. Litovchenko, S.V. Shilina

Belgorod, Russia

PATRONAGE AND EUERGETISM IN LATE-ANTIQUITY SOCIETY (BASED ON THE WORKS OF THE 5th – FIRST HALF OF 6th CENTURIES)

Abstract. This paper deals with two phenomena of the Late Antique society such as patronage and euergetism. Facts testifying to the continuity of patronage relations in the Late Antique period have been analysed in the article. The authors reveal particular characteristics and dynamics of the “euergetism” phenomenon and, based on the works of the Latin West writers of the 5th – first half of the 6th centuries, determine the correlation of these two phenomena. The “patron-client” relations are described in the article, the rights and obligations of both parties are listed and specific examples of services provided to clients are given. The definition of the “euergetism” phenomenon is given in the research and characteristic features, which distinguish it from the patronage, are revealed. Unlike patronage, euergetism is not reciprocal i.e., in fact, this phenomenon resembles very closely charity. According to the considered facts and specific examples from the Late Antique writers, authors of this paper have come to the conclusion that the tradition of clientelism has remained almost unaltered in its “classical” form, while the “euergetism” phenomenon has transformed from its ancient form into Christian charity.

Key words: patronage; euergetism; patron; client; aristocracy; Late Antiquity; charity.

About the authors: Elena Viktorovna Litovchenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of General History¹; Sofia Viktorovna Shilina, post graduate student at the Department of General History².

Place of employment: ^{1,2}Belgorod State National Research University.

Литовченко Е.В., Шилина С.В. Патронат и эвергетизм в позднеантичном обществе (по материалам сочинений авторов V – первой половины VI вв.) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 103–113.

Litovchenko E.V., Shilina S.V. Patronage and Euergetism in Late Antique Society (Based on the Works of 5th – first half of 6th centuries) // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 103–113.

США И ПОДВОДНАЯ ВОЙНА КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1914–1918 гг.

Аннотация. В статье рассматривается подводная война кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. Отдельное внимание уделяется эволюции взглядов государственной власти США и американской общественности на деятельность немецкого подводного флота.

Исследование основано на материалах, размещенных в электронной библиотеке американского Конгресса. К ним относятся речи американского президента В. Вильсона и государственных деятелей, американская пресса. Эти документы позволяют комплексно рассмотреть подводную войну кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. и проследить процесс трансформации отношения США к ней. Отдельное внимание авторы уделили анализу российских и зарубежных исследований по обозначенной проблематике.

Результаты проведенного исследования позволяют реконструировать отдельные аспекты Первой мировой войны, определить отношение США к деятельности подводного флота Германской империи в 1914–1918 гг., а также определить перспективы дальнейшей работы над обозначенной проблематикой.

Ключевые слова: Первая мировая война; Соединенные Штаты Америки; Вудро Вильсон; кайзеровская Германия; субмарина; «Лузитания».

Сведения об авторах: Алена Владимировна Савельева¹, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории; Алексей Александрович Сойкин², ассистент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: ^{1,2}Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628600, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 36; тел.: (3466)273510, e-mail: ¹saveleva_1984@mail.ru; ²soykinalexey@mail.ru.

Первая мировая война (1914–1918) стала трагическим событием начала XX в., так как унесла жизни сотен людей, подорвала основу мировых хозяйственных связей, привела к падению уровня жизни населения во многих странах. Наряду с этим война способствовала развитию военной техники. В ходе военного конфликта 1914–1918 гг. были использованы «новые» и модернизированы «старые» вооружения, произведенные в период научно-технической революции конца XIX в. Столь противоречивое влияние Первой мировой войны на ход мировой истории способствует тому, что научный интерес к ней не исчезает. Российские и зарубежные исследователи на протяжении ряда лет изучают причины вступления стран-участниц в войну; анализируют соотношение военно-морских сил участников военного конфликта; рассматривают военные действия Первой мировой войны, акцентируя внимание на морских сражениях; анализируют отношения между странами-участницами. Однако, несмотря на наличие многочисленных работ по истории Первой мировой войны, неисследованной остается проблема отношения США к подводной войне кайзеровской Германии. Интерес к этой теме обусловлен тем, что первоначально немецкий подводный флот не был конкурентоспособным. Однако ряд факторов повлиял на то, что в период войны он не только продемонстрировал свою эффективность, но и превзошел подводный флот европейских стран по многим качественным характеристикам. Постоянное усовершенствование

технических характеристик немецких субмарин, наличие квалифицированных подводников способствовало тому, что подводный флот Германской империи стал не только одним из результативных средств ведения морских сражений, но и тем средством, которое представляло угрозу для реализации интересов ряда стран, участвовавших в Первой мировой войне, а также для стран, сохранявших в начале военного конфликта нейтралитет. Одним из таких государств были США, которые постепенно стали расценивать деятельность немецкого подводного флота кайзеровской Германии как один из поводов для вступления в войну.

Первоначально не только мнение государственной власти США, но и американское общественное мнение разделилось по поводу того, как реагировать на возникновение мирового военного конфликта, который они позже определили как Великую войну (Great War). В связи с этим представители правящих кругов и общественности высказали широкий спектр взглядов на начавшийся мировой конфликт. Президент В. Вильсон, выражая интересы государства, занял в этом вопросе нейтралитет, объявив об этом 4 августа 1914 г. Американская общественность разделяла мнение президента. Редакторы газет нейтрально описывали действия стран – участниц войны. Например, деятельность немецкого подводного флота первоначально не получила осуждения на страницах американской прессы даже после потопления пассажирского лайнера «Лузитания»

7 мая 1915 г. (The New York Times. December 10. 1916; Савинов). При этом необходимо отметить, что данное событие было одним из благоприятных поводов для В. Вильсона вступить в войну. Однако президент решил, что делать этого не стоит, т. к. ситуация на фронтах в Европе на тот момент была достаточно неоднозначной.

По мере распространения и усиления военного конфликта Соединенные Штаты постепенно становились его активным участником. Первоначально президент В. Вильсон и крупный промышленник Г. Форд предпринимали попытки участия в переговорах о мире с целью завершения конфликта в Европе. Помимо этого американцы оказывали гуманитарную помощь жертвам войны. Так, по настоянию посольства США в Лондоне Г. Гувер организовал Комиссию по оказанию помощи в Бельгии (Commission for Relief in Belgium) (Humanitarian Aid). Неоднократно американское правительство указывало на то, что война носит негативный характер. Но не общее недовольство военными действиями повлияло на то, что президент США принял решение о вступлении в войну. Прежде всего, в участии в мировом противостоянии американское правительство видело возможность реализации собственных интересов. Однако в ходе войны определилась и другая проблема, которая в 1917 г. стала расцениваться Соединенными Штатами как угроза для ее внешней торговли – активизация деятельности немецкого подводного флота.

Стоит отметить, что атаки немецких подводных лодок на суда, которые в части случаев заканчивались их потоплением, продолжались до конца 1915 г. В дипломатических документах того времени было высказано категорическое неодобрение Вашингтоном используемых королевским флотом Британии методов досмотра кораблей. Однако британское морское командование объявило, что для защиты от неприятельских субмарин все торговые суда необходимо вооружить. После этого заявления протесты со стороны США лишь усилились.

Такая ситуация в дипломатии между Соединенными Штатами и Британской империей полностью устраивала Берлин, который полагал, что у англичан присутствует подсознательная ненависть к американцам. По этой причине правящие круги Германской империи считали, что данную ситуацию необходимо использовать в свою пользу. Суждения о необходимости возобновления подводной войны подкреплялись еще и предположениями о том, что в США преобладали антибританские настроения. Германия полагала, что американцы вряд ли вступят в войну против нее даже в случае возобновлении подводной войны.

Уже 30 декабря 1915 г. начальник генерального штаба армии Эрих фон Фалькенхайн на высшем уровне поставил вопрос о развязывании новой подводной кампании. При этом с завершения первого этапа подводной войны прошло всего 4 месяца. Начальник штаба ВМФ Хеннингфон Хольцендорф незамедлительно поддержал предложение Эриха фон Фалькенхайна, что противоречило политике фон Мюллера, который хотел завершить ненужную подводную войну. Вопрос о начале новой подводной войны был обозначен в качестве основного во время конференции Кайзерлихмарине. Многие высокопоставленные лица с оптимизмом высказывались о возобновлении подводной войны. Тогда бытовало мнение, что возвращение к подводной кампании не сможет спровоцировать американцев на активные действия. Многие считали, что негативное отношение Соединенных Штатов будет приемлемым риском для Германской империи.

Некоторое время с немецкой стороны ничего не предпринималось. Вашингтон был намерен смириться с подводной кампанией при условии, что перед торпедированием судам будет даваться предупреждение. Однако после сообщения о намерении британцев вооружить все свои торговые суда стало понятно, что предупреждение перед атакой делаться не будет. В это время военные события развивались вполне успешно для кайзеровской Германии, но несмотря на это экономическая ситуация в стране ухудшалась с каждым днем. Германская империя увязла в петле блокады, затягиваемой все сильнее. Она понимала, что для достижения успеха в войне следует как можно быстрее решить вопрос с ее главным врагом – Англией. По этому поводу фон Хольцендорф писал следующее: «Британии можно нанести вред только на торговых путях». Ввиду этого все армейское командование было единодушно с командованием военно-морского флота, а фон Фалькенхайн под впечатлением от общего оптимизма заявил: «Нам не следует бояться войны даже с самой Америкой!».

Аргументы военных экспертов не произвели должного впечатления на канцлера Бетман-Гольвега. Сам он предвидел, что возобновление неограниченной подводной кампании неминуемо втянет США в конфликт. В связи с этим канцлер не видел оправдания столь большому риску. Все его попытки по переносу кампании были встречены несогласием военных.

5 февраля 1916 г. скончался адмирал фон Пол, который занимал пост главнокомандующего флотом. На его место был назначен ярый сторонник подводной войны адмирал Райнхольд фон Шеер. Пользуясь положением, фон Шеер начал осторожно давить на кайзера, который после не-

продолжительного времени согласился с адмиралом в том, что войну на море можно выиграть лишь благодаря подводному флоту. По этой причине кайзер Вильгельм дал согласие на начало новой подводной кампании, которая должна была начаться 1 апреля 1916 г. Однако спустя два дня кайзер передумал начинать подводную войну, поддавшись уговорам канцлера. Из-за этого было принято решение о дипломатическом наступлении на США, чтобы склонить их к оказанию давления на Британскую империю с целью ослабления блокады. Многим было ясно, что такие действия к положительному результату не приведут. Между тем кайзер согласился начать 15 марта ограниченную подводную войну, которая должна была вестись по так называемым законам «призового права». Данное решение развязало множество внутренних споров. Фон Тирпиц после этого заявления подал в отставку, так как он являлся сторонником неограниченной подводной войны.

На протяжении долгого времени между Германской империей и Соединенными Штатами не угасала словесная война, вызванная проблемой вооружения торговых судов. 11 февраля 1916 г. в «Северогерманской газете» был опубликован текст официального меморандума, в котором говорилось следующее: «Получившие в руки оружие моряки английского торгового флота имеют официальный приказ вести против немецких субмарин беспощадные военные действия». В ответ на это в газете «Times» появилась статья, в которой отмечалось, что Германия не хочет, чтобы на торговых кораблях появилось вооружение, направленное против подводных лодок, которые, вопреки всем международным нормам, в течение многих месяцев нападали на безоружные торговые корабли. «Оборонительное» вооружение торговых кораблей, согласно международным нормам, считалось законным. Но, несмотря на это, немцам было выгоднее представить эту акцию британцев как враждебную, поэтому в меморандуме отмечалось следующее: «...вражеские моряки с оружием не могут считаться мирными моряками. Немецкие военно-морские силы получают приказ считать такие суда военными». Берлин полагал, что такое заявление должно напугать те страны, которые придерживались нейтралитета в войне. И его логика была очевидной, ведь с вооружением торговых судов субмарина будет подвергаться большой опасности в случае всплытия и предупреждения надводного корабля об атаке. В этой ситуации оставалась одна альтернатива – торпедирование с перископной глубины, но не каждый командир был готов рисковать своим экипажем и субмариной (Травиничев, Томашевич 1931: 44).

15 марта началась новая кампания, после чего немецкие подводные лодки появились на западных рубежах. Неограниченная война все еще оставалась под строжайшим запретом. В последующем приказ о ведении ограниченной войны отдавал лично кайзер, чтобы избежать осложнений в отношениях с США. Все дипломатические маневры, совершаемые дипломатами Германской империи, сводились на нет действиями подводников. Так, к примеру, существовал строжайший запрет топить любые пассажирские суда. Однако в инструкциях командиров было написано, что все суда, следующие ночью в порты Канала, могут считаться грузовыми. Это положение разрешало топить все, что плывет.

Неоднозначные и зачастую неопределенные формулировки приказов открывали неограниченные возможности для немецких подводников. Вдобавок ко всему, в Канале действовали субмарины класса «UB», командовали которыми молодые и неопытные младшие офицеры, стремившиеся любым путем заполучить себе военную славу, добиться повышения и перевода на большие океанские подводные лодки. Одним из таких «горячих» офицеров был капитан «UB-29», оберлейтенант Герберт Пушткухен. Выйдя с бельгийской базы, молодой капитан потопил стоявший на якоре французский пароход, затем торпедировал норвежский и голландский корабли. 24 марта Пушткухен заметил французское почтово-пассажирское судно «Суссекс», следовавшее из Фолькстоуна в Дьепп. Приблизившись примерно на 1 400 ярдов, «UB-29» выполнила торпедирование, чем разрушила носовую часть «Суссекса», унеся при этом жизни 51 человека. Среди пассажиров были женщины и дети, преимущественно граждане Соединенных Штатов. Но, несмотря на полученные повреждения, судно оставалось на плаву, и в последующем было отбуксировано в Булонь, где эксперты нашли обломки германской торпеды. Узнав об этой ситуации, Берлин категорически отверг все обвинения, связанные с потоплением французского пакетбота. Однако под давлением неопровержимых доказательств Германская империя призналась в содеянном, объясняя это тем, что экипаж субмарины перепутал судно с минным заградителем. В доказательство своих слов немецкое адмиралтейство предоставило рисунки, подтверждающие сходства очертаний почтового судна с заградителем.

Тем временем Пушткухен, не подозревая обо всей сложившейся ситуации на суше, продолжал боевой поход и до возвращения на базу успел потопить пароход «Салибия», принадлежавший Британской империи (Ловелль). Американцы отреагировали на эти трагические события очень бурно, сильнее, чем на потопление трансатланти-

ческого лайнера «Лузитания». Американская газета «New York Herald» писала: «Сколько еще граждан Соединенных Штатов должны погибнуть, прежде чем Вильсон объявит войну?». Остальные американские периодические издания тоже не остались в стороне. Немцы же объясняли произошедшее тем, что командир субмарины в очередной раз перепутал почтово-пассажирское судно с минным заградителем. Однако эта версия сразу же была отвергнута нотой Вашингтона от 18 апреля: «Командиры немецких субмарин так активно продолжают свою безжалостную разрушительную работу, что становится очевидно: имперское правительство не выполнило свое обещание наложить ограничения на их действия». Далее в ноте упоминаются события, связанные с «Арабиком», «Лузитанией» и «Суссексом», которые стали прямым доказательством варварских действий Германской империи на море (Иванян 1975: 86). Перечислив все факты, США официально предупредили: «Если имперское правительство немедленно не заявит о прекращении подводной войны против грузовых и пассажирских судов и не воплотит это решение в жизнь, у правительства Соединенных Штатов Америки останется только один выход – прервать все дипломатические отношения с Германской империей».

Это предупреждение Вильсона было недвусмысленным и повергло немецкое правительство в ужас. Все оптимистические заявления фон Хольцендорфа и Шеера быстро стихли. В Берлине стала побеждать менее агрессивная и более осторожная политика Бетман-Гольвега. Помимо этого стали раздаваться жалобы, связанные с тем, что блокада – не менее ужасное преступление против человечности, чем подводные атаки судов, так как от блокады страдает огромное количество женщин и детей. Несмотря на это, кайзеровской Германией все же были отданы приказы, запрещающие атаковать торговые корабли без предупреждения.

31 января 1917 г. Германской империей было передано обращение правительству США, в котором говорилось о причинах начала неограниченной войны. В качестве основного повода было обозначено то, что императорское правительство хочет поскорее закончить войну, применяя все средства, которые имеет на данный момент. По словам немецкого правительства, это необходимо, чтобы не допустить большого количества человеческих жертв. В результате делался вывод о том, что именно Германская империя заботится о спасении всего человечества. Также в обращении было сказано, что имперское правительство надеется на понимание Вашингтоном всей сложившейся ситуации и на то, что США помогут пре-

дотворить жертвы и дальнейшие несчастья (Иванян 1975: 90). После этого была объявлена опасная зона судоходства для всех типов кораблей, которая простиралась от Норвегии до Голландского побережья, затем от мыса Финистерре до Фарерских островов. В список запретных вод было также включено Средиземное море, за исключением узкого коридора к Греции.

Спустя 3 дня дипломатические отношения между кайзеровской Германией и США были приостановлены. В ходе выступления в американском Конгрессе В. Вильсон заявил, что если американские корабли будут атакованы или же граждане США погибнут от рук германского морского командования, то ему не останется другого выхода, как попросить Конгресс предоставить президенту полномочия для защиты американцев от агрессии германских военно-морских сил.

В период 20 первых дней февраля было доложено о 40 столкновений между субмаринами и дозорными кораблями. За это время были повреждены или уничтожены порядка 121 британских пароходов и 50 нейтральных судов. В море находилось порядка 23 подводных лодок флотилии Северного моря.

По данным Михельсена, на 1 февраля 1917 г. Германская империя располагала 111 подводными лодками, из которых 49 находились в подчинении флотилии Северного моря, 33 базировались во Фландрии, 3 – в Турции, 24 – в районе Адриатического моря и 2 подлодки находились в Балтийском море (Михельсен 1940: 112).

1 марта в районе острова Скокхолм было потоплено почтовое судно «Дрина». В результате этой катастрофы погибли 15 человек. 18 марта пароход «Энтони» с 55 пассажирами также стал жертвой атаки немецких субмарин. Всего за март 1917 г. погиб 681 человек, 630 из которых стали жертвами подводных лодок.

Такое положение дел вынудило США принять меры. Так, 3 апреля президент В. Вильсон в своем обещанном выступлении перед американским Конгрессом заявил о том, что США должны вступить в войну, защищая свободу малых наций, добываясь счастья и мира. 6 апреля Соединенными Штатами была объявлена война Германской империи (Шацилло 2003: 251).

10 мая 1918 г. профессор Мак-Лафин в своей речи в Оксфорде, разъяснявшей причины вступления США в войну, сказал, что даже после потопления круизного лайнера «Лузитания» президент Соединенных Штатов ограничился лишь дипломатическими мерами. Однако когда пришло бы время для решения мировых послевоенных вопросов, оказалось бы, что США не будут иметь права голоса. Именно этого они не могли допус-

тить. Исходя из этих слов, можно сделать вывод о том, что Соединенные Штаты вступили в войну с целью лоббирования своих интересов при заключении мира, а не для победы над Германской империей. По этой причине В. Вильсон ввел свою страну в войну как независимое сражающееся государство, а не как союзника Антанты.

Таким образом, использование немецких подводных лодок как основного оружия для реализации интересов кайзеровской Германии было обусловлено тем, что немецкое правительство стремилось противостоять британскому господству над морем. Немецкие субмарины, осуществляя свою деятельность, топили не только военные

корабли, но и торговые суда, которые, по мнению американцев, использовались для осуществления мирной торговли. Помимо этого американцы обвиняли подводный флот Германской империи в том, что они топили британские океанские лайнеры, в ходе чего гибли американские пассажиры (Arguing Over War). В итоге, по причине того, что война приобрела мировой характер и превратилась в вопрос принципов, американскому президенту В. Вильсону необходимо было решить: придерживаться ли политики нейтралитета или же принять участие в создании нового мирового порядка. В результате 6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванян Э.А.* 1975. Белый дом: президенты и политика. М.: Политиздат.
Ловелль Т. Корсары глубин. URL: http://www.libma.ru/voennaja_istorija/korsary_glubin (2018. 26 окт.).
Михельсен А. 1940. Подводная война 1914–1918 гг. Л.: Гос. Военно-Морское изд-во НКВМФ СССР.
Савинов А. Почему погибла «Лузитания»? URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/HISTORY/LUSIT.HTM> (2018. 29 окт.).
Травиничев А., Томашевич А. 1931. Опыт подводной войны 1914–1918. М.: Госвоениздат.
Шаццлло В. 2003. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М.: Олма-пресс.
 Arguing Over War. URL: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/> (2018. 29 окт.).
 Humanitarian Aid. URL: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/> (2018. 29 окт.).
 The New York Times. December 10. 1916. URL: www.loc.gov (2018. 26 окт.).

REFERENCES

- Ivanyan E.A.* Belyj dom: prezidenty i politika [The White House: presidents and politics]. Moscow: Politizdat. 1975. (In Russian).
Lowell T. Korsary glubin [Raiders of the Deep] Available at: http://www.libma.ru/voennaja_istorija/korsary_glubin (Accessed on 2018. 26 Oct.). (In Russian).
Michelsen A. Podvodnaya vojna 1914–1918 gg. [Submarine Warfare of 1914–1918]. Leningrad: Gos. Voenno-Morskoe izd-vo NKVMF SSSR, 1940. (In Russian).
Savinov A. Pochemu pogibla «Luzitaniya»? [Why did “Lusitania” sink?]. Available at: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/HISTORY/LUSIT.HTM> (Accessed on 2018. 29 Oct.).
Travinichev A., Tomashevich A. Opyt podvodnoj vojny 1914–1918. [The Experience of the Submarine Warfare of 1914–1918]. Moscow: Gosvoenizdat, 1931. (In Russian).
Shatsillo V. Pervaya mirovaya vojna 1914–1918. Fakty. Dokumenty [The First World War 1914–1918. Data. Documents]. Moscow: Olma-press, 2003. (In Russian).
 Arguing Over War. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/> (Accessed on 2018. 29 Oct.).
 Humanitarian Aid. Available at: <https://www.loc.gov/exhibitions/world-war-i-american-experiences/about-this-exhibition/arguing-over-war/> (Accessed on 2018. 29 Oct.).
 The New York Times. December 10. 1916 Available at: www.loc.gov (Accessed on 2018. 26 okt.).

A.V. Savelyeva, A.A. Soykin
Nizhnevartovsk, Russia

USA AND SUBMARINE WARFARE OF KAISER GERMANY IN 1914–1918

Abstract. This article considers the submarine warfare of Kaiser Germany in 1914–1918. Special attention is paid to the change of opinions among the American public and the US government regarding the activity of the German submarine fleet.

The study is based on the materials from the Digital Collections of the Library of the American Congress. These include the speeches by the American President W. Wilson and statesmen, as well as the American press. The documents provide an opportunity to look holistically at the submarine warfare of Kaiser Germany in 1914–1918 and

trace the transformation of attitudes to it in the United States. The authors paid special attention to the analysis of Russian and foreign research on the issue.

The results of the study make it possible to reconstruct certain aspects of the First World War, to define the attitude of the United States towards the activities of the submarine fleet of the German Empire during the First World War, as well as to determine the prospects for further research.

Key words: The First World War; United States of America; Woodrow Wilson; Kaiser Germany; submarine; “Lusitania”.

About the authors: Alyona Vladimirovna Savelyeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Document Science and General History¹; Aleksey Aleksandrovich Soykin, Assistant at the Department of Document Science and General History².

Place of employment: ^{1,2}Nizhnevartovsk State University.

Савельева А.В., Сойкин А.А. США и подводная война кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 114–119.

Savelyeva A.V., Soykin A.A. USA and Submarine Warfare of Kaiser Germany in 1914-1918// Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 114–119.

УДК 93

М.Е. Шалак
Таганрог, Россия

ВЫСТРАИВАНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МАЛОЙ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Аннотация. На сегодняшний день в историографии существует мнение, что Малая Ногайская Орда, или Казыев улус, находилась в вассальной зависимости от Крымского ханства практически сразу с момента своего возникновения в степном Предкавказье в середине XVI в. Однако так ли это было на самом деле? Целью статьи является проследить процесс выстраивания взаимоотношений между Малой Ногайской Ордой и Крымским ханством в первое десятилетие существования Казыева улуса (1551–1562). Это возможно сделать путем тщательного анализа исторических источников, в которых нашли отражение эти отношения. В результате проделанной работы был сделан вывод о постепенном включении Малых Ногаев в орбиту союзников Крымского ханства на Северном Кавказе. В дальнейшем, уже за хронологическим рамками нашего исследования, усиление зависимости Малых Ногаев от Крыма будет напрямую связано с ослаблением их военного и политического влияния и усилением позиции Московского государства в регионе. Именно защита от Москвы заставит казыевцев искать поддержки и помощи у крымских ханов. В итоге, к концу 30-х гг. XVII в. Малая Ногайская Орда прекратила свое существование как политическое образование, а большинство ее мирз со своими людьми переселились на территорию Крымского ханства.

Из-за отсутствия документов, отражающих собственно крымско-ногайские отношения, нами будут привлечены и проанализированы в основном источники по русско-ногайским и русско-крымским отношениям, входящие в Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой и Крымским ханством.

Ключевые слова: Малая Ногайская Орда; Крымское ханство; Посольские книги; степное Предкавказье.

Сведения об авторе: Максим Евгеньевич Шалак, кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений.

Место работы: Южный федеральный университет.

Контактная информация: 347922, Россия, г. Таганрог, ул. Инициативная, д. 86, кв. 27; тел.: 8(905)450-32-88, e-mail: shemjchich@mail.ru.

Когда в середине XVI в. в степном Предкавказье развернул свои кочевья выходец из Ногайской Орды – мирза Гази б. Урак, к нему стали прибывать из-за Волги другие, недовольные политикой биев, ногайские мирзы, и в скором времени на Северном Кавказе появился самостоятельный Казыев улус или Малая Ногайская Орда. Это политическое образование ногаев стало объ-

ектом пристального внимания соседей, и в первую очередь Крымского ханства и Московского царства. Каждое из этих государств рассматривало Северо-Кавказский регион как сферу исключительно своих интересов, и поэтому пыталось втянуть это новое военизированное сообщество в орбиту своего влияния.

Что касается самих Малых Ногаев, то они далеко не сразу определились, на кого из могущественных соседей ориентироваться в вопросах своей внешней и внутренней политики. Так сложилось, что выбор этот был сделан в пользу Крыма. Как покажет дальнейшая история, этот выбор предопределил быстрое исчезновение Малой Ногайской Орды как единого политического образования с исторической сцены уже к концу 30-х гг. XVII в. А, к примеру, другое военизированное сообщество, которое возникло в это же время и в этом же регионе – донское казачество, сориентировавшись на Москву, сумело, так или иначе, дожить до наших дней. В представленной статье мы попробуем разобраться с причинами выбора Малыми Ногаями Крымского ханства в качестве своего основного союзника и покровителя, а также рассмотрим весь процесс взаимоотношений между ними в первое десятилетие существования Казыева улуса, чтобы понять, в какую сторону они развивались.

Само время появления Малой Ногайской Орды до сих пор точно не определено (Трепавлов 2016: 384). Так, П.Г. Бутков полагал, что после взятия Астрахани русскими войсками в 1554 г. произошло разделение Ногайской Орды на три части, одной из которых были Малые Ногаи (Бутков 1869: 170). Турецкий ученый Х. Инальджик также связывал время возникновения Малой Ногайской Орды с действиями против Астраханского ханства, только уже со стороны крымского хана Сахиб Гирея (1532–1551) (Inalcik 1948: 359). Однако в трактате «Тарих-и Сахиб Гирей хан» придворного крымского историографа и личного астролога Сахиб Гирея – Реммаля Ходжи – подробно описан поход крымского хана против Астрахани, а также его многочисленные экспедиции на Северный Кавказ, но ничего не говорится о Малой Ногайской Орде (Tarih-i). По мнению В.М. Жирмунского, отделение Малой Ногайской Орды от Большой произошло между 1557–1559 гг. (Жирмунский 1974: 485). А.И. Сикалиев считал, что Малые Ногаи обособились, не смирившись с бием Исмаилом (1554–1563), захватившим власть в Ногайской орде (Сикалиев 1994: 43). С точки зрения А. Курата, причиной ухода Гази мирзы за Волгу стал голод, разразившийся в Ногайской Орде в 1557 или 1558 г. (Kurat 1961: 11, 12). Концом 1540-х, вслед за Ш. Лемерсье-Келькеже, или началом 1550-х гг. датирует возникновение Казыева улуса В.В. Трепавлов (Трепавлов 2016: 385).

Если обратиться собственно к крымским источникам, то в самом раннем из дошедших до нас сочинении исторического характера (Зайцев 2009: 69), уже упоминаемом нами трактате Реммаля Ходжи «Тарих-и Сахиб Гирей хан», составленном

в Крыму в 1553 г., ни о каких Малых Ногаях не упоминается. По документам, составившим посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, время появления Малой Ногайской Орды можно проследить более точно. Так, в докладе служилых татар, Кадыша Кудинова и Енгарая Янсубина, отправленных к ногайскому бию Юсуфу (1549–1554), датированном 26 ноября 1549 г., говорится: «а на сей [правой. – М.Ш.] стороне Волги нагайских мирз нет никою» (Посольские 1995: 318). Следовательно, на тот момент в Москве об отдельном Казыевом улусе ничего не знали. Это, правда, не означает, что Гази мирза не мог откочевать на правую сторону Волги в декабре 1549 г. Тем не менее, можно с уверенностью говорить, что до 26 ноября 1549 г. Малой Ногайской Орды как отдельного политического образования не существовало.

Вслед за В.М. Жирмунским (Жирмунский 1974: 482–483) В.В. Трепавлов пишет, что первое упоминание о Гази мирзе и его людях в русских документах относится к маю 1552 г. (Трепавлов 2016: 385). Однако на самом деле первый раз имя Гази мирзы встречается годом раньше. Окольничий Федор Нагой писал царю, что к нему, в Касимов, в понедельник 14 сентября 7060 г. (1551), прибыли ногайцы, а с ними вместе бастановский татарин, «а взял его на поле сее весны Казы мирза Ураков на Ахматовых горах» (Посольские 2006: 68). Ахматовы горы до сих пор, насколько нам известно, идентифицировать не удалось. Однако ясно, что Гази уже «казачествовал»¹ в степи весной 1551 г. Причем он не просто сам промышлял в степи, а собрал вокруг себя таких же казаков-изгоев, сделавшись серьезной силой, о чем свидетельствует сам факт попадания его имени в государственные документы.

Уже к маю следующего, 1552-го, года отряд Гази мирзы насчитывал 400 человек, пополнившийся астраханскими людьми. Как следует из грамоты Исмаила мирзы к Ивану IV, возможными объектами нападений казыевцев могли быть как территории Московского царства, так и купеческие караваны,двигающиеся через Волго-Донское междуречье. Чтобы обезопасить себя, Исмаил предлагал русским стеречь Гази мирзу выше Волго-Донской переволоки, а сам обязался ловить казыевцев ниже по течению (Посольские 2006: 86). Ни о каких контактах Гази с Крымом в источниках пока не говорится. Наоборот, мятежный мирза пытается наладить контакты с Москвой, отправив к царю в августе 1553 г. своего человека Ярлагамыша (Посольские 2006: 125).

¹ Под словом «казачествовал» имеется в виду, что он вел свободный образ жизни, порвав со своей улусно-элевой принадлежностью, сделался изгоем.

Когда в апреле 1555 г. хан Ямгурчи попытался захватить Астрахань, Гази мирза упоминается как один из участников этого похода, наряду с сыновьями убитого в Ногайской орде бия Юсуфа – Юнус мирзой, Ак мирзой и Алей мирзой (ПСРЛ 1904: 245). Причем помощь Ямгурчи оказал и крымский хан Девлет Гирей (1551–1577), отправив под Астрахань Шигай-богатыря Антулова с конницей и янычарами. Таким образом, впервые казыевцы действовали заодно с крымцами. Однако вскоре между союзниками произошел раскол, и Гази мирза убил бывшего астраханского хана Ямгурчи, поддерживаемого Девлет Гиреем (Посольские 2006: 177; Трепавлов 2016: 391, 393). Затем, в июне 1555 г., он вместе с Юсуфовичами вторгается в Заволжье. Разграбив ногайские улусы, они сумели даже на какое-то время свергнуть («согнуть») бия Исмаила и убить Касай мирзу (ПСРЛ 1904: 256). В это время в Ногайской Орде находился русский посол Игнатий Загрязский. В своей грамоте к Ивану IV он живо описал эти события: «И Тоузар [государев служилый татарин. – *М.Ш.*], государь, ко мне приехал на ранье в Кривавои враг, а до Мясода [Мясоед Вислово, русский посол к мирзе Касаю. – *М.Ш.*], сказывает, не доехал, взяли его, сказывает, Казыевы люди. И он у них был в руках день, а в ночи утек. А сказывает, сказывали ему те люди, у которых он был в руках, что Смаила князя, взяв, головы ему срезали, а Касай мирзу взяли жива, а вперед живу не бытии. А Мясода, государь, сказывает, взяли ж» (Посольские 2006: 178).

В ноябре 1556 г. Гази мирза еще раз посылает своего посла Туларсака к русскому государю с грамотой, содержание которой до нас не дошло (Посольские 2006: 214). Однако подробности русско-казыевской переписки можно восстановить по сохранившейся грамоте Ивана IV к Гази мирзе, написанной в Москве в феврале 1557 г. (Посольские 2006: 243–244). Из нее следует, что Гази мирза несколько раз обращался к царю с просьбой разрешить ему кочевать со своим улусом в его владениях. Получив разрешение от Ивана IV, Гази мирза им так и не воспользовался².

Вместо того чтобы выехать на службу в Московское государство, Гази мирза начинает принимать у себя его врагов. Как сообщал посол бия Исмаила в Москве 14 июля 1557 г., к Гази мирзе примкнул свергнутый астраханский хан Дервиш-Али со своими казаками (Посольские 2006: 251). Однако надолго он там не задержался, и следы последнего астраханского хана теряются где-то в Османской империи (Зайцев 2006: 174).

² О некоторых подробностях во взаимоотношениях Малой Ногайской Орды с Московским государством смотри статьи (Шалак 2017а; Шалак 2017б).

На какое-то время сведения о Гази мирзе и его людях пропадают в источниках. В октябре 1559 г. стало известно, что бий Исмаил отправил в набег на Крым своего внучатого племянника Якшисаат мирзу б. Мамай, с братьями его и племянниками, и с княжеским полком (Посольские 2006: 297). Интересно, что этот самый Якшисаат мирза впоследствии примкнет к Казыеву улусу и будет его бием в 80-х гг. XVI в. (Трепавлов 2016: 395). Но до того как перейти на сторону Гази мирзы, Якшисаат будет служить ногайскому бию Исмаилу, который находился во враждебных отношениях с Крымским ханством и в союзных отношениях с Москвой. Этот набег был удачным, и ногаям удалось увести много крымских лошадей. Иван IV даже пошлет в 1560 г. Якшисаату свое государево жалованье за эту службу с грамотой (Посольские 2006: 301, 305).

Вновь появляется имя Гази мирзы в грамоте бия Исмаила, зачитанной в Москве 4 июня 1560 г. (Посольские 2006: 313). В ней говорится, что свое новое пристанище Гази нашел у черкес и оттуда «воюет» улусы, идущие в Большую Ногайскую Орду. «А которые гости шли из Азова в Астрахань, и он их повоевал же» (Посольские 2006: 313). Исмаил просил Ивана IV помочь ему в борьбе с казыевцами, приказав его подданным черкесам не предоставлять им убежища. Гази стал союзником кабардинского князя Пшеапшоки Кайтукина, который был врагом князя Темрюка Идарова, союзника Исмаила и Ивана Грозного (Кушева 1963: 236). Тем самым Гази все больше отдалялся от союза с Москвой, поддерживая ее противников.

А уже в грамоте Исмаила от 15 октября 1560 г. отмечен факт союза Казыева улуса с Крымским ханством: «с крымским царем Казы мирза содиначился» (Посольские 2006: 323). Следовательно, понадобилось около десяти лет, чтобы Гази смог преодолеть традиционную неприязнь ногаев к крымцам и встать на сторону крымского хана Девлет Гирея (Трепавлов 2016: 392). Этот выбор определит всю последующую судьбу Малой Ногайской Орды, которая все прочнее будет входить в орбиту крымского влияния. Исследователи по-разному расценивали крымско-казыевские отношения. Так А.А. Новосельский писал, что кочуя со своей ордой в степном Предкавказье от Азова до Кабарды, Гази мирза сумел наладить устойчивые отношения с Девлет Гиреем, находясь в номинальном подданстве от Турции (Новосельский 1948: 15–16). По мнению этого ученого, между Крымом и Малой Ногайской Ордой установилось удобное для обеих сторон сожительство. Гази оказывал помощь Девлет Гирею во всех его походах, установив с ним «интимную дружественную связь», принимая к себе

на воспитание крымских царевичей (Новосельский 1948: 16). Со своей стороны крымский хан, наряду с османским султаном, всячески опекал Малую Ногайскую Орду, делая ее недосягаемой для врагов (Новосельский 1948: 16). По мнению Е.Н. Кушевой, Гази мирза поддерживал интересы Крыма и Турции на Северном Кавказе, находясь в прямом подчинении от крымского хана (Кушева 1963: 236). Союзником Крыма считал Гази мирзу В.М. Жирмунский (Жирмунский 1974: 485). В.В. Трепавлов считает, что между Казыевым улусом и Крымским ханством установился военно-политический альянс, направленный против общих врагов – России и Большой Ногайской Орды. Однако не следует рассматривать отношения казыевцев к крымскому хану как безграничную преданность и солидарность (Трепавлов 2016: 393).

В грамоте бия Исмаила также говорилось, что к Казыеву улусу пристали уже известные нам Юсуфовичи и Токтар мирза. В случае опасности казыевцы уходили в горы к своим союзникам черкесам, где их практически невозможно было достать, что очень огорчало Исмаила. Поэтому в своей борьбе с Гази мирзой он рассчитывал на военную поддержку России. Исмаил также сообщал в Москву, что крымский хан прислал к Малым Ногаям Суртаи аталыка для заверения в дружбе. В свою очередь Гази Ураков также отправил в Крым своих людей – «Илдебола да Ян мирзу на уверенье» (Посольские 2006: 323). Таким образом, в 1560 г. складывается альянс между крымским ханом, Гази мирзой, Юсуфовичами и Токтар мирзой, направленный против Большой Ногайской Орды и России. К тому же теперь Гази защищал владения Крыма с востока и мешал Исмаилу организовывать ногайские набеги на крымские улусы (Посольские 2006: 324).

Отныне Казыев улус становится постоянной «головной болью» Исмаила, что видно из того количества жалоб, которые бий Больших Ногаев отправлял в Москву. Так, в грамоте, зачитанной в Москве 18 ноября 1560 г., он писал: «А недрузи мне четыре люди: крымскои да Казии мирза, да Юсуфовы княжие дети и их слуги, да астраханские люди» (Посольские 2006: 325). Исмаил сообщал, что Девлет Гирей и Гази мирза договаривались о каких-то совместных действиях в устье Северского Донца. Выгодное стратегическое положение на «промежке», которое занимал Казыев улус, в случае большого похода «всеми людьми» заволжских ногаев на Крым позволило бы Гази мирзе безнаказанно разорить оставшиеся без присмотра улусы Исмаила. Если же, уступая постоянным требованиям из Москвы, выступить в поход «половиною людми», то тогда казыевцы смогут напасть на ногайское войско с фланга. Поэто-

му Исмаил просил Ивана IV согнать Гази мирзу «с того промежка» любым приемлемым способом, и только тогда он сможет организовать военный поход против Крыма, не опасаясь ни удара с фланга, ни нападения в тылу (Посольские 2006: 325, 326).

А пока, следуя договоренности с русским царем, Исмаил смог только организовать очередной небольшой набег на Крым во главе с Якшисат мирзой и половиной его людей. В своей грамоте ногайский бий сообщал Ивану IV, что Девлет Гирей и Гази мирза договорились о том, что «Казы мирзе деи Крыму недружбу никак не делати, то б еси ведал» (Посольские 2006: 326). В.В. Трепавлов полагает, что это был один из пунктов шертного договора, заключенного в 1560 г. Гази мирзой с Девлет Гиреем (Трепавлов 2016: 392). Таким образом, по мнению ученого, между Казыевым улусом и Крымским ханством сложился прочный и искренний союз, вызывающий зависть у Больших Ногаев (Трепавлов 2016: 392).

Два года подряд до заключения этого союза бий Исмаил посылал к Гази мирзе своих людей с предложением объединиться для совместных действий против исконного ногайского врага – Крымского ханства. Однако Гази не принял предложение Исмаила и не встал на сторону противников крымского хана. «И ныне деи он з Девлеткиреем царем зговорился, верь тому» (Посольские 2006: 326). Как справедливо отмечает Я.В. Пилипчук, Гази мирза стремился поддерживать дружественные отношения с крымским ханом. Он старался наладить с Крымом равноправные отношения, не имеющие ничего общего с отношениями вассальной зависимости (Пилипчук 2016: 230).

В то же время Гази мирза не оставлял попыток наладить отношения и с Московским государством. Так, в 1561 г. Гази отправил к Ивану IV грамоту с послом Капландыем, в которой сообщал царю, что живет ныне на поле казаком и просил для себя государева жалования. В ответной грамоте, датированной апрелем 1561 г., Иван Васильевич в своем жаловании не отказывал, но и повторял свое предложение к Гази выехать к нему на службу (Посольские 2006: 335). Это, тем не менее, совершенно не мешало русскому государю поручить донским казакам всячески «промышлять» над казыевцами (Посольские 2006: 333).

В грамоте, зачитанной в Москве 12 июля 1561 г., Исмаил снова сообщал Ивану IV, что Гази Ураков и крымский хан «крепко уговорились» на том, что Девлет Гирей предоставит лидеру Малых Ногаев войско для набега, сначала на Больших Ногаев, а потом и на русскую «украину». Писал он и о том, что к казыевцам примкнул

Токтар мирза, и что Гази вел переговоры с могущественным крымским карачи-беком мангыт – Дивей мирзой, о совместных действиях против заволжских ногаев и России. Поэтому главной совместной задачей Исмаил считал войну против Малой Ногайской Орды. А расправившись с Гази и его улусом, можно было бы приняться и за Крым. При этом поход на казыевцев Исмаил предлагал Ивану Васильевичу организовать до зимы, а уже зимой он сам возьмет Крым, не опасаясь за свои тылы (Посольские 2006: 336, 337). В ответной грамоте к Исмаилу от 8 августа 1561 г. царь писал, что он приказал своим черкесским союзникам «промышлять» над казыевцами в горах, а если они уйдут в степи, то там донские казаки должны будут громить малонагайские улусы (Посольские 2006: 339). Таким образом, Иван IV предпочитал расправиться с Гази мирзой чужими руками.

Уже через полгода, в январе 1562 г., Исмаил в своей грамоте к русскому царю фразу «а Казы мирза с Крымским заодин» употребит три раза (Продолжение 1795: 170, 173, 176). Складывается впечатление, что союз между Крымом и Малой Ногайской Ордой превратился в навязчивую идею для бия Больших Ногаев. Он уже умоляет Ивана IV, чтобы тот согнал Гази мирзу с его кочевий в степном Предкавказье, сам уже будучи неспособным что-либо сделать казыевцам. В это время Гази мирза отправляет в Крым Мехмед Кул б. Саид-Ахмед мирзу для заключения соглашения, по которому если Девлет Гирей соберется идти войной на «белого царя», то впереди ханского войска будет идти Гази со своими воинами. В свою очередь Девлет Гирей обещал выделить Гази для набега на Большую Ногайскую Орду (Продолжение 1795: 179).

Исмаил разработал целый план по уничтожению Казыева улуса. Согласно этому плану, русский царь в июне текущего года должен отправить вниз по Волге две или три тысячи воинов и шесть сотен стрельцов, которые, расположившись на противоположном от ногайских кочевий берегу, отправили бы к Исмаилу весть, и он бы тотчас же присоединился к ним со всеми своими людьми. Тем временем ранней весной надо будет послать царское приказание черкесам выбить Гази на поле и не дать ему возможности уйти в горы. Таким образом, зажав Малых Ногаев с двух сторон, можно будет их уничтожить, а после перейти к совместным действиям против Крымского ханства (Продолжение 1795: 180–181). Иван IV так и не послал своей рати на помощь Исмаилу, но к черкесам отправил посла Ивана Федцова в апреле 1562 г. с наказом над «Казы мирзою промыслити» (Продолжение 1795: 193–194).

В это время в самой Большой Ногайской Орде начинает зреть недовольство промосковской политикой бия Исмаила. Как сообщал в Москву 18 августа 1562 г. царский посол к ногаям Игнатий Загряжский, недовольные мирзы пытались наладить контакты с Гази мирзой для ведения совместных действий против бия и его сыновей (Продолжение 1795: 206). Позже посол Исмаила говорил в Москве 5 октября 1562 г., что главными врагами для бия были Гази мирза и черкесы, с которыми он собирается воевать. И поэтому он снова просит русского государя прислать ему уже тысячу стрельцов и вновь написать к черкесам грамоты, чтоб те перешли на его сторону. И снова Исмаил обещает, что как только они разобьют Малых Ногаев, он тотчас отправится «воевать Крым» (Продолжение 1795: 212–213). К этому времени к военно-политическому альянсу между Крымским ханством и Малой Ногайской Ордой присоединяются и некоторые черкесские князья. Направлен этот альянс был, в первую очередь, против Больших Ногаев и России. Продолжали присоединяться к Гази мирзе и недовольные Исмаилом заволжские мирзы со своими людьми (Продолжение 1795: 237).

В октябре 1562 г. царь отправляет в Астрахань грамоту к воеводе Федору Сисееву, из которой следует, что Гази мирза пытался наладить контакты и с астраханскими татарами. В частности, стало известно, что казыевцы приезжали в Астрахань к тамошним татарам, останавливались у них, закупали товары и запасы. Исмаил жаловался, что из Астрахани «Казыевы люди» приходят на его улусы, угоняют лошадей и грабят людей. В связи с этим Иван IV приказал астраханскому воеводе запретить казыевцам приезжать и останавливаться в Астрахани, а также вести торговлю с местным населением (Продолжение 1795: 248–250).

Приблизительно в это же время Исмаил дважды писал в Москву, что Гази мирза стал для Больших Ногаев врагом «пущи Крыма». И опять, в который раз, он обосновывает свое бездействие относительно Крымского ханства невозможностью совершения похода из-за наличия Казыева улуса на «промежке»: «людей своих послати на Крым, ино въ промежке Казый стоять, и онъ людей моихъ поемлетъ» (Продолжение 1795: 252). Без помощи русской рати, оснащенной пушками и пищальями, конные отряды Исмаила сами не смогут справиться с Гази мирзой, так как тот укрывается в «крепостных местах» у черкесов, недосыгаемых для них (Продолжение 1795: 260).

В грамоте Исмаила, которая была доставлена в Москву 15 декабря 1562 г., сообщается, что Гази мирза посылал к Девлет Гирею своих людей просить войско, оснащенное пушками и пищаль-

ми, под руководством двух мирз, для похода на Астрахань «сего году». В той же грамоте впервые говорится о том, что черкесы, примкнувшие к крымско-казыевскому союзу, «Казыевой жене племя» (Продолжение 1795: 266). Следовательно, альянс с черкесами был скреплен браком между Гази мирзой и дочерью кабардинского князя Пшеапшоки Кайтукина (Посольская 2016: 97). Незадолго до этого, в 1561 г., другой кабардинский князь и противник Пшеапшоки – Темрюк Идаров, выдал замуж своих дочерей: Кученей (Марию) за Ивана IV, Малхуруб за Дин-Ахмеда, сына бия Исмаила (Продолжение 1801: 52–53; Жирмунский 1974: 484; Трепавлов 2016: 394). Таким образом, в 1562 г. на Северном Кавказе сложилась сильная коалиция Девлет Гирея, Гази Уракова и Пшеапшоки Кайтукина, противостоящая другой коалиции – Ивана IV Васильевича, Исмаила Мусаевича и Темрюка Идарова.

Исмаил вновь просит Ивана Васильевича прислать к июню три тысячи человек с пушками и пищальями против казыевцев, аргументируя необходимость совместных действий против Гази мирзы не только тем, что это даст возможность без помех ударить по Крыму, но и тем, что крымский хан не осмелится пойти на Русь. Перед началом широкомасштабных действий против Гази мирзы Исмаил обещал по весне послать в набег на Малых Ногаев своего племянника Булат мирзу. Вдобавок ко всему Исмаил жаловался на то, что царский запрет на приезд казыевцев в Астрахань воевода Федор Сисеев не выполняет (Продолжение 1795: 269).

В ответ Иван Васильевич со своим послом Михаилом Колупаевым сообщал Исмаилу, что «Казыя мурзу всех болши надобе воевати», только сейчас прислать стрельцов он не сможет по причине готовящегося крупного похода на Литву (Продолжение 1795: 276). Тем не менее, в Москве не оставляли надежды заполучить к себе в союзники Гази мирзу и тем самым разрушить крымско-казыевский союз. Для этой цели в Астрахань была отправлена сестра Гази, бывшая замужем за давно уже осевшим в Москве служилым татарским царевичем Бек-Пуладом б. Шейх-Аулиаром (Продолжение 1795: 279; Трепавлов 2016: 394). Она везла с собой царское жалование для брата на

случай, если тот перейдет на службу к русскому государю. В то же время к кабардинскому князю Темрюку Идарову был отправлен посол Семен Степанович Ярцев с предложением государева жалования за службу для того же Гази Уракова. Если же и на этот раз Гази мирза не примет царское предложение, то тогда Иван IV обещал Исмаилу прислать на Казыев улус войско и выбить Гази с его территории. А пока он предлагал ногайскому бию самому «промышлять» над казыевцами (Продолжение 1795: 280).

Тогда же в источниках появляется известие о том, что Якшисаат мирза, Ислам Гази мирза и Мехмед Кул мирза обратились к русскому царю с просьбой примирить их с бием Больших Ногаев Исмаилом (Продолжение 1795: 285). Это сообщение интересно в том плане, что Якшисаат мирза до этого ходил в набег на Крым по поручению Исмаила, а теперь оказался в качестве беглого мирзы. Позже он все-таки присоединится к Гази Уракову и возглавит Малую Ногайскую Орду в 80-х гг. XVI в. А Мехмед Кул мирза, наоборот, был послом Гази в Крым, теперь же, как видно, он покинул лидера Малых Ногаев по неизвестным нам причинам.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что взаимоотношения между Малой Ногайской Ордой и Крымским ханством строились именно как союзнические с полным равноправием сторон. Правда, сложились они не сразу. Понадобилось приблизительно десять лет, чтобы Гази мирза окончательно решился на союз с извечным противником ногаев – Крымом. Но чем дальше, тем крепче становился этот союз. И не смотря на все попытки бия Исмаила и царя Ивана IV переманить Гази мирзу на свою сторону, он так и не примкнет к ним, и до конца будет верен хану Девлет Гирею. После гибели Гази в 1576 г. и смерти Девлет Гирея в 1577 г. отношения между Малой Ногайской Ордой и Крымским ханством будут меняться в сторону вассалитета-сюзеренитета, но это уже тема другого исследования. Тем не менее, выбор первого лидера Казыева улуса окажется судьбоносным для всей последующей истории этого политического образования на Северном Кавказе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ЛИТЕРАТУРА

- Бутков П.Г. 1869. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб.: Императорская Академия Наук.
 Жирмунский В.М. 1974. Избранные труды: Тюркский героический эпос. Л.: Наука.
 Зайцев И.В. 2006. Астраханское ханство. М.: Восточная литература.

Зайцев И.В. 2009. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература.

Кушева Е.Н. 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М.: Изд-во АН СССР.

Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л.: Изд-во АН СССР.

Пилипчук Я.В. 2016. Политика Крымского ханства на Северном Кавказе (1475–1769 гг.) // История военного дела: исследования и источники VIII, 220–246. URL: www.milhist.info/2016/05/23/pilipchuk_1 (2016. 23 мая).

ПСРЛ. 1904. Т. XIII. Ч. 1. СПб.: Типография И.Н. Скороходова.

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. 2016 / Моисеев М.В. (отв. ред.). М.: Фонд «Русские Витязи».

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. 1995. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. 2006 / Мустафина Д.А., Трепавлов В.В. (сост.). Казань: Татарское книжное изд-во.

Продолжение древней российской вивлиофики. 1795. Ч. 10. СПб.: Императорская Академия Наук.

Продолжение древней российской вивлиофики. 1801. Ч. 11. СПб.: Императорская Академия Наук.

Сикалиев А.И.-М. 1994. Ногайский героический эпос. Черкесск: Карачаево-Черкесский ин-т гуманитарных исследований.

Трепавлов В.В. 2016. История Ногайской Орды. Казань: Казанская недвижимость.

Шалак М.Е. 2017а. «...Кому ни будучи на поле тому своею головою промышляти»: к вопросу о первых контактах Московского царства с Казыевым улусом // Бойко А.Л., Сень Д.В., Яровой А.В. (отв. ред.). Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). Ростов-на-Дону: Альтаир, 45–50.

Шалак М.Е. 2017б. Россия и Малая Ногайская Орда: к проблеме выстраивания взаимоотношений // Бугаев А.М. (отв. ред.). Социально-экономическое и политическое развитие народов Северного Кавказа (XIX – начало XXI вв.): Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук, профессора А.И. Хасбулатова (г. Грозный, 19–20 декабря 2017 г.). Грозный: Грозненский рабочий, 2017, 484–489.

İnalçık H. 1948. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // Belleten. Turk Tarih kurumu. Cilt 12. Sayı 46, 349–402.

Kurat A.N. 1961. The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // The Slavonic and East European Review. Vol. 40. № 94, 7–23.

Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551). 1973 / Gökbilgin Ö. (ed.). Ankara: Baylan Matbaası.

REFERENCES

Butkov P.G. Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g. [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. Pt. 1. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1869. (In Russian).

Zhirmunskiy V.M. Izbrannye trudy: Tyurkskiy geroicheskiy epos [Selected works: Turkic heroic epic]. Leningrad: Nauka, 1974. (In Russian).

Zaytsev I. V. Astrahanskoe hanstvo [Astrakhan khanate]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. (In Russian).

Zaytsev I. V. Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vv.: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki [The Crimean historiographical tradition of the XV–XIX centuries: ways of development: manuscripts, texts and sources]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2009. (In Russian).

Kusheva E. N. Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiey (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII v.) [The peoples of the North Caucasus and their relations with Russia (second half of XVI – 30s of the XVII century)]. Moscow: AN SSSR, 1963. (In Russian).

Novosel'skiy A.A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the XVII century]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1948. (In Russian).

Pilipchuk J. In: Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki [The history of military science: research and resources]. Vol. VIII (2016): 220–246. Available at: www.milhist.info/2016/05/23/pilipchuk_1. (Accessed on 2018. 30 Oct.) (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisey [Full collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. Pt. 1. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1904. (In Russian).

Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg. [Embassy book on the relations of the Moscow state with the Crimea. 1567–1572] /. Moiseev M.V. (ed.). Moscow: Fond "Russkie Vityazi", 2016. (In Russian).

Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1489–1549 gg. [Embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. (In Russian).

Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1551–1561 gg. Publikatsiya teksta [Embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1551–1561] / Mustafina D.A., Trepavlov V.V. (comp.). Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. (In Russian).

Prodolzhenie drevnej rossijskoj vivliofiki [The continuation of ancient Russian vivliofika]. Pt. 10. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1795. (In Russian).

Prodolzhenie drevnej rossijskoj vivliofiki [The continuation of ancient Russian vivliofika]. Pt. 11. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1801. (In Russian).

Sikaliev A.I.-M. Nogayskiy geroicheskiy epos [Nogai heroic epic]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskiy in-t gumanitarnykh issledovaniy, 1994. (In Russian).

Trepavlov V.V. Istoriya Nogayskoy Ordyy [History Of The Nogai Horde]. Kazan: Kazanskaya nedvizhimost', 2016. (In Russian).

Shalakov M.E. In: Vojna i voinskie tradicii v kul'turakh narodov Yuga Rossii (VI Tokarevskie chteniya): Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Rostov-na-Donu, 4-5 maya 2017 g.) [War and military traditions in the cultures of the peoples of the South Russia (VI Tokarev readings): Proceedings of the all-Russian scientific and practical conference (Rostov-on-Don, May 4–5, 2017)]. Rostov-na-Donu: Al'tair, 2017, pp. 45–50. (In Russian).

Shalakov M.E. In: Social'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie narodov Severnogo Kavkaza (XIX – nachalo XXI vv.) – Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora A.I. Hasbulatova (g. Groznyj, 19–20 dekabrya 2017 g.) [Socio-economic and political development of the peoples of the North Caucasus (XIX – early XXI centuries.): Collection of materials of the all-Russian scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor A.I. Khasbulatov (Groznyj, 19–20 December, 2017)]. Groznyj: Groznenskiy rabochij, 2017, pp.484–489. (In Russian).

İnalçik H. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // Belleten. Turk Tarih kurumu. Cilt 12. Sayı 46 (1948): 349–402.

Kurat A.N. In: The Slavonic and East European Review. Vol. 40. No. 94 (1961) : 7–23.

Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551) / Gökbilgin Ö. (ed.). Ankara: Baylan Matbaası, 1973.

M.E. Shalakov
Taganrog, Russia

LESSER NOGAI HORDE RELATIONSHIP BUILDING WITH THE CRIMEAN KHANATE IN THE FIRST YEARS OF THE HORDE EXISTENCE

Abstract. Today in historiography there is an opinion that the Lesser Nogai Horde, or *Kaziev ulus*, was in vassal dependence from the Crimean Khanate almost immediately since the time of its foundation in the steppe Ciscaucasia in the middle of the 16th century. But was it really so? The purpose of this article is to trace the process of relationship building between the Lesser Nogai Horde and the Crimean Khanate in the first decade of the *Kaziev ulus* (1551–1562). This can be done through a thorough analysis of historical sources that reflect the relations. As a result of the work done, it was concluded that the Lesser Nogais were gradually included in the orbit of allies of the Crimean Khanate in the North Caucasus. Further on, beyond the chronological framework of our study, the increasing dependence of the Lesser Nogais on the Crimea will be directly related to their military and political weakening as well as the strengthening of the position of the Moscow state in the region. It was the protection from Moscow that forced the kazeyevs to seek help and support from the Crimean Khans. Eventually, by the end of the 1630s the Lesser Nogai Horde ceased to exist as a political entity, and the majority of its mirzas with their people moved to the territory of the Crimean Khanate.

Due to the lack of documentation reflecting the actual Crimean-Nogai relations, we will mainly analyse those sources on Russian-Nogai and Russian-Crimean relations that were included in the Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde and the Crimean Khanate.

Key words: Lesser Nogai Horde; Crimean Khanate; Embassy books; steppe Ciscaucasia.

About the author: Maxim Evgen'evich Shalakov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Special Historical Disciplines and Documentary Studies, Institute of History and International Relations.

Place of employment: Southern Federal University.

УДК 94(420).086

Л.А. Якубова, М.Ф. Бадалов
Нижневартовск, Россия**ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В 2000–2014 гг.***

Аннотация. В статье исследованы основные аспекты внутренней миграции в странах Европейского Союза в 2000–2014 гг. Свободное передвижение трудящихся и свободная внутренняя миграция – один из основополагающих принципов европейской интеграции и деятельности Европейского Союза как государственного образования.

В статье определены основные группы населения, активно участвующие во внутренних миграционных потоках – экономически активное трудоспособное население, осуществляющее передвижения внутри ЕС с целью поиска более высокооплачиваемой работы, зачастую в ущерб имеющейся квалификации, и студенты и молодежь, передвигающиеся по причинам участия в программах академического обмена, студенческой мобильности и т. д.

Автор анализирует причины и факторы, явившиеся катализатором внутренних передвижений для граждан различных социальных групп в разных государствах – членах Европейского Союза. Одними из наиболее весомых геополитических факторов в данном случае выступают территориальные расширения Европейского Союза в 2004, 2007 и 2013 гг.; личные причины: вступление в брак, воссоединение семьи, переезд к родственникам.

Отдельное внимание уделено нормативной базе, регулирующей режим свободы передвижения граждан внутри Европейского Союза.

В статье рассмотрены как положительные, так и отрицательные последствия свободной внутренней миграции в ЕС. Представлена дискуссия европейских лидеров в обозначенный хронологический период относительно проблем свободного перемещения и возможностей его ограничения.

Ключевые слова: социальная политика; миграционная политика; мигранты; миграционное законодательство; внутренняя миграция; Европейский Союз; Европейское экономическое сообщество; «свобода передвижения трудящихся»; «социальный туризм»; социальное обеспечение; социальное страхование.

Сведения об авторах: Лала Алиевна Якубова¹, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой документоведения и всеобщей истории; Мехмедалы Фазиль оглы Бадалов², аспирант кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: ^{1,2}Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: ¹628615, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Нижневартовск, ул. Интернациональная, д. 10, корп. Б, кв. 27; тел. 8(982)185-33-61, e-mail: lalayakubova@gmail.com.

Впервые свободное передвижение трудящихся в рамках Общего рынка стало возможным в Европейском экономическом сообществе в 1968 г. В 1993 г. появились три другие экономические свободы, составившие основу европейской интеграции – свобода передвижения товаров, услуг и капитала. Первоначально право на свободное передвижение было гарантировано только гражданам, занимающимся экономической деятельностью («свобода передвижения трудящихся»), право же на свободное передвижение и проживание в пределах всего Европейского Союза распространялось на остальные категории граждан государств – членов ЕС только после вступ-

ления в силу Маастрихтского договора. В настоящее время эта характеристика – один из ключевых параметров гражданства ЕС. Впоследствии применение принципа свободы передвижения трудящихся ограничивалось только определенным периодом времени на различных этапах геополитического расширения Европейского Союза.

Режим свободы передвижения граждан достаточно четко регламентирован и определен в соответствующих нормативных правовых документах Европейского Союза.

Право на свободу передвижения по территории Европейского Союза для граждан ЕС с целью трудоустройства закреплено в статье 45 Договора

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта 574865-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-MODULE, тема проекта «Социальная политика Европейского Союза» (Erasmus+ Programme, Jean Monnet Activities) по грантовому соглашению № 2016-2593/001-001. Содержание данного материала отражает мнение авторов, Европейская Комиссия не несет ответственности за использование содержащейся в нем информации.

о функционировании ЕС. Гражданство Европейского союза гарантирует каждому гражданину право на свободу передвижения по территории ЕС, что является одним из главных достижений европейской интеграции.

Основными нормативными правовыми актами в этой сфере являются следующие документы:

– Директива от 29 апреля 2004 г. о праве граждан Европейского Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории стран – членов ЕС (European Parliament and Council Directive 2004/38/EC of 29 April 2004);

– Регламент № 492/2011 о свободе передвижения работников внутри ЕС (Regulation (EU) No 492/2011 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011);

– Регламент № 883/2004 о координации систем социального обеспечения государств – членов ЕС (Regulation (EC) No 883/2004 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004).

До принятия директивы 2004 г. условия и порядок реализации права на свободу передвижения регулировались отдельными законодательными нормами, содержание которых в значительной степени дублировало друг друга. Директива впервые обеспечила гражданам ЕС возможность постоянно проживать на территории другого государства – члена ЕС и зафиксировала основания для отказа в данном праве по причине угрозы национальной безопасности и общественному порядку. Директива касается также и выходцев из третьих стран. В соответствии с этой директивой к членам семьи относятся супруг, дети до достижения ими 21 года, находящиеся на иждивении родителей. Гражданам ЕС, как и членам их семей, гарантировано право на проживание и доступ на рынок труда принимающей страны – члена ЕС без получения въездной визы и разрешения на работу. Дети граждан ЕС, независимо от их гражданства, также обладают правом на получение образования в принимающей стране. Для осуществления права на свободу передвижения и пребывания сроком до трех месяцев необходимо наличие только действующего паспорта или иного документа, удостоверяющего личность; для членов семьи гражданина ЕС необходимо разрешение на проживание. Более длительное пребывание возможно в случае предоставления доказательств о наличии достаточных финансовых средств для обеспечения себя и своей семьи и действительной в принимающей стране медицинской страховки. Эти условия в основном касаются экономически неактивных категорий лиц (студенты, пенсионеры, неработающие члены семьи гражданина ЕС). Можно полагать, что таким способом принимающие государства стремились снизить нагрузку на систему социального обеспечения европей-

ских государств. Вместе с этим, у этого правила есть исключения: временно неработающие лица (по причине болезни или несчастного случая); безработные, если они осуществляли трудовую деятельность не менее одного года на территории принимающей страны ЕС; временно нетрудоустроенные граждане на период обучения и специальной профессиональной квалификационной подготовки.

Свобода передвижения трудящихся является одной из основ европейской региональной интеграции и обеспечивает гражданам ЕС право работать в другом государстве ЕС без особого разрешения на работу, находиться там в течение трудовой деятельности и в течение некоторого времени по ее окончании. В соответствии с регламентом № 492/2011 граждане Европейского Союза, проживающие в одном государстве и принятые на работу в другом государстве ЕС (в том числе самостоятельно) и члены их семей, имеют социально-экономические права, уравниваемые с гражданами принимающей страны. К данным правам относятся следующие: право доступа на рынок труда, адекватные условия труда, налоговые и социальные льготы. Обе группы граждан в равной степени платят налоги и вносят свой вклад в систему социального благосостояния и социального обеспечения. Каждое государство – член ЕС самостоятельно определяет размер и условия социальных льгот и выплат для иностранных граждан. Относительно этой политики применяется особый принцип координации: гражданам ЕС гарантировано соблюдение их социально-экономических прав на территории другой страны Евросоюза. Вместе с этим, соответствующие социальные выплаты и поддержка будут доступны только в одной стране, чаще всего в данном случае речь идет о стране пребывания. Принимающее государство не обязано предоставлять социальную помощь незанятым лицам в процессе общественного воспроизводства в течение первых трех месяцев их пребывания, дабы избежать явления «социального туризма».

Регламент № 492/2011 также юридически закрепил право на социальное страхование для граждан ЕС (выплата пенсий, пособий по временной нетрудоспособности, беременности, родам и уходу за ребенком, медицинское обслуживание и т. п.), которое распространяется на всю территорию Европейского Союза, независимо от того, в каком государстве ЕС проживает гражданин. В данном случае действует закон места пребывания, в соответствии с которым в отношении гражданина ЕС действуют те нормы социального страхования, которые приняты в стране его настоящего пребывания и трудоустройства. Следует учесть тот факт, что нормы страны происхождения при

этом во внимание не принимаются. Директива гарантирует гражданам ЕС и членам их семей, независимо от гражданства, защиту от депортации; однако, она возможна в случае, если они представляют угрозу общественному правопорядку и национальной безопасности.

Через пять лет проживания и трудовой деятельности экономически активные граждане получают право на постоянное проживание и доступ к системе социального обеспечения вне зависимости от того, имеют ли они работу. В связи с тем, что это право приобретается автоматически, местные власти часто узнают о существовании нового претендента на социальное обеспечение лишь тогда, когда он предъявляет свои требования. Что касается экономически неактивных граждан, то они также могут получить статус постоянного резидента и претендовать на определенные социальные выплаты, лишь предъявив доказательства финансовой независимости и медицинскую страховку.

Право на постоянное проживание, приобретаемое гражданами ЕС и членами их семьи по истечении 5-летнего срока пребывания в принимающей стране, действует на всей территории принимающей страны. Выдача соответствующих документов является бесплатной, либо за выдачу взимается сумма, не превышающая суммы за выдачу аналогичных документов для граждан принимающей страны.

Координация социальных систем государств – членов ЕС была реформирована накануне расширения 2004 г. в сторону наибольшего благоприятствования для тех, кто пользовался свободой передвижения. Было усилено противодействие дискриминации социальных прав граждан, что, однако, вызвало неоднозначную реакцию у государств, которые оказались вынужденными принимать граждан из менее благополучных государств – членов ЕС.

Начиная с 2007 г. численность граждан Европейского Союза, участвующих во внутренней миграции, возрастает. По данным Европейской статистической службы (Евростат), в 2007 г. 10,2 млн граждан ЕС проживали на территории другого государства – члена ЕС, в 2011 г. – 12,6 млн, в 2014 г. – уже более 17,2 млн, что составляет 3% населения Евросоюза (Guild 2014).

В Люксембурге, Кипре, Бельгии, Ирландии, Словакии, Венгрии, Нидерландах и Мальте доля граждан ЕС среди всех иностранных граждан выше, чем граждан стран третьего мира. Больше всего граждан ЕС проживает в Германии, Испании и Великобритании. Тем не менее, внутриевропейская мобильность не так велика. В период экономического кризиса 2008–2010 гг. наблюдалось уменьшение внутренней миграции в Евро-

пейском Союзе. Одной из ее главных причин является вероятность трудоустройства на более высокооплачиваемую работу на лучших условиях. В 2012 г. 6,5 млн занятых в ЕС трудоустроились в другом государстве ЕС, что составило более 40% от всех занятых иностранцев на территории ЕС (Eurostat, Migration and migrant population statistics). Кроме того, причиной внутренней миграции являются семейные ситуации и обстоятельства: интернациональные браки, воссоединение семьи и наличие родственников в другом государстве ЕС.

Как показывает практика, во внутриевропейскую миграцию вовлечено несколько социальных групп. Первая группа – экономически активное и трудоспособное население; 70% от их общего количества – лица от 15 до 64 лет. Трудовая миграция внутри ЕС неоднозначно оценивается специалистами. Наряду с негативными последствиями (конкуренция с населением принимающей страны на рынке труда, общее снижение уровня заработной платы, миграция молодых активных граждан, обладающих высоким уровнем образования и стремящихся к лучшей жизни), исследователи выделяют и положительный экономический эффект от внутренней трудовой миграции, в особенности после расширения ЕС в 2004 и 2007 гг.

Положительным является и то, что граждане ЕС, прибывающие в другие страны – члены ЕС, занимают не только вакантные рабочие места, требующие высокой профессиональной квалификации и профильного образования, но и вакансии средней квалификации: в строительной сфере, домашнем хозяйстве, торговле, тем самым восполняя недостаток высококвалифицированных специалистов, помогая устранить дефицит на рынке рабочих мест, поддерживая развитие ключевых секторов экономики европейских регионов. В большинстве стран ЕС уровень безработицы среди приезжающих граждан из других государств Евросоюза ниже данного показателя среди автохтонного населения. Миграция населения внутри Евросоюза влияет на социальную жизнь принимающего сообщества в сфере жилищных условий, образовании, социальном обеспечении, развитии предпринимательства и создании рабочих мест. В некоторых европейских городах (Гамбург, Турин) существуют особые программы по оказанию поддержки иностранным бизнесменам.

Вторая группа населения, задействованного во внутренней миграции ЕС, представлена молодежью, в основном – учащейся. Численность студентов, получающих высшее образование в другой стране ЕС, в 2010 г. составляла около 570 тыс. Студенты из Германии, Франции, Италии, Поль-

ши и Греции предпочитают получать образование в другом европейском государстве ЕС. В 2010 г. на первом месте по приему иностранных студентов из других стран Европейского Союза находилась Великобритания, на втором – Германия, на третьем месте – Австрия. В совокупности на эти три страны приходилось более 50% студентов, получающих образование в другой стране Европейского Союза. В статистических документах не учитывают студентов – участников программ академических обменов, получающих образование в другой стране ЕС на период от трех месяцев до одного семестра. В рамках системы «Эразмус» за академический год в среднем более 250 тыс. студентов и более 45 тыс. преподавателей получили гранты для обучения и работы в другом государстве ЕС (Erasmus programme).

В марте 2010 г. в ЕС была принята новая стратегия экономического и социального развития до 2020 г., получившая название «Европа 2020: стратегия разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста». После кризиса 2008–2010 гг. в Европейском Союзе возрос уровень безработицы, в особенности среди молодого населения. В ноябре 2013 г. в ЕС он составил более 5,5 млн человек. Самые высокие показатели безработицы среди молодых людей до 25 лет были отмечены в Греции (56,8%), Испании (53,9%) и Хорватии (49%) (Eurostat, Euro area unemployment rate at 11,8%). Решение о поддержке мобильности молодых людей и развитии программ студенческих академических обменов и трудовой миграции для молодых специалистов было принято в целях восстановления темпов экономического и социального развития ЕС (European Commission, Europe 2020). Важное значение в рамках данной стратегии приобрел также нормативный документ – «План по развитию новых способностей и увеличению количества рабочих мест». Документ призван был улучшить соотношение спроса и предложения на рынках труда и предоставить людям возможность получать новые знания и навыки с возможностью дальнейшего трудоустройства (Eurostat, Migration and Mi-grant Population Statistics).

Бесспорно, одним из важнейших факторов усиления внутренней трудовой миграции в ЕС является расширение Европейского Союза как государственного регионального образования, включение в него новых стран. В связи с этим необходимо отметить территориальные расширения Европейского Союза 2004 и 2007 гг. В период 2004–2008 гг. численность населения новых 12 государств – членов ЕС возросла на 1 млн человек (European Integration Consortium. Labour mobility within the EU in the context of enlargement and the functioning of the transitional arrangements).

Население Польши, Эстонии, Латвии и Литвы чаще всего мигрировало в Великобританию и Ирландию, граждане Румынии и Болгарии – в страны Южной Европы – Испанию и Италию. До присоединения к ЕС новых государств в 2004 г. первое место по приему жителей других стран Евросоюза было отдано Австрии и Германии (около 60% во всех внутренних миграционных потоках). Больше всего граждан, переехавших в другую страну ЕС для работы и проживания в 2011 г., было из Польши (159,6 тыс. человек) и Румынии (159,4 тыс. человек).

Расширение 2004 г. в разной степени обеспечило населению присоединившихся стран новые возможности. Например, население Кипра и Мальты получило неограниченное право свободы передвижения. Наряду с этим, в течение первых лет после вступления в ЕС в отношении граждан Чешской Республики, Эстонии, Латвии, Литвы, Венгрии, Польши, Словении и Словакии существовал режим 7-летнего переходного периода, в соответствии с которым для них было введено ограничение на право заниматься трудовой деятельностью в любом государстве ЕС. С 1 мая 2011 г. эти ограничения доступа на рынки труда стран – членов ЕС были сняты. Для граждан Румынии и Болгарии, вступивших в ЕС в 2007 г., ограничения были сняты 1 января 2014 г., после чего они смогли официально трудоустроиться и претендовать на программы социального обеспечения в странах ЕС.

Вместе с этим, в 2010 г., спустя 3 года после вступления Болгарии в ЕС, более 400 тыс. ее граждан проживали в странах – членах ЕС (в основном в Испании, Германии и Греции). Более 55% из них – это молодые люди до 35 лет, обладающие рабочей профессией и средней квалификацией. Работники с высокой и низкой квалификацией составляли 30 и 15%. Большинство граждан Болгарии (около 70%) трудились в той же стране, где проживали вместе со своей семьей. Большая часть из них трудоустроивались на предприятиях сферы обслуживания, общественного питания, гостиничного бизнеса, на производственных объектах и в строительстве. Подавляющее большинство были заняты на работах, требующих элементарных навыков в сфере обслуживания, торговли, обслуживания техники и конвейерной сборки. Около 11% граждан трудоустроены в сфере, требующей высокой квалификации и образования (специалисты, переводчики, гиды и т. д.) (Labour mobility within the EU 2011). Таким образом, граждане Болгарии, как правило, были вынуждены трудоустроиться на позиции, существенно ниже уровня их профессиональной квалификации; данный выбор вполне осознан и связан с разницей в

уровне доходов граждан Болгарии и жителей Старого Света.

Подобная ситуация наблюдалась и относительно граждан Румынии. В 2010 г. около 2 млн румын (7% населения) проживали в странах ЕС, в основном в крупнейших государствах Южной Европы – в Испании и Италии, которые приняли 83% всех приехавших в ЕС румын. Это были преимущественно молодые люди (60% были моложе 35 лет), обладающие низким и средним уровнем квалификации (88% румын не обладали высшим образованием). В этой связи они трудоустраивались на менее престижные должности в торговле, строительстве и промышленности. Небольшое количество высококвалифицированных рабочих были трудоустроены только в Германии. Главным фактором притяжения для румын стала возможность высокого заработка – в два-три раза выше, чем в Румынии (Kahanec 2012).

Ограничения на доступ к рынкам труда государств – членов ЕС действуют и в отношении граждан Хорватии, вступившей в состав ЕС 1 июля 2013 г. Каждая из 27 стран ЕС имеет право самостоятельно решать – открывать или нет свой рынок труда для граждан из новой страны ЕС, вплоть до третьей фазы переходного периода (он будет длиться с 1 июня 2018 г. по 30 июля 2020 г.). До 30 июня 2015 г. такие ограничительные меры существовали в Австрии, Бельгии, Кипре, Франции, Германии, Греции, Италии, Люксембурге, Мальте, Нидерландах, Испании, Словении, Великобритании.

Европейская комиссия по вопросам занятости и социальной политики в целом положительно оценивала последствия расширения Европейского Союза, определяя его как фактор роста занятости и восполнения дефицита квалифицированных работников. Однако внутри национальных государств – членов ЕС по этому поводу разгорелась оживленная полемика. Это было связано, в первую очередь, с опасениями стран – членов ЕС неограниченного потока мигрантов из Румынии и Болгарии после открытия им доступа на рынки труда ЕС в январе 2014 г. В связи с этим государства – члены ЕС предложили пересмотреть некоторые из существующих нормативных документов. Таким образом, было предложено внести изменения в директиву 2004/38/ЕС в сторону ограничения социальных прав мигрантов, приезжающих из вновь присоединившихся стран.

Одним из важнейших последствий расширения Европейского Союза и открытия рынка труда для граждан новых стран стал так называемый «социальный туризм». Под «социальным туризмом» понимается массовая миграция граждан и их семей, проживавших в странах, недавно вошедших в ЕС (как правило, это страны Централь-

ной и Восточной Европы) в наиболее развитые государства Евросоюза (Австрия, Германия, Нидерланды, Великобритания) с целью претендовать на социальные льготы и гарантии этих государств. «Социальный туризм», несомненно, представлял собой серьезную нагрузку для систем социального обеспечения государств – членов ЕС, требовал значительных финансовых инвестиций. Сложившаяся ситуация породила споры и дискуссии внутри Комиссии по вопросам занятости и социальной политики, куда Австрия, Германия, Нидерланды и Великобритания обратились с жалобой весной 2013 г. Жалоба была отвергнута членами Комиссии, решение было аргументировано следующим образом: свобода передвижения в ЕС не дает сбоев, никакого «социального туризма» не существует, а европейским государствам следовало бы более тщательно выполнять действующие правила нормативных документов ЕС. В качестве иллюстрации была приведена статистика: в 2012 г. в Германии более 80% выплат по безработице получили граждане Германии, почти 16% – приезжие граждане из стран, не входящих в ЕС, и лишь около 4% выплаченных пособий приходится на долю трудящихся из других стран ЕС. В Нидерландах такое соотношение составляет 82,7, 15,8 и 1,54% соответственно. В 2012 г. около 3% граждан ЕС проживали не там, где родились, а ежегодный уровень трансграничной мобильности не превышал 0,3% (Labour mobility within the EU 2011).

Наиболее непримиримую позицию в этом вопросе заняла Великобритания. В ноябре 2013 г. премьер-министр Дэвид Кэмерон в интервью «The Financial Times» заявил о необходимости пересмотра правил внутриевропейской миграции в сторону их ужесточения – например, вновь прибывшие претенденты на социальную помощь не должны получать пособия по безработице в течение трех месяцев, при этом они должны предъявить доказательства реального поиска работы (Cameron 2013).

Однако представители Комиссии настаивали на сохранении принципа экономической свободы передвижения лиц в первоначальном виде. 25 ноября 2013 г. Комиссия представила программный документ – «План действий по устранению имеющихся недостатков в организации свободы передвижения граждан ЕС». Данный документ включал несколько пунктов и направлений:

1. Формулирование единых европейских правил координации систем социального обеспечения.

2. Предоставление помощи в организации социального обеспечения с помощью привлечения финансовых средств Европейского социального фонда.

3. Консультации и организация обмена опытом наиболее успешных практик решения социального вопроса в странах ЕС.

4. Воспрепятствование фиктивным бракам как способу перебраться в государства ЕС с наиболее развитой экономикой и системой социального обеспечения (Free movement of EU citizens and their families 2013).

«План действий по устранению имеющихся недостатков в организации свободы передвижения граждан ЕС» оказался вполне резонансным документом и получил неоднозначную оценку среди лидеров национальных государств ЕС.

Резко негативную позицию заняла Великобритания. Тереза Мэй, находящаяся в исследуемый период на посту министра внутренних дел, в декабре 2013 г. подняла вопрос о пересмотре факторов основных нормативных документов Европейского Союза с целью ограничения доступа граждан ЕС на национальные рынки труда. По мнению Т. Мэй, условием допуска трудящихся на национальные рынки должен быть определенный уровень валового внутреннего продукта на душу населения в стране происхождения.

Страны Вышеградской четверки (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия), напротив, отметили положительное влияние трудящихся из стран Центральной и Восточной Европы. Акцент был сделан на то, что это, в основном, молодые и экономически активные граждане (80% из них – лица моложе 44 лет). В целом страны ЕС при обсуждении Плана стояли на позиции усиления сотрудничества и совместного выявления случаев злоупотребления правом свободы передвижения (Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 06.12.2013).

В январе 2014 г. полемика относительно ограничения прав граждан вновь присоединившихся к ЕС стран на общеевропейский рынок труда возобновилась с новой силой. Катализатором дискуссии стало снятие ограничений на полный доступ граждан Румынии и Болгарии на рынки труда стран ЕС 1 января 2014 г. Великобритания в этом вопросе традиционно заняла достаточно жесткую позицию. Премьер-министр Д. Кэмерон вновь заявил о необходимости ограничения доступа трудящихся из стран ЕС к системе социального обеспечения и социального страхования; особый акцент Д. Кэмерон сделал на ужесточение доступа граждан ЕС на рынок труда Великобритании, принимая во внимание перспективы дальнейших отношений Великобритании и Европейского Союза. Польша заняла диаметрально противоположную позицию и призывала защищать фундаментальные права граждан Европейского Союза, в первую очередь – право свободного передвижения.

Тема допуска трудящихся на национальные рынки в зависимости от уровня валового внутреннего продукта на душу населения в стране происхождения, как это было предложено Терезой Мэй, неоднократно обсуждалась на заседаниях и конференциях Европейского парламента, который чаще всего не оказывал серьезной поддержки Великобритании и был настроен достаточно лояльно в отношении возможного массового наплыва трудящихся новых европейских государств. В январе 2014 г. на заседании Европарламента был озвучен объем внутренней мобильности в ЕС (около 3%), сделано заключение о том, что трудящиеся из Болгарии, Румынии и Польши не представляют собой сколько-нибудь непосильную нагрузку для систем социального обеспечения государств – членов ЕС. Подобный настрой Европейского парламента не позволил Т. Мэй доказать факты злоупотребления социальной помощью со стороны приезжих из новых стран Европейского Союза. Однако Т. Мэй привела статистические данные о росте численности граждан ЕС, приехавших в Великобританию в 2013 г. – 201 тыс., 23 тыс. из которых составили жители Болгарии и Румынии (в 2012 г. этот показатель составлял 9 тыс.). Таким образом, за период 2013–2014 гг. доля приезжих европейцев возросла на 14%; наибольшая доля среди них приходилась на болгар и румын (Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 23.05.2014).

Германия поддержала Великобританию. В марте 2014 г. правительство Германии опубликовало доклад с рекомендациями относительно ограничения социальных выплат, в том числе пособий для семей граждан ЕС, зарегистрированных в Германии в качестве налогоплательщиков. Правительство вновь предложило ликвидировать «социальный туризм» как таковой, сократить сроки пребывания безработных граждан в Германии до трех месяцев и наделить национальные государства правом депортации тех граждан, которые обманным путем захотели остаться на более длительный период. Однако, в соответствии с законодательством Европейского Союза, для этого должен возникнуть прецедент очень серьезного торгового мошенничества, несущего угрозу национальной безопасности и государственному суверенитету.

В июне 2014 г. Великобритания, Германия, Швеция и Нидерланды провели встречу, на которой обсуждали варианты решения вопроса борьбы с последствиями свободы передвижения. Премьер-министру Великобритании Д. Кэмерону удалось заручиться поддержкой вышеназванных стран ЕС и окончательно убедить их в необходимости пересмотра принципа свободы передвиже-

ния (Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 11.06.2014).

Позднее, в феврале 2014 г., к ним присоединилась и Швейцария, которая провела референдум за ограничение иммиграции и свободы передвижения граждан ЕС.

Несмотря на оформившуюся позицию целого блока стран – сторонников ограничения передвижения граждан ЕС, она никаким образом не повлияла на позицию официального Брюсселя. Напротив, Председатель Европейской Комиссии Жозе Мануэль Баррозу высказался о зеркальных мерах в отношении Швейцарии и предложил лишить более 400 тыс. швейцарских граждан, проживающих в ЕС, права трудоустроиться (Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 15.02.2014).

В результате переговоры Великобритании с Европейским союзом завершились на саммите ЕС в феврале 2016 г. компромиссом. Страны ЕС получили право использовать так называемый «экстренный тормоз» относительно выплаты социальных пособий гражданам ЕС, но страна должна представить в ЕС доказательства чрезмерной нагрузки на свои социальные службы и рынок труда в результате массовой миграции граждан из других стран ЕС. Пособия работающим мигрантам из стран ЕС будут приостановлены на 4 года и будут постепенно возвращены по мере увеличения срока их проживания в стране. Мера касается вновь прибывающих в течение 7 лет (Великобритания просила изначально о 13 годах). Мигранты смогут по-прежнему получать пособие на содержание детей, даже если те живут в стране их происхождения, а не в стране пребывания. Вместе с этим, размеры этого пособия будут индексированы, если прожиточный уровень в стране происхождения ниже, чем в стране пребывания. Помимо этого, была существенно упрощена процедура депортации граждан ЕС, если они представляют угрозу для национальной безопасности.

Таким образом, вопрос ограничения свободы передвижения, с одной стороны, и сохранения одного из важных принципов европейской интеграции – с другой, оставался в 2000–2014 гг. достаточно дискуссионным для большинства стран Европейского Союза. Усилению внутриевропейских миграций способствовали геополитические

расширения Европейского Союза в 2004, 2007 и 2013 гг., а также социальные (участие в программах студенческого обмена, обучение и т. д.) и личные причины (вступление в брак, воссоединение семьи, переезд к родственникам).

Влияние внутриевропейской миграции и мобильности не может быть оценено однозначно. К положительным последствиям относится позитивная экономическая динамика в части решения проблемы недостатка высококвалифицированных специалистов, устранения дефицита на рынке труда и поддержания ключевых секторов экономики в регионах. Вместе с этим, внутренняя мобильность не свободна и от недостатков – возрастающая конкуренция с гражданами принимающей страны на рынке труда, понижение уровня заработной платы, переезд молодых граждан до 30 лет, обладающих высоким уровнем образования и квалификацией, которых тем не менее недостаточно для желаемого трудоустройства в стране происхождения. На протяжении 2000–2014 гг. наблюдалась достаточно жесткая полемика между руководящими органами ЕС и лидерами национальных государств ЕС. Европейская комиссия и Европейский Парламент не могли допустить ограничения свободы передвижения, которое повлекло бы за собой обесценивание гражданства Европейского Союза, европейских демократических достижений. Страны ЕС с наиболее успешными и устойчивыми экономиками – Великобритания, Германия, Швейцария, Нидерланды – выступали за ограничения этой свободы, за лимитированный допуск граждан «новых стран» ЕС на общеевропейский рынок труда за несколько лет до надвигающегося на ЕС миграционного кризиса 2016 г. Особую роль в требованиях ограничения свободного передвижения сыграла Великобритания, заняв резко отрицательную позицию по этому вопросу. Британские «евроскептики» открыто заявляли о том, что Европейский Союз себя исчерпал, и вновь присоединившиеся страны являлись для Великобритании как одного из локомотивов ЕС тяжелой социальной и финансовой ношей; таким образом, развернувшаяся дискуссия послужила поводом для запуска процедуры выхода Великобритании из ЕС (Brexit).

ЛИТЕРАТУРА

- Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 06.12.2013. Vol. 10978.
 Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 15.02.2014. Vol. 11019.
 Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 23.05.2014. Vol. 11085.
 Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 11.06.2014. Vol. 11097.
 Cameron D. 2013. Free Movement Within Europe Needs To Be Less Free. The Financial Times. 26 November. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/add36222-56be-11e3-ab12-00144feabdc0.html#axzz2yIHxLXeS> (2018. 22.01).

Free Movement of EU Citizens And Their Families: Five Actions To Make a Difference. Communication from the commission to the european parliament, the council, the european economic and social committee and the committee of the regions. Brussels, 25.11.2013. URL: http://ec.europa.eu/justice/citizen/document/files/com_2013_837_free-movement_en.pdf (2018. 22.01).

European Parliament a. Council Directive 2004/38/EC of 29 April 2004 on the right of citizens of the Union a. their family members to move and reside freely within the territory of the member states amending regulation (EEC) 1612/68 a. repealing Directives 64/221/EEC, 68/360/EEC, 72/194/EEC, 73/148/EEC, 75/34/ EEC, 75/35/EEC, 90/364/EEC, 90/365/EEC a. 93/96/EEC. OJ L 158 of 30 April 2004.

Eurostat, Migration and migrant population statistics. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics&stable=1 (2018. 22.01).

Evaluation of the impact of free movement of EU citizens at local level. European Commission Final report, January 2014. URL: http://ec.europa.eu/justice/citizen/files/dg_just_eva_free_mov_final_report_27.01.14.pdf (2018. 22.01).

Erasmus programme in 2011–2012: The figures explained. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-647_en.htm (2018. 22.01).

Guild E. 2014. The Social Impact of Migration and the Notion of Citizenship for the EU: Ensuing challenges and opportunities for the Union. Brussels, CEPS.

Intra-EU labour migration: Flows, effects and policy responses. 2011. European Trade Union Institute, Bruxelles.

Kahanec M. 2012. Labor Mobility in an Enlarged European Union. IZA Discussion Paper № 6485, Bonn.

Labour mobility within the EU. 2011. The impact of enlargement and the functioning of the transitional arrangements. Final Report – Country Case Studies. London, National Institute of Economic and Social Research.

Regulation (EU) № 492/2011 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on freedom of movement for workers within the Union, OJ L 141, 27.5.2011.

Regulation (EC) № 883/2004 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the coordination of social security systems, OJ L 166, 30.4.2004.

REFERENCES

- Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 06.12.2013. Vol. 10978.
Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 15.02.2014. Vol. 11019.
Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 23.05.2014. Vol. 11085.
Agence Europe. Bulletin Quotidien Europe. 11.06.2014. Vol. 11097.
Cameron D. Free Movement Within Europe Needs To Be Less Free. The Financial Times. 26 November. 2013. Available at: <http://www.ft.com/cms/s/0/add36222-56be-11e3-ab12-00144feabdc0.html#axzz2yIHxLXeS> (Accessed on 2018. 22 Jan.).
Free Movement of EU Citizens And Their Families: Five Actions To Make a Difference. Communication from the commission to the european parliament, the council, the european economic and social committee and the committee of the regions. Brussels, 25.11.2013. Available at: http://ec.europa.eu/justice/citizen/document/files/com_2013_837_free-movement_en.pdf (Accessed on 2018. 22 Jan.).
European Parliament a. Council Directive 2004/38/EC of 29 April 2004 on the right of citizens of the Union a. their family members to move and reside freely within the territory of the member states amending regulation (EEC) 1612/68 a. repealing Directives 64/221/EEC, 68/360/EEC, 72/194/EEC, 73/148/EEC, 75/34/ EEC, 75/35/EEC, 90/364/EEC, 90/365/EEC a. 93/96/EEC. OJ L 158 of 30 April 2004.
Eurostat, Migration and migrant population statistics. Available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php?title=Migration_and_migrant_population_statistics&stable=1 (Accessed on 2018. 22 Jan.).
Evaluation of the impact of free movement of EU citizens at local level. European Commission Final report, January 2014. Available at: http://ec.europa.eu/justice/citizen/files/dg_just_eva_free_mov_final_report_27.01.14.pdf (Accessed on 2018. 22 Jan.).
Erasmus programme in 2011–12: The figures explained. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-647_en.htm (Accessed on 2018. 22 Jan.).
Guild E. The Social Impact of Migration and the Notion of Citizenship for the EU: Ensuing challenges and opportunities for the Union. Brussels, CEPS, 2014.
Intra-EU labour migration: Flows, effects and policy responses. European Trade Union Institute, Bruxelles, 2011.
Kahanec M. Labor Mobility in an Enlarged European Union. IZA Discussion Paper № 6485, Bonn, 2012.
Labour mobility within the EU. The impact of enlargement and the functioning of the transitional arrangements. Final Report – Country Case Studies. London, National Institute of Economic and Social Research. 2011.
Regulation (EU) No 492/2011 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on freedom of movement for workers within the Union, OJ L 141, 27.5.2011.

Regulation (EC) No 883/2004 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the coordination of social security systems, OJ L 166, 30.4.2004.

L.A. Yakubova, M.F. Badalov
Nizhnevartovsk, Russia

INTERNAL MIGRATION WITHIN THE EUROPEAN UNION AND ITS CONSEQUENCES IN 2000–2014

Abstract. The article examines main aspects of internal migration in the EU countries in 2000–2014. The free movement of workers and free internal migration is one of the fundamentals of the European integration and the EU functioning as a state entity.

The article identifies main population groups who actively participate in the internal migration flows. The first group includes the economically active working population, moving around the EU in search of better-paid jobs, often at the expense of their qualifications. The second group of internal migrants is represented by students and the youth, moving in order to participate in academic exchange programs, student mobility, etc.

The author analyses the causes and factors that catalysed internal movement of different social groups in member states of the EU. Some of the most significant geopolitical factors in this case are the EU territorial expansion in 2004, 2007 and 2013, as well as such personal reasons as marriage, family reunion, moving to live with relatives.

Special attention is paid to the regulatory framework governing the European free movement regime.

The article considers both positive and negative consequences of the free internal migration within EU. It also presents the debates of European leaders in the defined chronological period regarding the problems of free movement and the possibilities of its limitation

Key words: social politics; migration policy; migrants; migration legislation; internal migration; European Union; European Economic Community; “freedom of movement for workers”; “social tourism”; social security; social insurance.

About the authors: Lala Alievna Yakubova¹, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Documentation Studies and General History; Mehmedali Fazil ogli Badalov², post-graduate student of the Department of Documentation Studies and General History.

Place of employment: ^{1,2}Nizhnevartovsk State University.

Якубова Л.А., Бадалов М.Ф. Внутренняя миграция в Европейском Союзе и ее последствия в 2000–2014 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 127–135.

Yakubova L.A., Badalov M.F. Internal Migration within the European Union and its Consequences in 2000–2014 // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 127–135.

Уважаемые коллеги!

Нижевартовский государственный университет приглашает ученых, преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов и лабораторий и аспирантов опубликовать результаты своих исследований в области биологических, педагогических, гуманитарных наук.

«Вестник Нижевартовского государственного университета» – периодическое научное издание. Журнал выходит ежеквартально.

Журнал выходит в трех тематических выпусках, отражающих следующие научные направления:

- **Биологические науки.**
03.02.08 Экология.
- **Гуманитарные науки.**
07.00.02 Отечественная история.
07.00.03 Всеобщая история.
- **Педагогические науки**
13.00.04 Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры.
13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

Тематические выпуски скомплектованы в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников, утвержденной приказом Минобрнауки России от 25.02.2009 № 59 (в ред. Приказов Минобрнауки РФ от 11.08.2009 № 294, от 10.01.2012 № 5), и таблицей соответствия направлений (аспирантура), утвержденной приказом Минобрнауки России от 06.11.2013 № АК-2589/05.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, утвержденный ВАК РФ.

«Вестник Нижевартовского государственного университета» зарегистрирован в ISSN реестре: ISSN 2311-1402 (печатная версия журнала); ISSN 2311-4444 (электронная версия журнала).

Публикация в журнале бесплатная.

В журнале публикуются результаты оригинальных научных исследований и обзорные статьи по наиболее актуальным проблемам гуманитарных, педагогических и биологических наук. Предоставляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты научных исследований; статьи не должны находиться на рассмотрении для публикации где-либо еще; публикации должны быть одобрены всеми соавторами.

Статья, регистрационная форма, договор на печать статьи в журнале¹ (в 2 экз.) и отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) направляются либо ответственному редактору соответствующего Вашей тематике выпуска журнала, либо по адресу izd@nvsu.ru (Отдел издательской политики и сопровождения публикационной деятельности НВГУ).

Статья направляется на рецензирование. При положительной рецензии работа публикуется в ближайшем выпуске, соответствующем тематике статьи. В случае отказа в публикации автору направляется мотивированный отказ.

1. Оформление статьи:

1.1. Формат листа – А4, поля вокруг текста – 2 см, гарнитура – Times New Roman, размер шрифта – 11 пт, межстрочный интервал – одинарный, абзацный отступ – 1 см.

1.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов, их следует предоставить в редакцию журнала.

1.3. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5, 7–9).

1.4. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаться внизу страницы.

1.5. Структура статьи:

1. Код УДК.

2. Имя, отчество, фамилия автора(ов).

3. Название статьи.

4. Аннотация.

5. Ключевые слова (отделяются друг от друга точкой с запятой).

6. Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень (аспиранты, соискатели указывают вуз и кафедру), место работы (город, организация, подразделение), должность.

Пункты 2–6 указываются также и на английском языке.

7. Контактная информация: включает почтовый адрес, телефон и e-mail.

8. Текст статьи.

9. Иллюстрации и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.

10. Список сокращений.

11. Литература (на русском и английском языке).

Контактная информация

Адрес: 628611, Россия, г. Нижевартовск, ул. Дзержинского, д. 11, Нижевартовский государственный университет, Отдел издательской политики и сопровождения публикационной деятельности (каб. 103).

Телефон: 8(3466) 43-75-73 **E-mail:** izd@nvsu.ru **Web:** www.nvsu.ru

Куратор: Чорев Михаил Михайлович, начальник Отдела издательской политики и сопровождения публикационной деятельности.

¹ См. на сайте журнала: <http://vestnik.nvsu.ru/avtoram>